

О.Тодер

НАРОД ДЯДЮШКИ ПАУЛЯ

Трансвааль и Оранжевая Республика
в англо-бурской войне
1899-1902 годов

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
О.ТОДЕРА

О.Тодер

НАРОД ДЯДЮШКИ ПАУЛЯ

*Трансвааль и Оранжевая Республика в
англо-бурской войне 1899-1902 годов*

Донецк 2012

Серия "Южноафриканская библиотека О.Тодера"

НАРОД ДЯДЮШКИ ПАУЛЯ

*Трансвааль и Оранжевая Республика в
англо-бурской войне 1899-1902 годов*

О.Тодер. – Донецк, 2012. – 246 с.: ил

**ВЕРСИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА
ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ И
РЕДАКТОРСКОЙ ПРАВКИ**

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

О.ТОДЕРА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ.....	5
ЮЖНАЯ АФРИКА КОНЦА ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ.....	7
БУРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ.....	20
ЗОЛОТЫЕ ПОЛЯ ЙОХАННЕСБУРГА.....	29
ДЕТИ ВЕЛЬДА	44
ПРЕЗИДЕНТ КРЮГЕР	55
СЕСИЛ ДЖОН РОДС.....	66
ПРАВИТЕЛЬСТВО БУРОВ	84
ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ	95
ЛОРЕНЦО МАРКЕС – ПРЕТОРИЯ.....	112
С ФЕРМЫ НА ФРОНТ	128
БЮРГЕР– ВОИН.....	133
ОСОБЕННОСТИ АРМЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ БЮРГЕРОВ	151
ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ БУРОВ	164
ГЕНЕРАЛЫ.....	175
ПРЕЗИДЕНТЫ	205
ИНОСТРАННЫЕ ЛЕГИОНЕРЫ.....	219
ЖЕНЩИНЫ БУРОВ НА ВОЙНЕ	234
ЭПИЛОГ	243

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

Борьба буров Оранжевой Республики и Трансвааля (Южноафриканской Республики) с Британской Империей всколыхнула весь мир. 11 октября 1899 года судьба далеких южноафриканских государств, вдруг, обеспокоила людей, днем ранее даже не подозревавших о существовании такого народа, как буры. Еще бы – затерявшаяся в вельде кучка дремучих фермеров, осмелилась бросить вызов самой могущественной империи мира, в распоряжении которой имелись и несметные финансовые ресурсы, и обученная армия, и последние технические достижения.

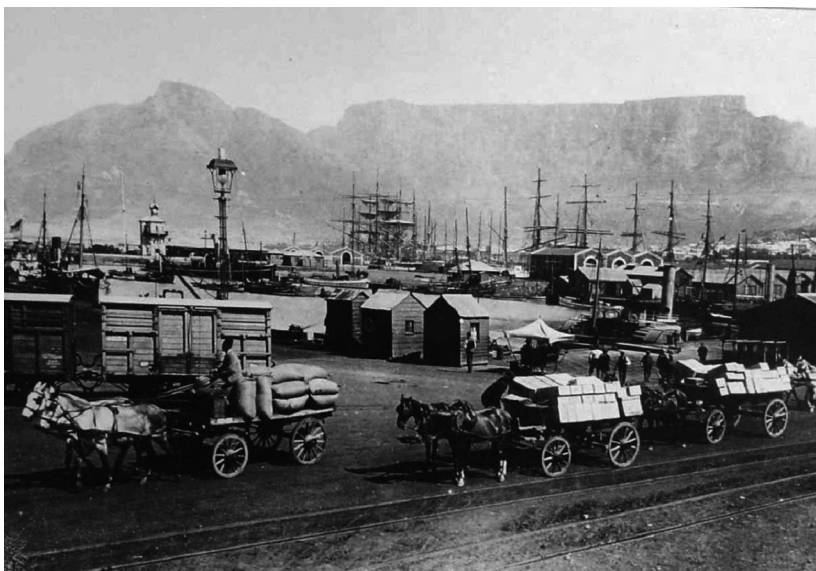
В 1899 году на театр военных действий устремился сонм военных наблюдателей, журналистов и писателей из Европы и Америки. Три долгих года тема англо-бурской войны не сходила со страниц мировой прессы.

Что это за народ? Откуда он взялся и куда идет? В чем истоки его сил и его слабостей? Был ли у него шанс? В данной книге предпринята попытка кратко ответить на эти вопросы, вовсе не претендуя на полноту охвата и глубину раскрытия темы. В основу работы легли увлекательные заметки американского журналиста Говарда Хеллигаса, бывавшего в Южной Африке до начала конфликта, и посетившего армию буров на первом этапе войны.

Эта книга не об англо-бурской войне, а о борах на войне. На ее страницах ход боевых действий освещен постольку, поскольку помогает понять характер и качества бюргеров как воинов, их сильные и слабые стороны. В книге освещен главным образом предвоенный период и первая фаза войны, до ее перехода в стадию партизанской.

В настоящем варианте представляемый вниманию материал, является лишь костяком будущей работы но, мне кажется, даже в таком виде, будет интересен читателю, желающему глубже разобраться в истории конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Работу можно рассматривать, как своего рода продолжение книги "Великий Трек. Освоение Южной Африки белым человеком". Тем, кто интересуется только военной стороной вопроса, в большей степени будет полезна вторая часть. В любом случае – приятного чтения.

ЮЖНАЯ АФРИКА КОНЦА ДЕВЯТНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Кейп-Таун, вид на Столовую Гору с Ватерфронта

Южная Африка – легендарная страна золота и алмазов, слоновой кости и малярии, за которую боролись находившаяся на пике могущества Великая Британия, молодая и энергичная Германская Империя и угасающая, но еще не забывшая о былой славе Португалия. В этой книге речь пойдет о судьбе четырех колоний, находившихся в зоне влияния Британии. 11 октября 1899 года волею судьбы, человеческой гордыней и алчностью, Капская Колония, со знаменитой Столовой Горой и почти европейским Кейп-Тауном, благоухающий Наталь и две отрезанные от моря, затерявшиеся в бескрайнем вельде бурские

республики – Оранжевая и Южно-Африканская (Трансвааль), оказались втянутыми в самый громкий колониальный конфликт конца девятнадцатого века.

Говоря об обитателях Южной Африки политики, журналисты и писатели условно выделяли три главных сообщества: *уйтлендеров* – чужаков, приехавших в Африку за богатством и с нетерпением ожидавших момента, когда смогут ее покинуть, коренных белых (*африканеров*), мечтавших, что бы это время поскорее наступило и черных, не надеявшихся ни на что. Буры – коренные жители, Капской Колонии, Оранжевой Республики, Трансвааля и Наталя, составляли приблизительно половину (около полумиллиона человек) белого населения, проживавшего южнее Замбези-Ривер, вторая половина приходилась на недавно натурализовавшихся европейцев и *уйтлендеров*. Популяция черных насчитывала около пяти миллионов, делясь на множество племен, постоянно враждующих между собой, но объединенных затаенной ненавистью к белому человеку.

Юг материка заселялся европейцами в ту же эпоху, когда Северная Америка уничтожала индейцев, и подобно Америке, разрывался на части политическими интригами, расовым антагонизмом, скрытой ревностью и открытыми раздорами. *Африканеры* голландского происхождения (в основном жители Капской Колонии и Наталя) и буры имели общего врага – *уйтлендеров*. Капские британцы прохладно относились к обитателям Наталя, будучи относительно едиными с последними в противостоянии голландцам и бурам, в то время как в действительности, у всех белых в Африке был лишь один настоящий враг – черные.

Южная Африка это не знойные пески Сахары и не дикие непроходимые заросли экватора. В этом уголке земного шара густые леса соседствуют с плодородными равнинами, а безводная пустыня с великолепными пастбищами. Здесь можно встретить огромное разнообразие почв, климата и рельефа, и это сочетание настолько удачно, что к концу девятнадцатого века не менее полумиллиона белых нашли его привлекательным для жизни. Прибрежная полоса, шириной в полторы сотни километров отличается плодородием, здоровым климатом и хорошими условиями для поселения. За ней, вглубь континента, простираются несколько сотен километров высокогорных плато и покрытых лесами гор. Еще глубже находится Большое Кару – полупустынное преддверие холмистых равнин Кимберли, Оранжевой Республики и Трансвааля. В сухой сезон Кару выглядит унылым царством иссушенных солнечным зноем тощих пучков травы да вечных облаков желтой пыли, размывающих горизонт. В нем пересыхают не только ручьи, но и реки, и пассажиру поезда, ползшему из Кейп-Тауна на се-

вер, казалось, что единственными живыми существами в этом аду были изредка встречавшиеся пастухи-буры и их терзаемые жаждой стада.

Чем дальше на север, тем больше оживает окружающий мир, но настоящее буйство жизни возвращается в него лишь с началом сезона дождей. Ливни, в сравнении с которыми европейские дожди выглядят легкой моросью, могут идти неделями, напитывая степи, или вельд, как их называют буры, долгожданной влагой, а земля покрывается густыми сочными травами.

В сердце этих бескрайних равнин, за Оранжевой Рекой и Ваалем, в тысячах километрах от мыса Доброй Надежды (Капа), притаились золотые жилы Ранда, затмившего собой Калифорнию и Клондайк. Еще дальше на север лежали почти неразведанные Машоналенд и Матабелеленд.

Из облюбованных белым человеком регионов Южной Африки, наименее заселенным оставалась Южно-Африканская Республика, или, как ее чаще называли, Трансвааль – царство щедрого солнца и бескрайних равнин. Если бы природа спрятала золото и алмазы в ином месте, никто, кроме буров, не проявил бы ни малейшего желания поселиться за Оранжевой и Ваалем – в странах столь непривлекательных для большинства европейцев и сравнительно малопродуктивных.

Капская Колония и Наталь – британские владения на побережье – выглядели их прямой противоположностью. Благодаря климату эти колонии были комфортны для проживания, их почвы удивительно плодородны, а труд негров дешев.

Столицей Капской Колонии являлся Кейп-Таун. К концу столетия его населяли около пятидесяти тысяч обитателей, преимущественно англичан, каждый из которых казался озабочен лишь прибытием очередного почтового парохода из метрополии. Долгое время город являлся сердцем всего региона, пока неожиданно выросший в вельде Йоханнесбург не превратил его в обыкновенный транзитный пункт. Кейп-Таун мог похвастаться не только электрическим освещением, трамваем, хорошими доками и великолепной железной дорогой, уходившей вглубь континента, но и всеми другими атрибутами английского города.

Любой британец имел основания им гордиться, поскольку перед его глазами высилась статуя королевы Виктории, по улицам слонялся верный "Томми Аткинс", и повсюду развевался британский флаг. В Кейп-Тауне заседали политики, определявшие интересы Британии во всем регионе. Из Южной Африки в Лондон вели два телеграфных кабеля, и оба они погружались в океан у Кейп-Тауна.

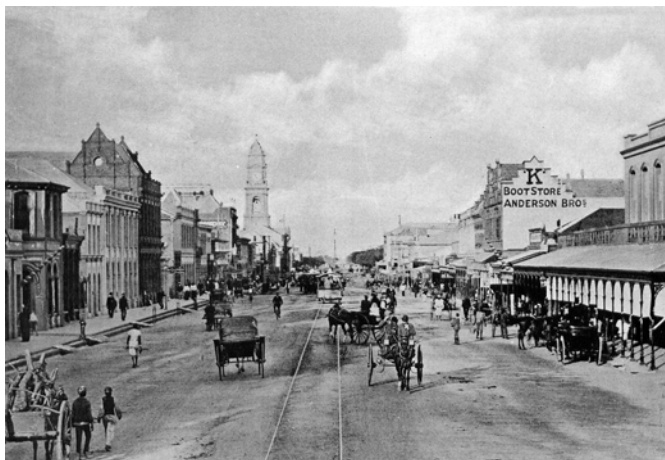
Кейп-Таун, здание Парламента

Железнодорожный вокзал, (1896 год)

Около трех дней пути, если следовать морем вдоль восточного побережья на север, располагалась колония Наталь. Отвоеванный бурами у зулусов, а затем, в свою очередь, отобранный британцами у бу ров, этот райский уголок пытался дистанцироваться от Капской Колонии, во всех вопросах, касающихся собственного развития. Находясь

далее от метрополии и будучи моложе, Наталь сумел избежать политического чванства Кейп-Тауна, и пытался идти собственным путем.

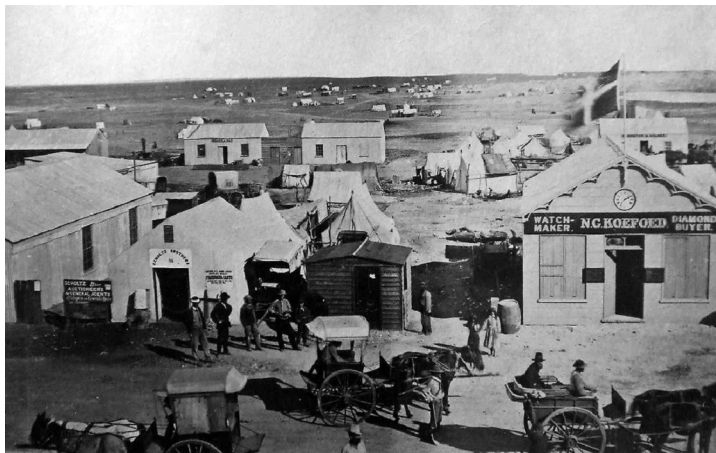
Дурбан. Вест-Стрит

Находясь в плодородной прибрежной полосе, Наталь предоставлял прекрасные возможности трудолюбивым поселенцам, большинство которых были шотландцами самой крепкой закалки, сумевшими создать в Южной Африке своего рода миниатюрную Шотландию. Дурбан – морские ворота колонии. Широкие, обсаженные пальмами и цветами улицы, рикши-зулусы, великолепные окрестности и здоровый климат делали Дурбан самым уютным городом на всем Черном Континенте. В отличие от него, Питермаритцбург, столица колонии, не мог похвастаться ничем, кроме имени.

Колония производила большое количество кофе, чая, сахара и фруктов, поставляя их в трансваальский Йоханнесбург, который, в свою очередь, порождает много золота и не меньшее количество проблем.

Оранжевая Республика, подобно Трансваалю, лежавшая в далеком вельде, изначально не имела для Британии ни малейшей коммерческой ценности. Но в семидесятых годах девятнадцатого столетия, после открытия алмазных копей Кимберли, у страны начались неприятности. В отличие от Трансвааля буры Оранжевой Республики не решились противостоять могущественному соседу, позарившемуся на их богатства. Британия приобрела у местного вождя сомнительные старые права на соблазнившие ее земли, и хотя арбитражный суд не признал эти притязания, англичане, по праву сильного, объявили алмазо-

носные земли своими. Под давлением и угрозами Оранжевая Республика уступила район Кимберли за сумму в девяносто тысяч фунтов. К концу столетия шахты, принадлежавшие синдикату, возглавляемому символом британского империализма – Сесилом Родсом, принесли более восьмидесяти миллионов фунтов прибыли.

Кимберли в 1875 году

Черные племена, в начале века владевшие всей Южной Африкой (за исключением небольшой части земель, принадлежавших Капской Колонии, и нескольких квадратных километров на восточном побережье), к концу столетия низвели до положения изгоев. Они сохранили за собой лишь небольшие территории и резервации. Черные не имели доступа к благам цивилизации, за исключением Капской Колонии, где с определенными оговорками им предоставили право голоса и, в общем-то, мало выиграли с наступлением в Африке эры белого человека, несмотря на все усилия миссионеров и британского правительства.

Лишенные лучших земель, туземцы платили налоги за менее продуктивные участки территории. Относительно немногие из них находились на заработках дольше трех месяцев в году, да и то, лишь под угрозой наказания за неуплату налога. За исключением обитавших в городах и поселках, туземцы носили скудные одежды своих отцов и следовали старым привычкам и обычаям. Колдовство и суеверия продолжали править умами большинства черных, причем во многих районах колдовство, несмотря на преследование закона, по-прежнему практиковалось в самых изощренных формах. Продажа туземцам "великого цивилизатора" – рома – находилась под запретом во всех государствах и колониях.

Туземцы, направляющиеся на золотые шахты Ранда

Несмотря на щедрое использование белыми пуль "дум-дум", пулеметов и других продуктов цивилизации, с пресечением извечной межплеменной резни черное население быстро росло. К тому же Колониальный Офис всевозможными способами поощрял туземцев. В Натале практиковалось все, что способствовало увеличению численности населения колонии. Правительство закрывало глаза даже на полигамию, что использовалось туземцами в полной мере.

Бесчисленные полицейские посты и магистраты покрывали всю страну, предотвращая междоусобные войны и мелкие стычки. Правительство колонии оградило зулусов от внешних войн, эпидемий и голода. Радикальные методы времен легендарного Чаки, регулировавшего численность своих подданных дубинкой и ассегаем, сменились близорукой филантропией британской администрации.

В результате, за короткое время, численность черного населения Натала четырехкратно превысила число подданных Чаки. В колонии сложилась угрожающая ситуация, когда пятидесяти тысячам белых противостояли до полумиллиона зулусов, не смилившихся с поражением в последней Зулусской войне.

Туземное поселение – "крааль"

Трансваальские буры – народ охотников, пастухов и фермеров, пытаясь ускользнуть от навязчивых объятий Британской Империи, на свою беду поселился на участке земли, где природа спрятала одно из ценнейших своих сокровищ.

Семья бурского фермера

В течение десятилетия золотые шахты Витватерсранда покрыли отвалами пастбища, на которых буры еще недавно безмятежно пасли

стада и отары. Нежданно оказавшись обладателями несметных богатств, они, как и следовало ожидать, приобрели множество проблем, главной из которых стал могучий британский сосед, положивший глаз на золото.

Партия первых старателей

Алмазная шахта Кимберли, 1874 год

Но, золото же, превратило Трансвааль в неиссякаемый источник, из которого черпала средства к существованию вся Южная Африка. Республика стала главной шестерней всей южноафриканской машины. Если в Трансваале возникали проблемы, Капская Колония, Наталь и Оранжевая Республика, дыша с ним в такт, также приходили в волнение. Когда Трансвааль процветал, процветала вся Южная Африка,

когда испытывал затруднения, соседи также впадали в депрессию.

До открытия алмазов и золота Южная Африка в деловом мире была пустым звуком. Она ничего не экспортировала, производя лишь то, что требовалось для внутреннего потребления и, будучи слишком бедной, не могла импортировать значительные количества товара. Открытие алмазных трубок Кимберли, на мгновение оживило жизнь и торговлю всего региона, но образование синдиката *"Де Биурс"*, монополизировавшего отрасль, положило конец краткому периоду всеобщего процветания и обрекло индивидуальных старателей на нищету.

Грубая сортировка алмазов в "Де Биурс"

Регион вновь вернулся к полусонному существованию, когда в Трансваале обнаружили золото. На этот раз не нашлось достаточно сильного синдиката, способного объединить все шахты и монополизировать индустрию, а наученные горьким опытом Кимберли, буры решительно противились попыткам выдать их с этой территории.

Одновременно происходила очередная перетасовка местной геополитической колоды. Пока Лобенгула – вождь племен, обитавших западнее Трансваала – контролировал свою страну, строители Британской Империи были стеснены в действиях, поскольку Трансвааль выступал единственным проходом в обширные центральноафриканские области. Когда же власть над державой Лобенгулы перешла в руки британцев, многие ожидали, что Трансвааль утратит свою ценность, как ключ к Центральной Африке. Но, благодаря золотым рекам, потекшим в государственную казну, республика, заняла доминирующие

экономические позиции в регионе, приобретя соответствующее политическое значение и став настоящим сердцем Южной Африки.

Витватерсранд – узкая полоса золотоносной земли, тянется более чем на сотню километров с востока на запад. За двадцать лет с момента находки золота, покрытый буйными травами вельд превратился в гигантское нагромождение городков и поселков. Там, где прежде путешественник изредка встречал одинокие фермы, к концу столетия высились сотни шахтных копров, от которых сотни стволов и штреков потянулись к золотоносным пластам. На смену меланхоличным воловьим упряжкам пришли скоростные локомотивы, а слепленные на скорую руку хижины фермеров превратились в Йоханнесбург – город, ставший домом для сотни тысяч людей и фактической столицей региона. Все главные дороги Южной Африке теперь вели к Йоханнесбургу.

Йоханнесбург в 1900 году

Трансвааль, превратился в главного производителя денег и главного потребителя. Будучи внутренним государством, он стал кормильцем для Капской Колонии, Оранжевой Республики и Наталя, отрезавших его от моря. Каждая тонна груза, поступавшая в Трансвааль через Капскую Колонию, становилась жертвой высоких таможенных пошлин и невероятных расценок на перевозку. Оранжевая Республика также облагала груз пошлиной и брала плату за провоз по своей тер-

ритории. Третий налог, кроме стоимости перевозки, шел в пользу правительства Трансвааля. В итоге грузы, доставляемые из Европы и Америки, облагались пошлиной паровой линии, Капских Железных Дорог, Трансваальской Железной Дороги, а также таможенными пошлинами Капской Колонии, Оранжевой Республики и Трансвааля.

Особенно нагуливала жир Капская Колония. С учетом значительных накладных расходов по обслуживанию неприбыльных линий, главная магистраль Капских Правительственных Железных Дорог приносила прибыль от пятнадцати до двадцати процентов. Таможенные пошлины, собираемые Капской Колонией, почти со всего транзита, доходили до пяти процентов стоимости, что в те времена выглядело откровенным грабежом. Не в пример Капу, колония Наталь позволяла транзитному грузу следовать без таможенных пошлин. Натальское правительство, владея железными дорогами, довольствовалось прибылью от перевозки трансваальских грузов.

Но не только британское Колониальное Правительство имело выгоду от существования золотых шахт Трансвааля. Многие города и поселки Капской Колонии, Наталя, Оранжевой Республики вместе со своими обитателями также переживали период беспрецедентного процветания. Природные ресурсы Трансвааля были огромны, но не разработаны, и дефицит товаров восполняли другие колонии. Почти все продукты, потребляемые Трансваалем, прибывали из-за границы. Наталя и Капская Колония поставляли пшеницу, скот и сахар, при этом, пользуясь фактической монополией, они достаточно произвольно назначали цены на свои товары.

Повышенные прибыли от производства продуктов в Натале и Капской Колонии, всецело зависели от Трансвааля, и во многом способствовали быстрому росту населения британских колоний. Большие фабрики по производству сахара и фруктовые фермы Наталя располагали единственным рынком сбыта – Йоханнесбургом. Фермы и виноградники Капской Колонии снабжали его же. Порты: Дурбан, Порт-Элизабет, Кейп-Таун и Ист-Лондон были важны, главным образом, как промежуточные станции для товаров, идущих в или из Трансвааля. Благодаря последнему, из апатичных городков они превратились в центры деловой активности. Из-за недостатка сырья, эти южноафриканские города не имели больших фабрик и заводов, и их обитатели вынужденно завесили от потока грузов, следовавшего вглубь континента. Несмотря на то, что Наталя и Капская Колония выглядели щепками, раскачиваемыми трансваальским прибоем, они постоянно досаждали правительству Южноафриканской Республики всевозможными законами и предложениями, поскольку соломинка в глазу республики всегда казалась им больше, чем бревно в собственном.

Трансвааль привлекал спекулянтов инвесторов со всех краев земли. К концу века он добывал более трети мирового золота, что гарантировало поступление денег для дальнейшего развития добычи. Пока золотые запасы казались неистощимыми, а шахты продолжали приносить дивиденды в сто – сто пятьдесят процентов, Трансвааль мог не опасаться за свой титул центра коммерческой и финансовой активности всей Южной Африки.

БУРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

*Президенты Южно-Африканской Республики:
Мартинус Преториус (1857-1860 и 1864-1871), Томас Бургерс (1871-
1877) и Пауль Крюгер (1883-1902)*

Трекеры – буры переселенцы, покинувшие Капскую Колонию в 1835-1837 годах, а также их соплеменники, ушедшие за Вааль вслед за ними, к середине столетия овладели громадной территорией. Хотя гигантские пространства и взаимное неприятие лидеров не способствовали сплоченному союзу, после многочисленных трений буры сумели создать единый законодательный орган – *Фолксраад*. Враждебные партии, основавшие четыре столицы: Утрехт, Лиденбург, Потчестроом и Зоутпансберг, ставшие четырьмя естественными центрами притяжения. Когда выяснилось, что *Фолксраад* не способен адекватно решать возникавшие проблемы, поселения преобразовались в Республики, каждая со своим, независимым правительством. Контроль над ограниченными территориями, занимаемыми четырьмя республиками, было достаточно полным, но окружающие их земли стали практически ничейными. Как следствие образовавшегося вакуума власти, по ним

постоянно слонялись беглые преступники и сотни небольших банд мародерствующих туземцев.

Буры ввели трудовую повинность для всех черных, проживавших на территории новопровозглашенных республик, и в течение десяти лет эта повинность безропотно выполнялась. Однако вскоре, туземные племена, оправившись от потерь, нанесенных им *треккерами*, почувствовали себя достаточно сильными и стали оказывать вооруженное сопротивление белым. При первой возможности они разрушали бурские фермы, убивая их обитателей и угоняя скот.

Руководствуясь инстинктом самосохранения, четыре республики решили объединиться. После многочисленных диспутов и разногласий, в мае 1864 года буры создали единую республику, президентом которой избрали Мартинуса Преториуса, а *генерал-коммандантом* Пауля Крюгера.

Десять месяцев спустя племя барампула, подстрекаемое несколькими европейцами, восстало против нового правительства, и Крюгер предпринял попытку привести их к покорности. По ряду причин, в том числе из-за недостатка боеприпасов и средств, он не сумел подавить восстание и буры были вынуждены отступить. Много лет правительство Капской Колонии старалось воздерживаться от вмешательства в дела за Ваалем, но очередное восстание туземцев, последовавшее за мятежом барампула, привело к созданию арбитражного суда, в котором английский губернатор Наталя исполнял роль третейского судьи.

В результате бунтующие племена получили независимость, а буры потеряли огромную территорию. Фермеры, были убеждены, что в потере земли виновен президент Преториус, и вынудили его уйти в отставку. Во главе республики стал преподобный Томас Бургерс – священник-правовед. Бургерс верил, что его стране предначертано стать мировой державой, и энергично принялся за дело. Он отправился в Голландию, чтобы добыть денег, новых поселенцев и учителей для государственных школ. В Европе он нашел деньги достаточные для строительства железной дороги от Претории до Делагоа-Бей, и отправил строительные материалы в Лоренцо-Маркес, где они благополучно ржавели.

По возвращении домой, Бургерс обнаружил, что Секокени, вождь большого племени бапеди, бросил вызов его правительству хладнокровно убив белых иммигрантов. Бургерс лично повел армию для наказания Секокени и захватил один из опорных пунктов врага, но затем потерпел настолько жестокое поражение, что его коммандос пали духом и разъехались по домам. Оказавшись в затруднительном положении, Бургерс повысил налоги, но фермеры не могли или отказывались

их платить. В итоге его правительство не могло заниматься повседневными делами, а не то, что подавлять восстания туземцев. Страсти накалились до такой степени, что гражданская война казалась неминуемой. Но тут в ситуацию вмешалось британское правительство, отправив из Наталя в Преторию сэра Теофируса Шепстоуна (в сопровождении двадцати пяти конных полицейских). Шепстоун заявил Бургеру что аннексирует страну в пользу Британии, и в качестве довода привел неспособность буров привести к покорности воинственные туземные племена.

Сэр Теофикус Шепстоун

Бургерс доказывал Шепстоуну, что племенные войны это внутренняя проблема буров, поскольку черные не беспокоят английские колонии. К тому же, по его мнению, новая конституция, в основу которой положена американская модель, и постоянные полицейские силы численностью в двести человек, положат конец республиканским проблемам с туземцами. Однако Шепстоуна поддержала партия буров, недовольных действиями администрации Бургерса и обвинявшего президента в стремлении установить диктатуру. 12 апреля 1877 года, республику объявили владением Британской Империи. В знак протеста Бургерс ушел с поста президента, а Шепстоун сформировал новую администрацию, в короткое время признанную многими бурами. Он дал республике ее легендарное имя – Трансвааль и увеличил британское военное присутствие.

Отстранив президента Бургерса от дел и несколько поостыв, буры, не привыкшие к вмешательству иностранцев, дважды посылали делегации в Англию, прося вернуть им управление страной и приводя

множество доказательств, что аннексию совершили без согласия большинства граждан республики. Но Колониальный Офис отказался спустить британский флаг в Трансваале.

В 1879 году Шепстоуна сменил сэр Оуэн Ланьйон, судя по отзывам современников, не отличавшийся особым чувством такта и к тому же весьма недолголюбивавший буров. За краткий срок пребывания на посту он сумел возбудить у обитателей Трансвааля такую ненависть, что страна оказалась на грани вооруженного восстания.

Сэр Оуэн Ланьйон

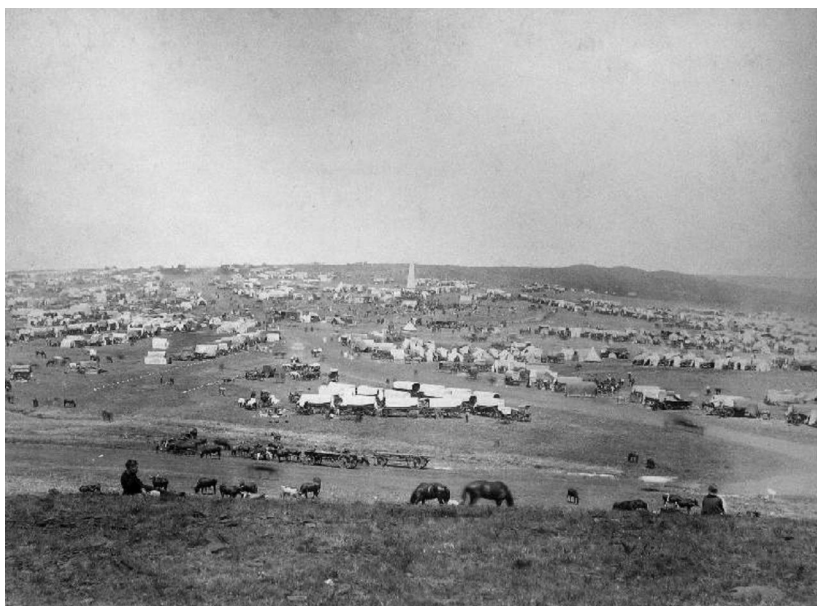
*Британский Премьер-министр
Уильям Гладстоун*

Открытое выступление отложили в связи с избранием Гладстоуна Премьер-министром Англии. Зная, что находясь в оппозиции, Гладстоун многократно и публично декларировал правоту буров, последние надеялись с его помощью добиться восстановления независимости. Но, освоившись на посту Премьер-министра, Гладстоун занял более осторожную позицию и отказался вмешиваться в трансваальские дела.

13 декабря 1880 года разочарованные и раздраженные буры собрались у современного Крюгсдорпа и избрали триумвират в составе Пауля Крюгера, М.В.Преториуса и Питера Жубера. Подобно своим отцам, бросившим вызов империи зулусов во времена Великого Трека, сыновья искали помощи у Господа, не решаясь вступить в схватку, с грозным противником без могущественной поддержки. Собравшись у Паардекраала несколько тысяч бюргеров, держа камни в руках, дали священный обет: "Перед ликом Всемогущего Господа, читающего в

сердцах людей, из наших домов в Трансваале мы приехали на эту встречу, Свободные бюргеры, ища Его милости и веря в Его благоволение, мы связываем себя и наших детей священной клятвой быть верными друг другу и плечом к плечу противостоять нашему врагу до последней капли крови. Да поможет нам Всемогущий Господь".

Камни сложили в одну большую пирамиду, над которой, в 1891 году возвели монумент. В последующие годы к нему ежегодно съезжалось множество буров, молившихся и возобновлявших торжественный обет защищать страну от врага. Забегая вперед, заметим, что в 1900 году британцы разобрали пирамиду, утопив камни в Ваале у Вереенинга.

Ежегодное собрание буров у Паардекраальского монумента

16 декабря 1880 года, в национальный праздник "День Дингаана", над временной столицей Трансвааля – Хейделбергом вновь взметнулся четырехцветный флаг республики.

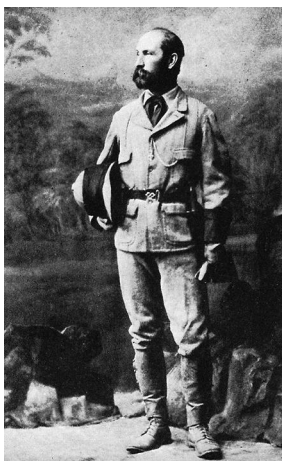
Триумвират направил манифест сэру Ланьону, пояснявший причины недовольства и кончавшийся знаменательным посылом, ставшим девизом каждого бура:

"Мы заявляем перед Господом, который читает в наших сердцах, и перед миром, что люди Южно-Африканской Республики не являются подданными Ее Величества и никогда ими не будут".

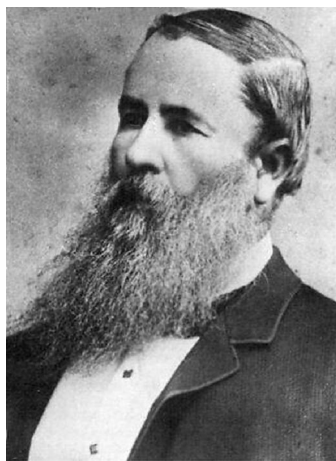
Ланьон решил, что лучшим ответом зарвавшимся бюргерам станет демонстрация силы. Чтобы "местные оборванцы" не питали иллюзий относительно его решимости, британские солдаты обстреляли партию буров, направлявшуюся к Потчестроому. Война, назревавшая несколько месяцев, началась как-то внезапно. Ни один из противников не был к ней готов.

Ланьон приказал гарнизону Лиденбурга, численностью 264 солдата, под командованием полковника Анструзера направляться в Преторию. У Бронкхорст-Спруйта британскую колонну атаковало почти такое же по численности коммандо буров. После короткой, но жестокой схватки англичане сложили оружие.

Сэр Ланьон, осознав, что не в состоянии самостоятельно справиться со вспыхнувшим "мятежом", обратился за помощью к Натану. Откликаясь на его зов, сэр Джордж Колли с колонной, численностью более чем в тысячу солдат регулярной армии и волонтеров, отправился в Трансвааль на помощь соотечественникам, засевшим в осажденных городах. *Генерал-коммандант* Питер Жубер, с коммандо численностью около 1500 бюргеров, выступил навстречу Колли к натальской границе, и занял узкий горный перевал, известный как Лэингс-Нек.

Сэр Джордж Колли

Коммандант Николас Смит

28 января 1881 года Колли пытался сбить буров с позиции, но те отразили атаку. Потери британцев были столь серьезными, что их командир принял решение отступить к Маунт-Проспект и дожидаться прибытия подкреплений из Англии.

Через одиннадцать дней после боя у Лэингс-Нек, генерал Колли и три сотни его людей, патрулируя дорогу у Ингого-Ривер, были атакованы бурами под командованием Николааса Смита. Буры убили и ранили две трети участвовавших в стычке британцев, а остальных обратили в бегство. Ночью 26 февраля генерал Колли предпринял маневр, закончившийся серьезным поражением британцев. Буры выиграли бой за Манджубу, несмотря на мизерные шансы на успех. Они продемонстрировали решительность, доблесть и абсолютную уверенность в победе людей, верящих, что их ведет Бог.

Манджуба-Хилл — столообразная гора с обрывистыми склонами и совершенно плоской вершиной, лежала между лагерями генерала Колли и *генерал-комманданта* Жубера. На вершину вела лишь одна узкая тропа, воспользовавшись которой Колли с шестью сотнями солдат регулярной армии, только что прибывшими из Англии, лунной ночью поднялся на вершину и с первыми лучами солнца уже рассматривал лежащий в долине лагерь буров.

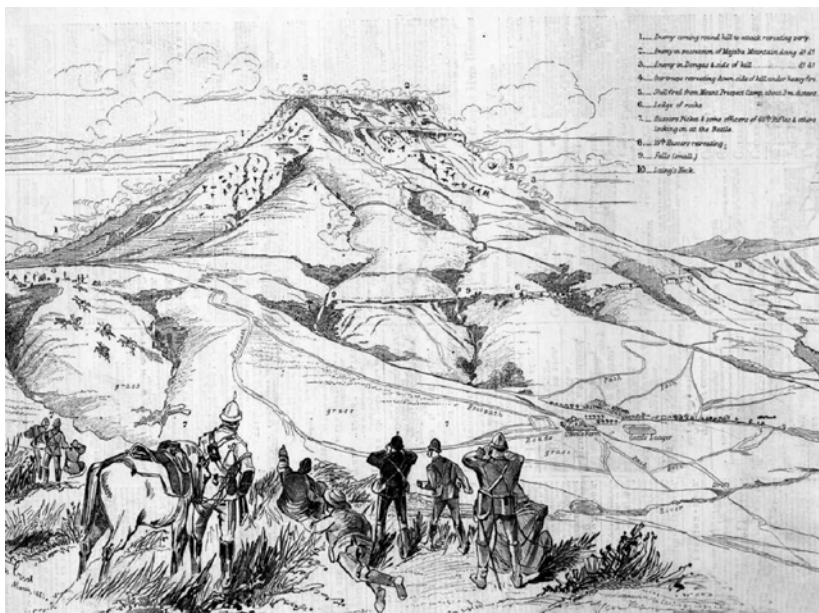
Буры времен Трансваальской войны 1881 года

Его план был следующим: оставшиеся внизу отряды штурмуют Лэингс-Нек, а британцы на Манджуба-Хилл их поддержат огнем, и слолив, таким образом, оборону противника. Англичане были настолько уверены в успехе, что глядя на палатки противника с верши-

ны, заключали пари, скольким бурам удастся выжить.

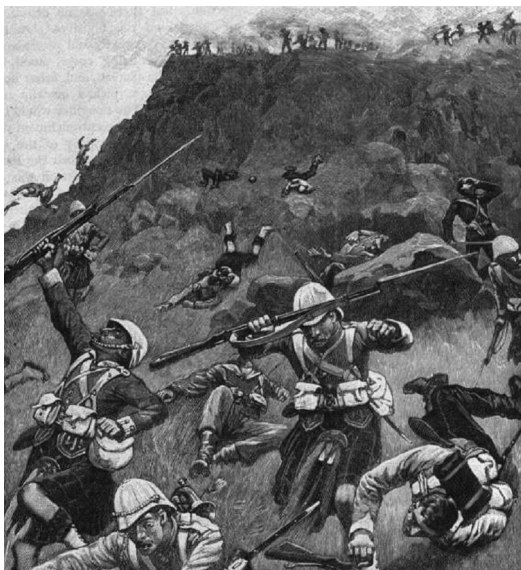
Наступило воскресное утро, и будь расстояние между врагами меньше, британцы могли бы слышать псалмы и молитвы, которыми буры встречали грядущий день. Казалось, Коли держал буров в руках, и будь у него орудия, перебили бы их всех до одного. Склоны холма были чрезвычайно крутыми и британцы не верили, что бюргеры рискнут атаковать вершину, поскольку единственная тропа охранялась оставшимися внизу войсками. Мысль, что буры, взбираясь с уступа на уступ, от одного куста к другому, сумеют достичь вершины, казалась абсурдной. Еще до того как бурский лагерь пришел в движение, английский солдат, стоя на краю плато, возбужденно грозил им кулаком, крича: "Идите сюда, голодранцы!"

Вскоре буры обнаружили присутствие англичан на холме. В их лагерь поднялась такая суета, что британские солдаты решили – противник готовится бежать. Неожиданно, вместо бегства, бюргеры направились к основанию холма. Когда полторы сотни буров начали взбираться по склонам, бахвальство британцев сменилось нервным ожиданием. Солдаты вели огонь все утро, но бюргеры так проворно перебежали от одного валуна к другому, что за время почти пятичасового подъема потеряли лишь одного человека.

Зарисовка боя на Манджуба-Хилл (рисунок из "Life")

Достигнув вершины холма, буры залегли за камнями на краю плато и открыли ожесточенный огонь. Британцы отступили к центру плато, где, примкнув штыки, приготовились к контратаке. Но приказ так и не поступил. В это время вершины достигла новая партия бюргеров, угрожавшая флангу англичан, которые, потеряв почти всех офицеров, находились на грани паники. Через несколько минут после того, как пуля настигла генерала Колли, британские солдаты, уцелевшие под свинцовым ливнем, уже прыгали, бежали и катились по крутым склонам Манджубы. По составлению списка потерь, выяснилось, что буры убили девяносто двух британцев, ранив сто тридцать четыре и взяв в плен пятьдесят девять из шести сотен, взойшедших на Манджубу. Потери бюргеров – один человек убит и пятеро ранены.

Бегство британцев с Манджубы (рисунок из "Life")

Вскоре между сэром Эвелином Вудом (заменившим погибшего генерала Колли) и бурским триумвиратом было заключено перемирие, приведшее к частичному восстановлению независимости Южно-Африканской Республики. Условиями мира, заключенного между двумя правительствами, предусматривался союзеренитет Великой Британии. Впоследствии договоренности изменили таким образом, что Трансвааль получил абсолютную независимость в своих внутренних делах, но Великая Британия, сохраняла право вето на его договора с другими державами.

ЗОЛОТЫЕ ПОЛЯ ЙОХАННЕСБУРГА

Открытием золота на территории Трансвааля человечество обязано германцу по фамилии Маух, путешествовавшему в этой части региона. Он вернулся в Берлин с удивительными рассказами о найденном золоте и пытался привлечь капитал для закладки шахт. Неизвестно, то ли ему не поверили, то ли германцы не захотели ввязываться в стычки с черными, но имя Мауха в истории страны больше не встречается. В 1854 году голландец по имени Ян Мараис, незадолго до этого вернувшийся с золотых полей Австралии, провел изыскания в Трансваале и обнаружил множество свидетельств наличия золота. Буры, опасаясь, что их страну захлестнет волна золотоискателей, заплатили ему пять сотен фунтов и отправили домой, заручившись обещанием, что он сохранит эти сведения в тайне.

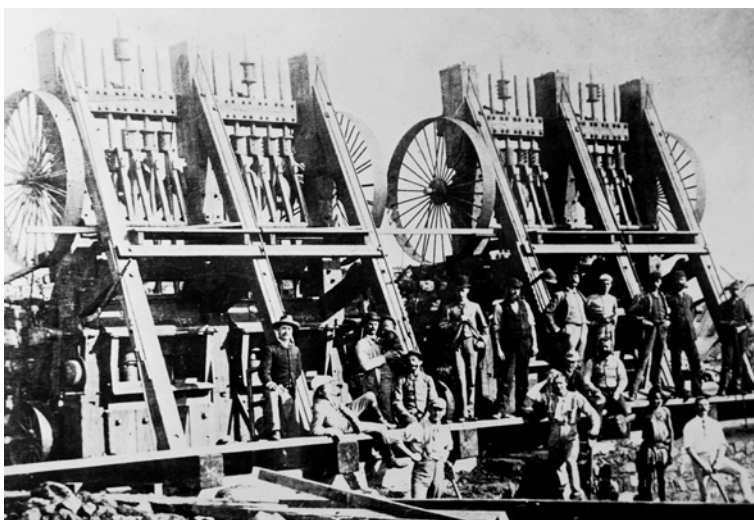
Англия услышала о наличии золота в Южной Африке лишь в 1884 году. Фред Стубен, проживший в стране несколько лет, рассказал такие невероятные истории о подземных сокровищах Трансвааля, что сотни британских старателей бросились в Южную Африку. Как только были вскрыты великолепные жилы на ферме называемой Стеркфонтейн, мир захлестнула очередная золотая лихорадка. В одно мгновение новости достигли Европы, Америки и Австралии, после чего гигантская армия золотоискателей, двинулась в направлении Ранда.

Индийские, русские, американские и австралийские золотые поля были брошены. Пароходы и парусники, идущие в Южную Африку, были полны мужчин и женщин всех социальных слоев и национальностей. Дорога к Ранду оказалась дорогой, опасной и тяжелой, но не прошло и года, как почти двадцать тысяч человек пересекли пустыни и равнины, осев на приобретенных у буров участках. В декабре 1885 года, была построена первая мельница для дробления золотосодержащих гнейсов. Это событие отмечает начало действительной разработки Ранда, который к концу века давал треть мировой добычи драгоценного металла. Прибытие тысяч иностранцев обогатило владельцев ферм, на территории которых залегали золотые жилы. Цена фермы, перед тем не стоившей почти ничего, взметнулась до невероятных цифр. За крохотный клочок земли под разработку платили цену, эквивалентную стоимости фермы в тысячу акров двумя годами ранее. В

июле 1886 года, правительство отвело старателям девять ферм, и все они с тех пор являются наилучшей собственностью в районе Ранда. Названия ферм стали названиями шахт, расположившихся на их территории: Ланглаагте, Дреифонтейн, Рантьеслаагте, Доорнфонтейн, Вогелструитсфонтейн, Паардерлаатс, Турффонтейн, Эландсфонтейн и Роодепоорт.

Добыча золота на Витватерсранде (1885 год)

Механическая дробилка, на одной из шахт (1890 год)

Первоначально железная дорога, идущая из Кейп-Тауна на север, достигала лишь алмазных полей Кимберли. Оттуда до возжеленной цели оставалось еще около восьмисот километров пути, которые предстояло преодолеть на волах или пешком. Но золотоискатели не пасовали перед подобными мелочами. Партии численностью в сотни человек двигались к золотым жилам. Волы тащили вагоны с оборудованием, необходимым для работы шахт и извлечения золота из породы. Старателям приходилось также везти с собой каждую унцию пищи и каждый фут дерева.

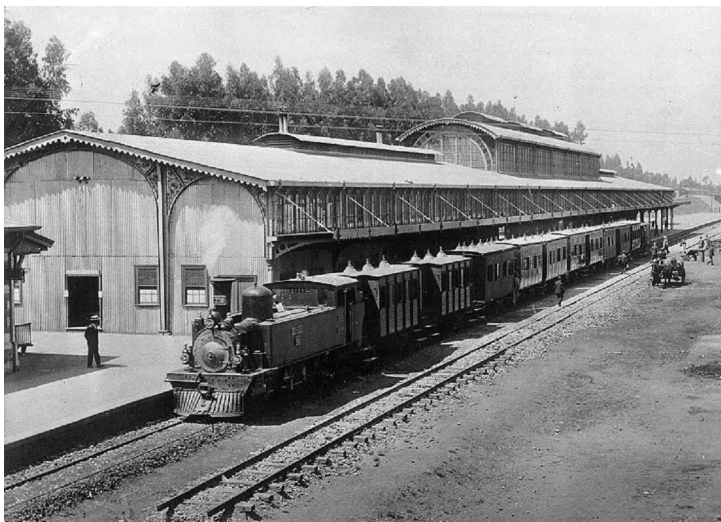
Ранд напомнил Калифорнию 1849 года. Повсюду бродили какие-то бородатые типы с кирками и лопатами, а вся округа покрылась палатками и хижинами из жести, возведенными с живописным отсутствием какого-либо однообразия. Во второй половине 1886 года сообщество старателей разрослось настолько, что правительство распланировало город и назвало его Йоханнесбургом. Правительство, владевшее большей частью земли, провело три продажи участков под застройку или "стендов" как они назывались в Трансваале, выручив более шестидесяти тысяч фунтов.

Йоханнесбург в 1889 году

Цена стенда размером пятьдесят на сто футов доходила до двухсот фунтов. Спекулянты Англии и Европы вложили в развитие шахт миллионы фунтов. Индивидуальные старатели интенсивно продавали свои участки крупным компаниям, располагавшим неограниченным капиталом. Невероятно высокие дивиденды, выплачиваемые некото-

рым инвесторам, привели в 1889 году к ажиотажному спросу на бирже, как и положено, закончившемуся паникой. Инвесторы потеряли тысячи фунтов, и несколько месяцев сама судьба золотых полей казалась весьма туманной. Однако открытие железной дороги к Йоханнесбургу, а также быстрое восстановление реальной рыночной стоимости участков, придало золотодобытчикам уверенности, и жизнь в Ранде забурилась с прежней энергией.

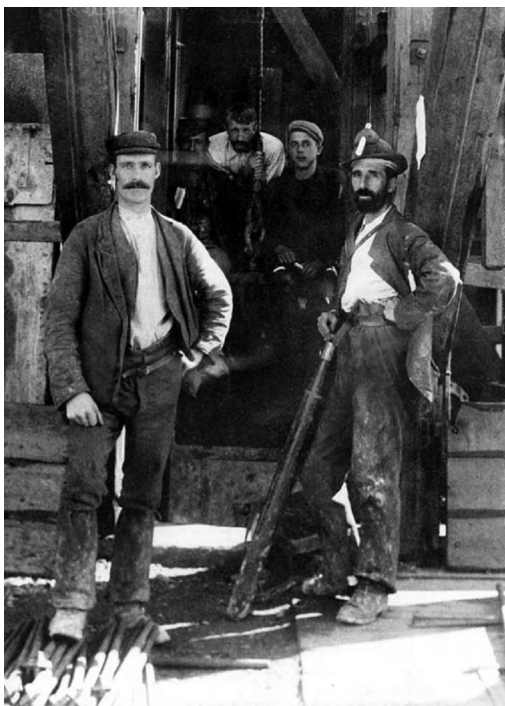

Железнодорожный вокзал (1892 год)

Большая стирка "по-йоханнесбургски"

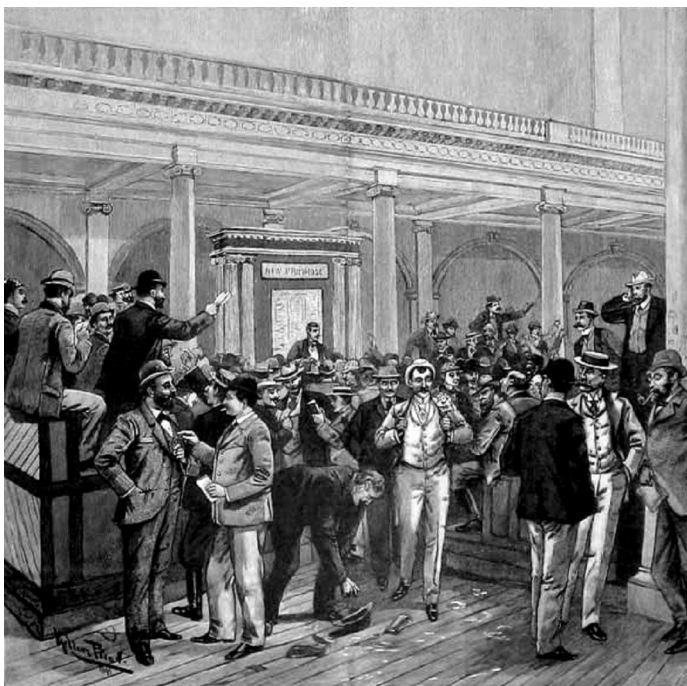
То ли из-за отсутствия у буров необходимых навыков, то ли из-за нехватки финансов для полноценного участия в разработке золотых полей, новая индустрия почти всецело попала в руки вновь прибывших *уитлендеров*. За короткое время в республике возникли два совершенно различных сообщества. *Уитлендеры*, численность которых в 1890 году составляла около ста тысяч человек, обитали в Йоханнесбурге и его пригородах, расположенных вдоль Ранда. Буры, прежде владевшие землями в этих местах, переселились в другие районы республики, продолжая заниматься привычным разведением скота или земледелием.

В ожидании спуска (шахта "Ферейра")

Презрение британцев, составлявших большинство *уитлендеров*, к людям, стоявшим, по их мнению, на низшей ступени развития, создало пропасть между бурами и чужаками. Линия раскола углубилась, когда приезжие предприняли попытки получить долю в политической жизни страны. Буры, неожиданно для себя оказались в меньшинстве и, естественно, противились вмешательству людей, не горевших желани-

ем стать гражданами страны, но требовавших права решать вопросы национального масштаба, не заботясь о процветании республики.

*Йоханнесбургская биржа,
(из "Illustrated London News" 1896 года)*

Среди уитлендеров было много хороших и честных людей, но общий тон, как и следовало ожидать, задавали спекулянты, головорезы, незаконные скупщики алмазов, и подобные им типажи, большинство которых покинули родину из-за проблем с законом. Девизом Йоханнесбурга стало слово "Золото", в то время как "Честь" и "Справедливость" – пустыми звуками. Бурское правительство обвинялось в самых тяжких грехах: в голоде, засухе, нашествии саранчи. Достаточно одного примера демонстрирующего отношение *уитлендеров* к бурам, хотя можно привести десятки подобных. Когда президент приехал в Йоханнесбург, выяснить, чем правительство может помочь золотодобытчикам, толпа встретила Крюгера грубыми насмешками над его внешностью и запела "God save the Queen". Затем, с флагштока перед домом, где президент встречался с влиятельными жителями города, сорвали трансваальский флаг.

Тем не менее, часть трансваальского правительства не оставляла надежды достичь взаимопонимания с чужаками. Проводились частые встречи официальных лиц с влиятельными обитателями Ранда. Буры создали *Второй Фолксраад*, дававший *уйтлендерам* возможность доносить свои требования к правительству напрямую. Были начаты и другие реформы, благосклонно воспринятые Йоханнесбургской Горной Палатой (*Chamber of Mines*), которые, несомненно, были бы завершены, не начни *уйтлендеры* играть в революцию.

Когда беспокойная часть *уйтлендерской* общины обнаружила, что все попытки управлять Рандом на свой лад, бесплодны, Сесил Родс, тогдашний премьер Капской Колонии, начал кампанию по установлению контроля над частью трансваальской территории. Провоцируя конфликт, он изводил правительство Крюгера всевозможными претензиями и подталкивал британского Секретаря по Колониям к участию в делах *уйтлендеров*. Дошло до того, что он предложил Чемберлену оплатить половину расходов на войну с Трансваалем.

*Государственный Секретарь по делам колоний
Джозеф Чемберлен*

Ставил ли Родс целью консолидировать йоханнесбургские шахты в руках небольшого круга лиц и ограничить добычу золота, подобно тому, как ограничил добычу алмазов в Кимберли, или ему не давала покоя слава строителя Британской Империи, известно лишь ему. В любом случае, он действовал как профессиональный мастер государ-

ственных переворотов, загнав своей энергией в глухой угол йоханнесбургских революционеров-аматоров.

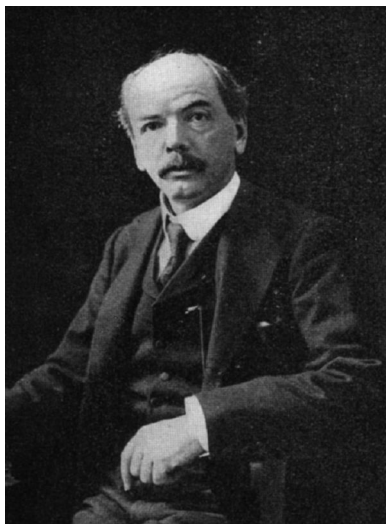
Кульминацией внешних и внутренних интриг стал так называемый рейд Джеймсона – вторжение отряда родезийских и бечуаналендских полицейских, нанятых Джеймсоном, в Трансвааль. Прелюдией к рейду явился митинг в ноябре 1895 года, организованный Йоханнесбургской *Chamber of Mines*, ранее демонстрировавшей подчеркнуто-дружелюбное отношение к правительству Претории. Президент организации, Лайонел Филлипс, произвел сенсацию, зачитав список претензий *уитлендеров*, сформулированный "Трансваальским Национальным Союзом", пригрозив, в случае отказа в удовлетворении требований, перейти к революционным методам.

*Главные йоханнесбургские заговорщики –
директора "Consolidated Gold Field Mining Company",
стоят (слева направо): Джон Хаммонд и Джордж Фаррар
сидят: Альфред Бейт, Лайонел Филлипс, Фрэнк Родс и Аби Бейли*

Выступление Филлипса, по сути, являлось ультиматумом, прикрываясь которым, мятежники планировали захватить Йоханнесбург, провозгласить временное правительство страны и выступить против Претории. Одновременно с формированием правительства планировалось опубликовать в мировой прессе список претензий и требовать, пере-

дачи управление страной в руки представителей большинства белого населения. Заговорщики надеялись, что, в точности следуя плану, сумеют добиться успеха без единого выстрела. Для подстраховки было договорено, что доктор Леандер Стар Джеймсон, командовавший людьми, находившимися на службу "*British South Africa Company*", возглавляемой Родсом, пересечет границу и, подойдя к Йоханнесбургу, поддержит мятежников. Сесил Родс, мозг всего предприятия, оставался в Кейп-Тауне, и мог лишь надеяться, что его план будет исполняться в точности.

Леандер Стар Джеймсон

Восстание в Йоханнесбурге наметили на 28 декабря, соответственно этой дате велись и приготовления. Из Кимберли в Йоханнесбург компания "*De Beers*" тайно отправила две тысячи винтовок (буры впоследствии утверждали, что двадцать тысяч), сто двадцать пять ящиков с боеприпасами и три "Максима". Уитлендеры создавали и готовили боевые отряды, а люди Джеймсона с нетерпением ожидали приказа на переход границы.

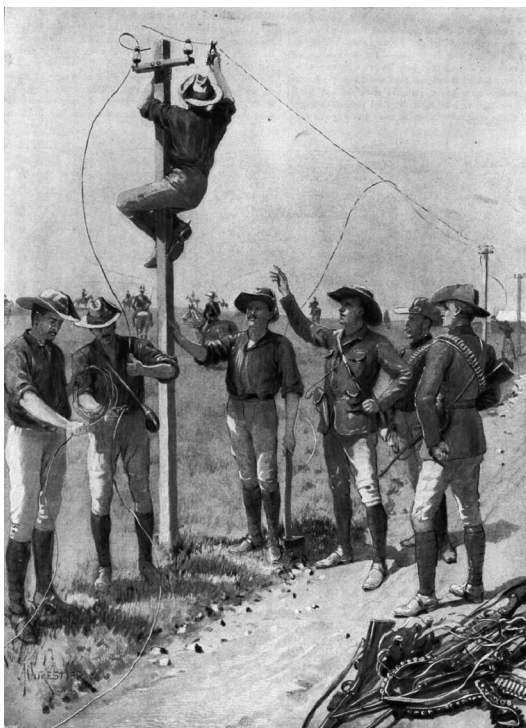
Под предлогом организации нового маршрута перегонки скота, в нескольких километрах от дороги, по которой отряд Джеймсона планировал следовать в Йоханнесбург, создавались "лавки" и пункты приема пищи, щедро снабженные пищей и фуражом. Параллельно оказывалось психологическое давление на правительство Трансвааля в надежде сломить его волю и заставить заранее смириться с неизбежностью разделения республики.

Но 28 декабря широко разрекламированная революция не состоялась. Несколько отрядов уитлендеров, промаршировали по улицам города, однако этой "демонстрацией силы" все и ограничилось. Зато тысячи йоханнесбургцев, испугавшиеся, что буры обстреляют город, осадили железнодорожную станцию, дерясь за возможность попасть в вагоны натальских и капских поездов. Среди тех, кто первыми бежал из города, оказалось много состоятельных англичан, еще недавно числившихся наиболее решительными симпатиками революционного движения.

Йоханнесбург полностью находился в руках *уитлендеров*, поскольку горстгу Трансваальских полицейских правительство вывело из города. Буры надеялись, что угроза артиллерийского обстрела из орудий йоханнесбургского форта, удержит жителей от беспорядков.

Вскоре в среде "революционеров" произошел раскол, которого и следовало ожидать, поскольку *уитлендеры* принадлежали к различным политическим группировкам и преследовали разные цели. Англичане, уверенные в близости победы, настроили других мятежников против себя, требуя поднять британский флаг. Эта преждевременная вспышка эмоций открыла глаза и насторожила участников мятежа, не испытывавших особой любви к Англии и начавших подозревать подвох. В результате революционная партия разделилась на два лагеря. К англичанам примкнули шотландцы, валлийцы, ирландцы, канадцы, австралийцы и американцы, работавшие на британских шахтах. В противоположном лагере оказались немцы, французы, шведы, норвежцы, финны и другие *уитлендеры*, не имевшие счастья родиться на Британских островах, и подсознательно чувствовавших чрезмерность столь радикальной меры, как мятеж. Дополнительным раздражителем для части повстанцев стал громко обсуждавшийся в мировой прессе спор о границах Венесуэлы. Француз или немец, негодующий, слыша, что Англия пытается урвать себе зловонное болото в далекой Венесуэле, просто выходил из себя, осознав, что его руками Англия, безо всякого угрызения совести, собирается стащить золотой сундук Трансвааля.

Теряя почву под ногами, руководители повстанцев просили Джеймсона отложить вторжение, но на второй день мятежа его отряд пересек границу Трансвааля. Родсу отправили сообщение, отмечавшее время пересечения границы и срок предполагаемого вступления в Йоханнесбург. Несколько солдат послали перерезать телеграфные провода, чтобы новости о рейде не достигли внешнего мира раньше времени, но те, по незнанию или халатности, перерезали лишь линию, ведущую в Кейп-Таун. Не успели рейдеры Джеймсона пройти по трансваальской территории и сотни километров, как правительство Претории получило об их продвижении и готовило встречу.

*Рейдеры Джеймсона режут телеграфную линию
(рисунок из "Life")*

Уитлендеры Йоханнесбурга, введенные в заблуждение своими лидерами, утверждавшими, что вторжение отложено, не имели понятия о местоположении отряда, пока на следующий день, по доброте душевной, буры не предоставили информацию их представителям, приехавшим в Преторию со списком требований. Едва новости достигли Йоханнесбурга, брожение в городе усилилось. На скорую руку сформировали "Реформенный Комитет" численностью около ста человек, взявший руководство восстанием на себя. С балкона Биржи звучали бесконечные пламенные речи, пока какой-то, более практичный, оратор не предложил, если горожане все-таки собирались делать революцию, извлечь винтовки и боеприпасы из ящиков.

Предложение приняли, и вечером пять сотен винтовок, которым, по мнению заговорщиков, предстояло уничтожить республику, уже были на улицах Йоханнесбурга в руках людей, желавших заработать по десять долларов за ночь. На следующий день, пока доктор Джейм-

сон и его люди спешили к Йоханнесбургу, лидеры мятежа вновь раз-
влекали толпу речами с балкона и ждали новостей из Претории. Пер-
вая часть плана – захват Йоханнесбурга – прошел без единого выстре-
ла, поскольку буры вывели своих людей из города, и там не осталось
ни одного человека, в которого опереточные революционеры могли
бы стрелять.

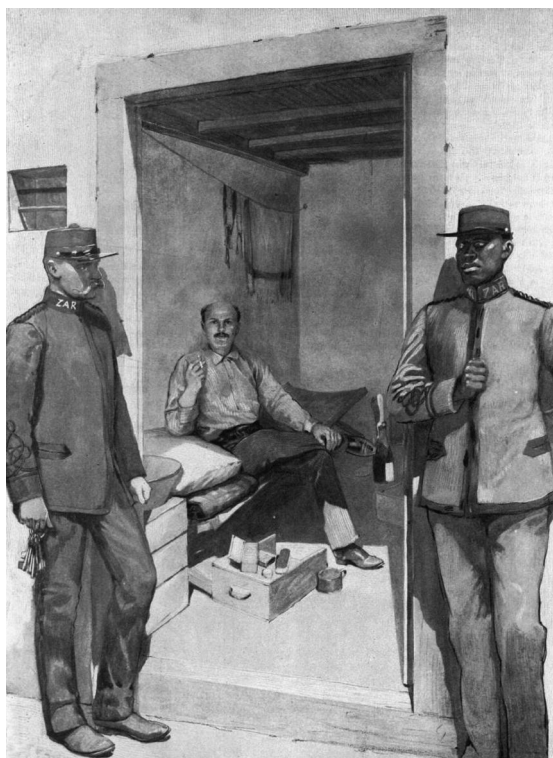
Пикет уитлендеров на окраине Йоханнесбурга

Следующим шагом значился захват Претории. С этой целью не-
большая экспедиция отправилась к столице, но быстро вернулась, как
только увидела тысячу буров, с притороченными к седлам винтовка-
ми, собравшихся на ежегодный *"Nachtmaal"*.

Последний день года застал уитлендеров в крайней растерянности.
С одной стороны доктор Джеймсон шел к ним на помощь, с другой
преторианское правительство оказалось готовым подавить мятеж, ко-
торый еще даже не начался. Члены "Реформенного Комитета", не-
сколькими неделями ранее готовившие прибытие доктора Джеймсона,
теперь отрицали малейшую причастность к вторжению. От Джеймсо-
на отреклись. Комитет, много часов дискутировавший по вопросу,
какой флаг поднять в случае успеха мятежа, в итоге отправили своего
представителя охранять четырехцветный флаг Трансвааля.

События развивались самым курьезным образом. Поднятием рук

члены Комитета, лидеры мятежа, клялись в верности флагу Трансвааля, который незадолго до этого поносили и осыпали бранью. После клятвы лояльности, Комитет продолжил готовиться к обороне города. Слух, что доктор Джеймсон атакован бурами, но отразил нападение, приободрил, приунывших было горожан. Обсуждался вопрос об отправке навстречу британцам отряда всадников, но этот план так и не был осуществлен. Сообщение о победе Джеймсона, в сочетании с просьбой правительства Претории о встрече и обсуждении путей прекращения волнений, привели к тому, что Реформенный Комитет раскаялся в своей поспешной клятве на верность Трансваалю. Члены комитета уже были готовы направить помощь вторгшимся рейдерам, когда в последний час года узнали, что британский Секретарь по делам колоний отмежевался от действий доктора Джеймсона.

Джеймсон под арестом в Претории

В первый день нового года уитлендеры пугали друг друга слухами, что буры накапливают силы на окраинах. Опасаясь, что Йоханнесбург

может быть атакован в любой момент, Реформенный Комитет, ранее энергично трубивший о силе повстанцев, телеграфировал патетическую мольбу о помощи британскому Верховному Комиссару в Кейптаун. Но тут курьеры донесли, что доктор Джеймсон и его люди находятся в двадцати километрах от Йоханнесбурга. Небольшой отряд выступив из города, встретил передовой пикет рейдеров и проводил их в город, в то время как остальные "революционные силы" устроили торжества в честь ожидаемого прибытия Джеймсона.

Пока Йоханнесбург, громогласно и напыщенно обещавший сражаться, пребывал в самом разгаре празднеств, доктор Джеймсон и те из его шести сотен людей, что еще не лежали мертвыми в густой траве у Доорнкопа, размахивали белыми платками, сдаваясь бурам. Революция, порожденная деньгами и легкомысленными обещаниями Родса, закончилась бесславным "громким пуком", который капские и йоханнесбургские газеты столь часто приписывали бурам.

Финальные сцены рейда состоялись в Претории, куда были доставлены люди доктора Джеймсона, и в Лондоне, где офицеры экспедиции предстали перед судом и были фактически оправданы. Йоханнесбургские заговорщики сдали оружие и боеприпасы бурам, которые в ответ пытались уладить конфликт мирным путем.

Рейд заметно повлиял на йоханнесбургские дела, причем такого эффекта организаторы и приверженцы революции, скорее всего не ожидали. В течение трех месяцев после описанных событий, почти пятая часть обитателей города оставили страну. Бизнес остановился. Инвесторы не желали вкладывать деньги в золотые шахты пока политическая обстановка оставалась нестабильной. Многие рудники прекратили добычу. Акции упали, и европейские акционеры, ни сном, ни духом не ведавшие о местных проблемах, потеряли десятки тысяч фунтов. Депрессия продолжалась два года. Ее последствия были столь значительны, что сотни респектабельных горняков и бизнесменов, привыкших жить в роскоши, стали банкротами, и думали лишь о куске хлеба. Счастливчики продавали активы и покидали страну, в то время как сотни других, менее везучих, были бы рады уехать, но не имели денег на дорогу. Вместе с Йоханнесбургом в депрессию погрузилась вся Южная Африка. Синхронно с доходами от золотых полей упали прибыли, приносимые пассажирами и грузами, следовавшими в Трансвааль. К тому же, словно в наказание, на регион обрушилась чума рогатого скота, погубившая более полумиллиона голов, тучи саранчи, уничтожившие почти всю растительность и засуха.

Но все проходит, в том числе и бедствия. Вскоре политическая атмосфера несколько разрядилась и экономика Ранда ожила. Добыча золота возобновилась. Вернулись многие из тех, кто покинули город в

период депрессии. Среди европейских инвесторов восстановилось доверие, сопровождавшееся обильными финансовыми инвестициями в золотодобычу и торговлю.

Йоханнесбург в 1900 году

Если вскоре после рейда Джеймсона Йоханнесбург представлял собой печальное зрелище, то уже через несколько лет этот удивительный город, выросший в сердце Черного Континента, вновь являл собой убедительное доказательство кипящей энергии и предприимчивости белого человека конца девятнадцатого века.

ДЕТИ ВЕЛЬДА

Как только в 1803 году британцы завладели мысом Доброй Надежды, на бурав обрушились потоки клеветы, неослабевающим потоком изливавшиеся на их в течение столетия. Немалую лепту в создание малопривлекательного образа грязного, ограниченного бродяги со всклокоченной бородой, внесли английские литераторы, в охотничьих экспедициях или скоротечных поездках по стране наблюдавшие объект своей неприязни из окна железнодорожного вагона.

Долгие годы мир черпал знания о бурах главным образом из уст заангажированных политических деятелей, не жалевших черной краски в надежде, что на подобном фоне более жесткая политика в отношении бюргеров будет выглядеть приемлемой и даже необходимой. Миссионеры, торговцы и биржевые дельцы также не упускали возможности выставить бурав в дурном свете. Таким образом, опреде-

ленные силы развернули целенаправленную кампанию дискредитации с единственной целью – возбудить у британцев враждебность по отношению к бурам. Беспристрастные сообщения тонули в потоке откровенной клеветы и чуши, вызывая ответную, не менее резкую, реакцию обвиняемых.

Большинство англичан, поверхностно узнав буров, но не постеснявшихся представить свое мнение миру, утверждали, что те тормозят развитие Южной Африки и должны уйти с политической арены. Часть подобных "исследователей" доходили до эпитетов: "крайне отвратительные", "виновные в непристойностях и семейной распущенности", "темные и нецивилизованные". Но за упоминанием тенденциозно подобранных фактов и описанием отвратительных персонажей, встречающихся в любом уголке земного шара и в любом обществе, легко проглядывалась истинная причина подобного подхода – желание буров самим определять собственную судьбу.

Семья бура в вельде

Большая часть обитателей вельда ценили уединение. Они наслаждались этим главным богатством Южной Африки несколько поколений, и желание жить обособленно впиталось в их кровь. Бур любил вельд, где ничто, кроме высокой травы, не закрывало линию горизонта. Он был совершенно счастлив, выслеживая антилопу или поднимая стаю

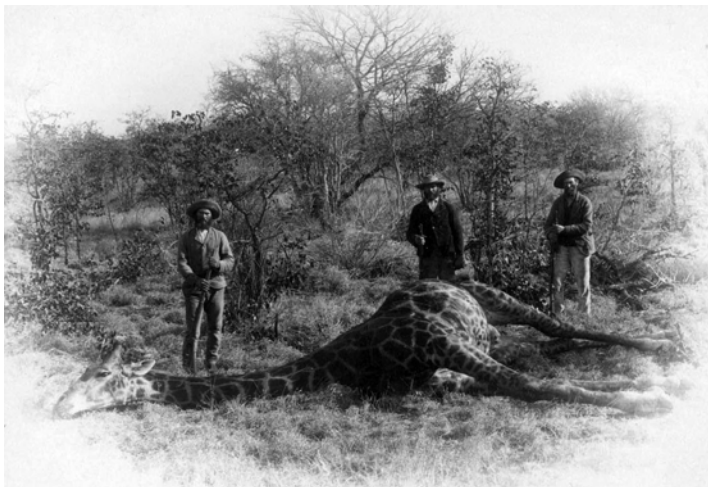
птиц с земли, испокон веков не ведавшей плуга. Вельд был его природным окружением, и он испытывал дискомфорт, отправляясь туда, где на квадратном километре, по его мнению "ютилось", более десятка домов.

Кочевая жизнь наградила бура беззаботно-жизнерадостным характером. Одни находили его ленивым и медлительным, не понимая, что бур располагал массой времени и прежде чем действовать всегда "считал до десяти". Другие называли этот умением жить в мире с самим собой. Присмотр за стадами скота и отарами овец с библейских времен считалось более легким трудом, чем добывание руды и плавка металла. Бур понял это, и, используя открывшиеся ему возможности, не обращал внимания на то, что его не касается.

Бур не стал земледельцем, поскольку природа страны не поощряла это занятие. Иногда жара за неделю иссушала реки, и скудные ручьи едва могли напоить скот. В конце плохого года владелец фермы мог считать, что ему повезло, если засуха и болезни не уносили половину достояния. Патриархальные привычки никоим образом не предполагали недостатка общительности и дружелюбия. Обзаводясь семьями, дети бура селились на небольшом расстоянии от родительской фермы, обычно в нескольких сотнях метров. Таким образом, за пару десятков лет из семейного гнезда вырастал небольшой поселок, раскинувшийся на площади от пяти сотен до пяти тысяч гектаров неогороженного пастбища. Каждый сын, женившись, получал долю фермы, таким образом, личные участки с каждым поколением становились все меньше. Когда участок становился слишком мал, чтобы поддерживать своего владельца, тот забирал свои стада и отары и переселялся в другую часть страны, где получал от государства необходимое количество земли. Дома буров, как правило, располагались на большом расстоянии от основных дорог, чтобы проход больных животных не спровоцировал эпидемию в стадах или отарах фермера. В результате подобной самоизоляции на ферму редко заглядывали случайные гости и чужаки. Новости из внешнего мира бюргер узнавал, главным образом в ближайшем поселке, куда отправлялся для закупок необходимых ему продуктов и предметов.

Его любимым времяпровождением была охота, считавшаяся не только отдыхом, но и обязанностью, поскольку он предпочитал пускать в пищу антилопу, а не убивать быка или овцу. Оружие стало его постоянным компаньоном и в вельде, и дома. Этот длительный союз создал ему репутацию лучшего стрелка и лучшего иррегулярного солдата в мире. Бур не был спортсменом в английском понимании этого слова, стрелявшим из азарта или амбиций. Будучи практичным охотником, он не испытывал, подобно заезжему европейцу, восторга от

того, что, проведя несколько недель в лесах Замбези или в Калахари, возвращался оттуда с хвостом жирафа, несколькими рогами и пучком перьев в качестве трофея.

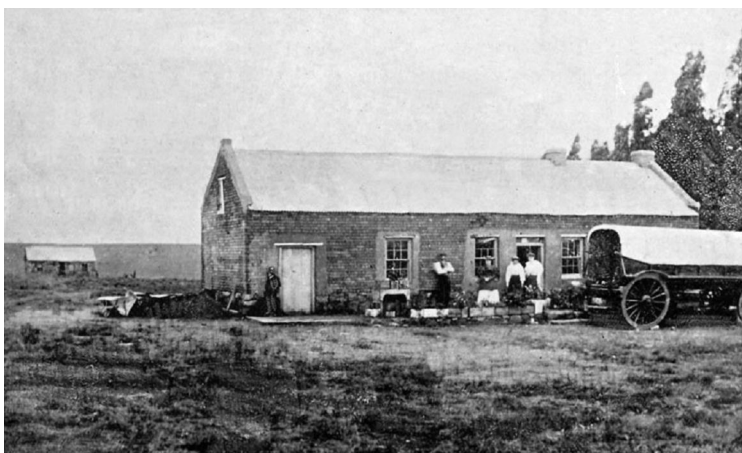

Охота в окрестностях Лимпопо

Бур носил одежду грубого фасона и материала, соответствовавших его роду занятий. Пиджак и брюки из вельвета или фланели, широкополая фетровая шляпа, удобные для ходьбы по траве мягкие ботинки на кожаной подошве – таково типичное одяение бура. Одежду ему шили жена или дочери, не особо заботясь о моде. В большинстве случаев использовался фасон, одобренный еще *вуртреккерами* 1835 года, вполне удовлетворявший бура, жившего в конце столетия.

По своему физическому развитию бур был равен, если не превосходил своего извечного врага зулуса. В других уголках земного шара трудно было встретить целый народ гигантов, подобных бурам Трансвааля и Оранжевой Республики. Мясная диета, кочевое существование, жизнь на открытом воздухе и относительная беззаботность привели к тому, что буры почти достигли совершенства в своем физическом развитии. Средний рост взрослых мужчин превышал 188 сантиметров. Их телосложение, несмотря на сравнительно праздный образ жизни, было на удивление великолепно. По свидетельству очевидцев, работа развитых мускулов хорошо проглядывалась через одежду, и давала представление о замечательной силе и выносливости, которую буры демонстрировали в многочисленных военных кампаниях. Они легко переносили физическую боль и не слишком страдали от отсут-

ствия комфорта. Эти гиганты удивительно долго могли жить на мизерном количестве пищи. Бур мог неделю питаться полуторакилограммовым куском *билтонга* – мяса, высушенного на солнце до твердости камня. Во время войны *билтонг* был основой армейского рациона, а в мирное время – главным блюдом пастуха.

Бурская ферма в Трансваале

Искренняя религиозность бура казалась современникам самой яркой и удивительной чертой его характера. Простая вера в Сущего, принесенная в Южную Африку из семнадцатого века и, благодаря

стечению обстоятельств, избежавшая "очищающего" влияния цивилизации, передавалась из уст в уста от одного поколения к другому. За два столетия войн, *треккинга* и кочевой жизни она, казалось, не утратила своей изначальной страстности.

Для бура его религия была путеводной нитью, а Ветхий Завет – образцом, которому он старался следовать. Отец семейства каждый день читал его своим домочадцам. Оттуда он черпал свою правду и свои заблуждения. Намеревался ли он меняться скотом с соседом или выдать замуж дочь, он обращался к Завету, и находил в нем совет, применимый к ситуации. Он не читал ничего кроме Библии, и, как следствие, его вера оставалась нерушима. Религиозный нрав бура постоянно сквозил в разговоре, а его привычка прибегать к библейским притчам и выражениям настолько поражала чужеземцев, что зачастую последние трактовали ее, как доказательство ханжества и лицемерия. Но бур цитировал Святое Писание не для того, чтобы продемонстрировать собеседнику свою набожность, а скорее использовал его, как моряк использует морской жаргон.

Бур чуждался демонстрации внешних признаков религиозного поклонения. Он был прост в привычках, и его религиозные церемонии отличались такой же простотой. Вычурные ритуальные одеяния, специальные позы, музыкальное сопровождение гимнов и показное проявление религиозности считались кощунством. Из девяти официальных праздников Трансвааля, пять: Страстная Пятница, Второй день Пасхи, Вознесение, Духов День и Рождество – церковные праздничные дни, и они строго соблюдаются по всей стране.

Государство контролировало церковь, а церковь, в свою очередь, контролировала государство, поскольку лишь зарекомендовав себя в религиозной жизни общины, бур мог надеяться обрести определенный политический вес. В результате подобного положения дел политиками неизбежно становились самые активные члены церкви. Степень влияния религии на политическую жизнь буров можно оценить по такому, казалось бы незначительному моменту, как разногласия относительно исполнения гимнов во время религиозной службы. Страсти среди буров накалились до такой степени, что допперы, объявив пение гимнов крайне мирским занятием, вышли из религиозной общины и основали собственное собрание. В итоге две главные политические партии опирались на две основные религиозные общины. Прогрессивную партию поддерживали те, кто пел гимны, а Консервативную – непримиримые кальвинисты. Главным праздником в календаре буров считался *Nachtmal* или Святое Причастие, которое обычно проводилось в Претории в конце года.

Большинство буров жили в отдаленных частях страны, где было

невозможно создать церковный приход. Поэтому каждый бур раз в год совершал поездку в столицу, и посещал службу. Претория была Меккой для всех буров, и в канун Нового Года небольшой уютный городок переполнялся пилигримами, их трековыми вагонами и волами. Те, кто жил далеко, отправлялись в путь за несколько недель до *Nachtmaal*, чтобы успеть прибыть вовремя. Полное путешествие туда и обратно в некоторых случаях требовало до шести недель. Когда бур достигал Претории, он разбивал бивак на большой площади перед старой кирпичной церковью в центре города, и проводил почти все время в церкви. Пилигримы, стоявшие кемпом на открытой площади в тени патриархальной церкви – одно из колоритнейших зрелищ старого Трансвааля.

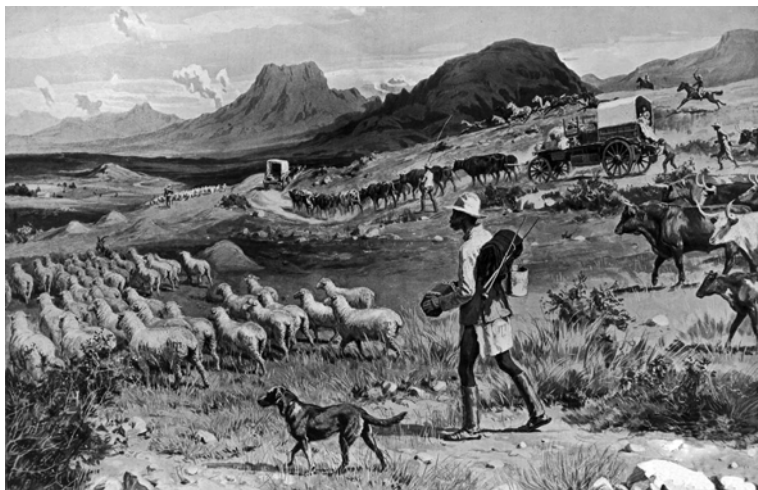

Вагоны бюргеров, прибывших в Преторию на Nachtmaal

Домашний быт этих грубоватых, простых людей, наряду с и их глубокой религиозностью, служил постоянным объектом нападок недоброжелателей. Но те, кто имел возможность узнать буров поближе, утверждали, что не встречали более достойного образа жизни. Непредвзятые путешественники не уставали отмечать глубокую и искреннюю привязанность бюргеров к семье. Бур дорожил своей женой и детьми, и без устали их хваливал. Он мог позволить отарам уйти на пару километров, рассказывая о каком-нибудь пустяке из семейной жизни, и предпочитал скорее недоспать, чем упустить возможность поговорить о домашних делах. В неспешной беседе он выкладывал перед собеседником подробную историю и характеристику каждого из своих предков, родственников и наследников. Он был в высшей степени гос-

теприимен. Гость в его доме мог рассчитывать на лучшую комнату, лучшую лошадь и лучшую пищу. Естественно, иногда бур проявлял большую сдержанность в отношении англичанина, которого считал природным врагом, но чужестранцу другой национальности он без задней мысли открывал свое сердце и свой дом.

Жизнь бура, как правило, протекала размеренно и неторопливо. Он вставал с солнцем и до завтрака занимался скотом и овцами. За столом встречался с семьей и проводил семейное богослужение. Родители получали лучшие места, и с ними обращались с величайшим почтением. После завтрака бур планировал свои дневные дела – разведочный *трек* или охоту. Иногда он отправлялся на небольшой участок, к столу дававший овощи и зерно, или проводил остаток дня, присматривая за скотом. Ближе к ночи отец семейства собирал вокруг себя семью и читал им главы из Библии. По той же книге, пока не стужались сумерки, он учил читать детей. На этом день бура заканчивался, и он отправлялся в кровать.

Типичный трансваальский трек (рисунок из "Life")

В сухой сезон его распорядок дня меняется лишь в том, что касалось места обитания. Бур запирает дом и превращается в кочевника, следовавшего за водой. Овцы и скот перегонялись к рекам, а семья перемещалась в больших транспортных вагонах, влекомых шестью-восемью парами волов. Когда очередное пастбище истощалось, бур кочевал дальше. С приближением сезона дождей семейство готовилось к возвращению в покинутый дом. Первые дожди и зазеленевший

вельд служили сигналом, что пора возвращаться на свою ферму.

Дом бура был прост, как и его владелец. Обычно он представлял собой низкое одноэтажное каменное строение с черепичной крышей и небольшой пристройкой, служившей кухней. Дверь располагалась на одном уровне с землей. Четырех комнат – столовой и трех спален считалось достаточно для семьи любого размера. Полы из плотно утрамбованной глины, покрывал слой высушенного навоза, защищавший от насекомых, которыми кишели равнины.

Дом обычно располагался в ложбине, вблизи ручья. Иногда его укрывала тень нескольких деревьев. Вообще деревья встречались столь редко, что путешественник мог проехать несколько сотен километров, не увидев ни одного. Женщины буров не слишком нуждались в хворосте, поскольку привыкли готовить пищу на огне из высушенного коровьего навоза. Нечистоплотность – один из главных пороков, приписываемых бурам, но если принять во внимание, что вода на равнинах Южной Африки зачастую была бесценным сокровищем, дальнейшие объяснения не требуются. Домыслы, что буры спят не раздеваясь, как и абсурдные утверждения, вроде тех, что вся семья делит одну постель, зачастую разносились людьми, не видевших Африки дальше окраин Кейп-Тауна.

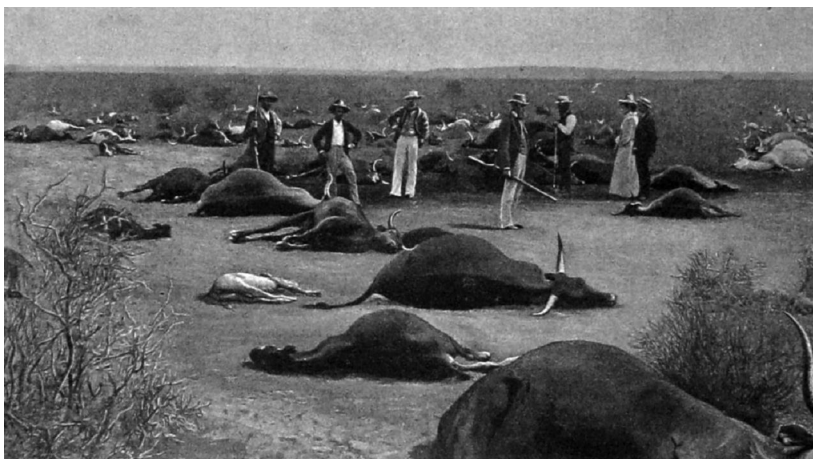

Городок Барбертон (около 1890 года)

Таков обобщенный портрет типичного бура того времени, жившего в вельде. Бур, пасшего скот и платившего налоги, стремившегося использовать любую возможность, чтобы стать богаче и, наконец, человека готового сражаться за свою страну и свою свободу. Конечно, среди них встречались и никчемные, опустившиеся типажи, но, по мнению большинства современников, таких было совсем немного.

Бур, живший в городе или поселке, имел определенное превосходство над своими соплеменниками. Он пользовался преимуществом лучшего образования и, зачастую, разговаривал на одном-двух языках, кроме *африкаанс*.

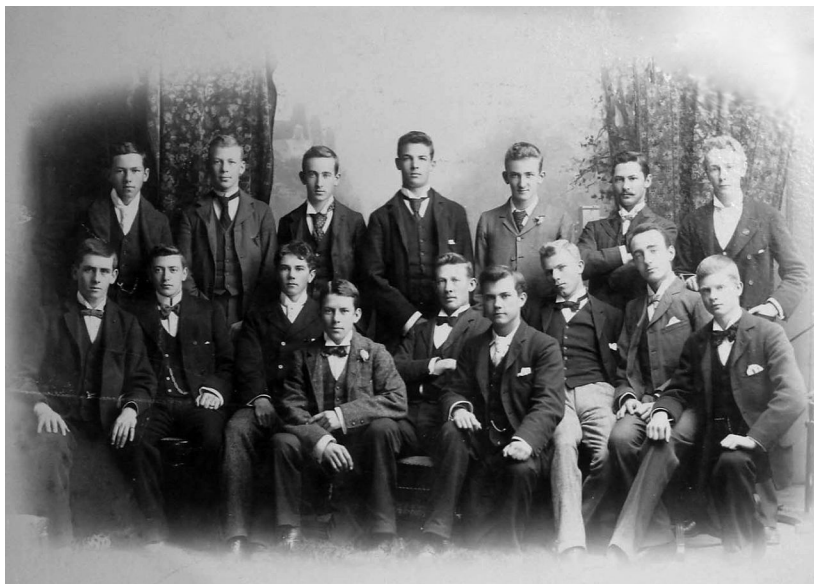
Он был менее склонен к кочевой жизни и придерживался более прогрессивных взглядов. Он цитировал не только Библию, но и европейских философов, а его жена и дочери играли на пианино. Если он был богат, то сын учился в европейском университете, а дочери флиртовали на пляжах Дурбана или посещали женскую семинарию в Блумфонтейне. В разговоре он ничем не отличался от европейца, а когда намеривался заключить сделку, то жесткостью и цепкостью мог потягаться с денежными акулами из Йоханнесбурга.

Отстрел животных во время эпидемии чумы

Перед молодым буром, попавшим в город прямо из вельда и не имевшим какой-либо профессии или собственной торговли, маячили весьма безрадостные перспективы. Как работник, он проигрывал представителям почти любого класса городских обитателей. Занятий, которым он мог себя посвятить, было немного. В лучшем случае он

мог рассчитывать заработать извозом, но из-за развития железных дорог, ставших основным средством доставки грузов, этот рынок труда постоянно сокращался. Недостаток образования закрывал для него большинство вакансий, имевшихся в таком городе, как Йоханнесбург, даже на пике деловой активности, а небольшая стагнация ввергала его в абсолютную нужду.

Выпускной класс Государственной гимназии Претории

К концу девятнадцатого столетия бур оказался игрушкой в руках судьбы и других наций. Его теснили со всех сторон. Он не имел возможности развиваться. Покинув Капскую Колонию и бродя по диким землям, он выковал здоровый национальный характер, но заплатил за это полувековой отсталостью. Если бы *вуртреккерам* повезло закрепиться в плодородном Натале, имевшем выход к морю, их потомки, скорее всего, выращивали бы сахарный тростник и пшеницу, вместо того чтобы пасти скот и водить транспортные вагоны. Безусловно, это был бы не столь великолепный человеческий материал, но они бы избежали нависшей над ними угрозы быть стертыми с лица земли как нация.

ПРЕЗИДЕНТ КРЮГЕР

Стефанус Йоханнес Паулус Крюгер, "Дядюшка Поль", "Лев Рустенбурга" – так соотечественники называли этого удивительного человека, который, не имея формального образования, опираясь на природные ум, проницательность и хитрость, сумел обойти всех своих конкурентов и прочно обосноваться на трансваальском Олимпе. Люди, близко с ним общавшиеся, отмечали, что и в семьдесят пять лет, мышление президента оставалось совершенно ясным, а, по мнению некоторых, стало даже острее и масштабнее.

С молодых лет Крюгер проявлял задатки лидера. Еще юношей он

приобрел славу хорошего следопыта, и убил больше львов, чем любой другой охотник в Колонии. Он отличался завидным самообладанием и выносливостью, мужественно перенося боль и дискомфорт. В качестве иллюстрации можно привести его рассказ об инциденте, в котором Крюгер лишился фаланги большого пальца на правой руке: "Однажды мы охотились на носорога. Старое ружье разорвалось у меня в руках. Я видел, что с моим большим пальцем покончено, и его нельзя спасти. Я попросил нож и отрезал палец, потому, что он мешал мне нормально держать ружье".

В глазах большинства людей, знавших его лично, президент Крюгер был исключительной личностью. На иностранцев он производил впечатление короля в одеянии крестьянина или гения в дурацком колпаке. Некоторые видели в нем неуклюжего фермера, натянувшего на голову чужой цилиндр. Его фрак был слишком мал для дородного тела, а брюки, казалось, испытывали природную антипатию к туфлям. Он не носил манжет, а присутствие воротника и галстука можно было установить, лишь отведя в сторону бороду. Несмотря на грубые манеры, Крюгер обладал большой природной притягательностью, свойственной людям, прожившим большую часть жизни среди охотников. Он с подозрением относился ко всему и всем, за долгую жизнь многократно столкнувшись с лукавством и предательством, как черных, так и белых. Осторожность была его второй натурой. Он не спешил заводить друзей, но однажды доверившись человеку, требовал многочисленных и неопровержимых доказательств, чтобы изменить свое мнение о нем. Он никогда не забывал добрых дел и никогда не прощал людей, опустившихся до измены.

Президент не отличался высоким ростом. Его ноги казались короткими и тонкими в сравнении с крупным телом. Если он не позировал для фотографа, то седые, почти белые волосы свободно спадали на широкий лоб и длинными локонами скрывали уши. При смехе, а в хорошем расположении духа президент просто заходился хохотом, полные щеки почти полностью скрывали маленькие серые глаза. Черты лица не отличались правильностью, но современники неизменно отмечали – когда Крюгер расплывался в улыбке, он покорял собеседника обаянием, заражая своим искренним смехом.

По общему признанию, внешность Крюгера скорее предполагала неуклюжесть и бездеятельность, чем живости и беспрестанную активность. Его облик разительно не вязался со списком удивительных дел, тонких и решительных политических ходов и дипломатических усилий.

Схематический набросок биографии Крюгера, даст возможность понять истоки его замечательно богатого жизненного опыта.

Хотя большинство его соотечественников были потомками голландцев или французских гугенотов, Пауль Крюгер имел германские корни. Первые Крюгеры, отмеченные в записях Голландской Восточно-Индийской Компании, прибыли на Кап в 1712 году. Предок президента по отцовской линии эмигрировал в Южную Африку в 1813 году из Потсдама. Здесь он женился на молодой уроженке Капской Колонии. Пауль родился 10 октября 1825 года в Колесберге, куда его родители переселились из Кейп-Тауна. Когда Крюгеру было около десяти лет, у буров обострились разногласия с колониальным правительством, и его семья оказалась в числе *вуртреккеров*, мигрировавших в глубинные районы Южной Африки.

Вольная жизнь способствовала его раннему развитию. В его биографиях упоминаются два случая, характеризующие храбрость и выносливость Крюгера. Когда пятнадцатилетний Поль с сестрой, столкнулись с южноафриканской пантерой (небольшой, но достаточно опасной), у юноши с собой был лишь нож, но он решительно вступил в схватку с хищником и после ожесточенной борьбы, получив серьезную рану, убил его. Другой случай иллюстрирует физическую выносливость юного Крюгера: состязаясь с туземцем в ходе двенадцатичасового перехода, он выиграл его с таким отрывом, что успел подстрелить в вельде антилопу и принести ее в отцовский дом прежде, чем соперник пришел к финишу.

Принимая участие в войнах с зулусами и матебеле, Крюгер достойно исполнял обязанности фельдкорнета. В 1848 году мы видим его, рядом с отцом, в бою против англичан у Боомплатца. В тридцать один год Крюгера избрали заместителем *генерал-комманданта* трансваальской армии – очень серьезный пост в стране, где туземцы столь же коварны, сколь и многочисленны. Через пять лет, уже в должности *генерал-комманданта*, он возглавил карательную экспедицию против племени баквена.

На этом посту *генерал-комманданта* Крюгер оставался до аннексии Трансвааля англичанами в 1877 году. Затем, в ходе войны за независимость, Крюгер стал вице-президентом Триумвирата, осуществлявшего управление страной. После мира, заключенного в 1883 году его избрали президентом республики. Он трижды переизбирался на этот пост, и к концу столетия все еще стоял во главе Южноафриканской Республики.

В среде буров о жизни Пауля Крюгера ходили многочисленные истории и анекдоты. Часть их изначально являлась вымыслом, другие столько раз передавались из уст в уста, что, наверняка, потеряли всякое сходство с действительностью. Большинство рассказов касалось

удали Крюгера, проявленной при охоте на львов, леопардов и слонов. Многие из них, возможно, правдивы.

Считается, что в ходе трека из Капской Колонии за Вааль буры застрелили не менее шести тысяч львов, и из этого числа Крюгеру приписывают две с половиной сотни. Своего первого льва он убил в пятнадцать лет.

Пауль Крюгер в 1864 году

Пауль Крюгер в 1880-е годы

Самоотверженность Крюгера ярко проявилась в 1857 году. Будучи заместителем *генерал-комманданта* Трансвааля, он приказал нескольким бюргерам отправиться в Оранжевую Республику, с которой у Трансвааля разгорелся серьезный конфликт, но этих людей арестовали. Как только Крюгер узнал об аресте, он поспешил в лагерь *фристейтеров* и попросил освободить пленников, на том основании, что они лишь выполняли его приказ. *Коммандант фристейтеров*, из уважения к поступку Крюгера, позволил его людям вернуться в Трансвааль.

Удивительной жизнестойкостью и способностью к напряженному умственному труду Крюгер был в равной мере обязан, как хорошей наследственностью, так и заботе о здоровье и регулярным привычкам, которых он придерживался последние двадцать лет жизни. Он вставал в половине шестого утра и, если только не находился вне дома, следовал своему ежедневному расписанию. Покинув спальню, он направлялся в кабинет, где выпивал несколько чашек крепкого кофе и выкуривал несколько трубок. Затем он около часа посвящал домашнему богослужению и чтению библии. После завтрака, в половине восьмого, президент принимал членов *Фолксраада*, и занимался наиболее

сложными из текущих дел. Когда члены *Фолксраада* отбывали по своим делам, он выходил на веранду своего маленького дома, где общался с бюргерами, обсуждая с ними государственные дела, угощая каждого кофе и табаком.

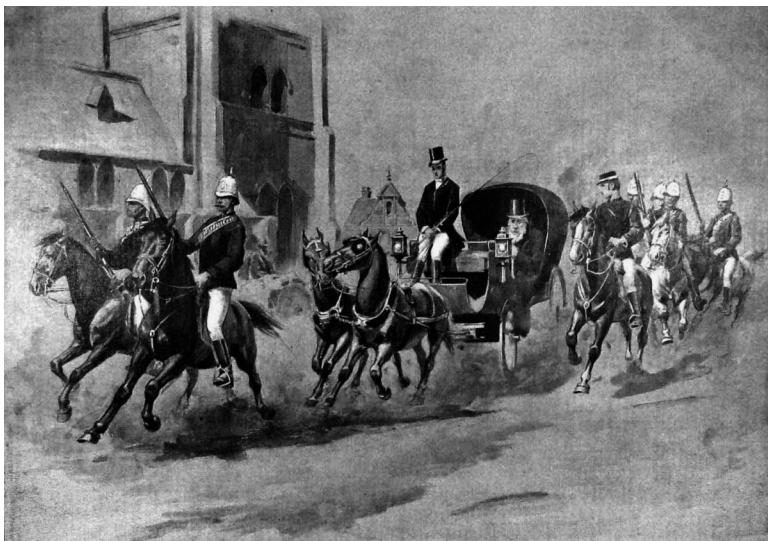

Президент Крюгер на веранде своего дома (рисунок из "Life")

В десять часов прибывал государственный экипаж и эскорт из восьми разодетых всадников, главной функцией которых являлось не обеспечение безопасности президента, а произведение определенного впечатления на иностранцев и туземцев. Если у заезжих европейцев эта церемония вызывала скорее улыбку, то в отношении черных она была вполне оправдана. Усевшись в экипаж, президент направлялся в Дом Правительства, расположенный в нескольких кварталах. По прибытии он посещал одну из законодательных палат, где, в зависимости от ситуации, вникал в очередную проблему, выступал с речью или, не вмешиваясь, наблюдал за ходом законотворческих дел. В полдень он возвращался домой на ланч, но в два часа вновь приступал к обязанностям в Доме Правительства, где работал еще три часа. Затем до семи часов принимал бюргеров в своем доме, а ровно в восемь удалялся на отдых.

Влиянию Крюгера на соотечественников немало способствовали постоянные беседы с бюргерами, посещавшими его дом. С восходом

солнца буры тонкой струйкой тянулись к дому президента, где ожидали его появления на веранде. Вступая в их круг, Крюгер становился обычным бюргером. Эта традиция поддерживала в людях доверие к вождю, и обеспечивала президенту "обратную связь". В результате, если Крюгер отстаивал свою позицию по спорному вопросу, можно было с уверенностью сказать, что он заранее обсудил проблему со своими бюргерами, и опираться на большинство.

Президентский эскорт (рисунок из "Life")

Крюгер считался хорошим оратором. Его обращения к Фолксааду были исполнены здравого смысла, сопровождалось улыбками, цитатами из библии и вескими аргументами. Он говорил без подготовки, не баловался ораторскими изысками, использовал простой слог, хорошо понятный как бюргерам, так и государственным деятелям. Он всегда выступал на бурском *"taal"*, хотя в официальной переписке и документах в Трансваале использовался чистый голландский язык.

Президент мог разговаривать на английском, но лишь в кругу самых доверенных друзей. Многочисленные попытки иностранных журналистов найти в Претории человека, слышавшего из уст Крюгера английскую речь, не увенчались успехом, хотя бытовало устойчивое мнение, что он свободно говорит на этом языке. Иногда, общаясь с иностранцем через переводчика, президент забывал о притворной неспособности понимать английский и отвечал на вопрос, не дожидаясь перевода.

Крюгер был женат дважды. Его первая жена, носившая фамилию Дю Плесси, была дочерью одного из первых *вуртреккеров*, и вместе с другими женщинами принимала участие в многочисленных стычках буров с туземцами. Она умерла вскоре после основания республики, оставив Крюгеру сына, который ненадолго ее пережил. Несколько лет спустя Крюгер женился во второй раз на племяннице своей жены. Подобно всем бурским женщинам, она находилась на втором плане, и редко появлялась перед публикой, главным образом на религиозных собраниях. Президент редко представлял ее своим посетителям, но она постоянно занимала жен и дочерей бюргеров, наносивших визит ее мужу.

Супруги Крюгер

Президент и фрау Крюгер родили шестнадцать детей, из которых выжило семеро. Один из сыновей, увлеченный передовыми идеями и тенденциями, был личным секретарем Президента, другой сын служил рядовым в полиции Претории, а третий обитал на отцовской ферме. Дочери вышли замуж за бурских фермеров и бизнесменов. Один из зятьев Крюгера, капитан Элофф (к слову сказать, мультимиллионер),

во время рейда Джеймсона был заключен *уитлендерами* в тюрьму, и с тех пор не выбирал выражений в общении с соседями-англичанами, открыто выражая о них свое мнение.

Состояние президента оценивалось в четверть миллиона фунтов, чего никак нельзя было заключить из его образа жизни. Президентское жалование составляло семь тысяч фунтов, в дополнение к которым он ежегодно получал еще триста на содержание дома. Эту ренту, так называемую *huishuur*, он получал с самой покупки дома. В какой-то степени она компенсировала расходы на табак и кофе для посетителей. Правда, со временем одна из южноафриканских финансовых легенд – Барни Барнато, взял на себя обеспечение президента табаком. Барнато же подарил президенту две мраморные статуи львов, украсивших лужайку президентского дома. Фотографии, которыми хвастались трансваальские ура-патриоты, традиционно представляли Крюгера возложившим руку на одного из львов, что трактовалось как превосходство буров над британцами.

Крюгер отличался искренней религиозностью и христианскими добродетелями, в типичном для бура понимании, распространявшимися лишь в отношении белых. Один из зулусских вождей, живший возле Вааль-Ривер, утверждал, что во время исхода *треккеров* из Наталья, Крюгер запряг его в транспортный вагон вместе с волами, и вынудил исполнять работу тяглового животного, при этом соглашаясь, что в этом отношении хозяин поступил так же, как поступил бы любой другой бур.

Крюгер был введен в лоно церкви американским миссионером Даниэлом Линдли в 1842 году, и с тех пор религия завладела его сердцем, став величайшим утешением во всех трудах и заботах. В тридцать пять лет религиозный энтузиазм Крюгера чуть не привел его к смерти. В какой-то момент удары судьбы заставили его усомниться в действенной помощи Господа. Пытаясь найти поддержку и утешение в Слове Божьем, он потерпел неудачу и испытывал мучительную тоску и душевную боль. В одну из ночей, попросившись с женой, он исчез в диких Магалисских холмах, к западу от Претории. Через несколько суток множество мужчин отправились его искать, и нашли стоящим на коленях и читающим молитвы. Проведя несколько дней без воды и пищи, он ослаб до такой степени, что не мог встать на ноги. После этого испытания он поверил в себя, как в инструмент божественной силы, и уверился, что избран Господом для защиты свободы и собственности своих людей. Крюгер никогда публично не рассказывал, что ему открылось в горах, но те, кто близко его знал, утверждали – это испытание стало началом новой жизни Пауля Крюгера. Соотечественники, которых не коснулись цинизм и скепсис конца девят-

надцатого века, считали его обладателем божественной силы, в то время как политические противники насмехались и глумились над ним, обзывая религиозным фанатиком и ханжой. Большинство бюргеров, наблюдавших Крюгера за ежедневными занятиями, или слушавших проповеди с церковной кафедры, не оспаривали силу и серьезность его религиозного чувства и отвергали сомнения относительно чистоты его целей.

Крюгер читает проповедь с церковной кафедры в Претории

Стиль письма Крюгера хорошо отражает характер президента. Вот, прокламация, обращенная к жителям Йоханнесбурга через несколько дней после мятежа:

"Ко всем жителям Йоханнесбурга. Я, Пауль Крюгер, Президент Южно-Африканской Республики, по совету и согласию Исполнительного Совета, силой Статьи 6 Протокола Совета от 10 января 1896 года, настоящим довожу до сведения всех жителей Йоханнесбурга и его окрестностей: я несказанно благодарю Господа, за то, что жалкое и предательское вторжение в мою страну предупреждено, и, благодаря храбрости и доблести бюргеров, независимость республики сохранена.

Особы, виновные в этом преступлении, естественно должны понести наказание в соответствии с законом, иначе говоря, они должны предстать перед судом и жюри присяжных, но есть тысячи других, которые введены в заблуждение и обмануты. Я вижу, что многие об-

мануты даже среди, так называемых, лидеров движения.

Незначительное число интриганов внутри и вне страны искусно подстрекали жителей Йоханнесбурга и окрестностей к борьбе. Под видом отстаивания политических прав, они день за днем, как бы подталкивали их. И когда в своей глупости подстрекатели думали, что момент пришел, они заставили доктора Джеймсона пересечь границу республики. Спрашивали они себя, под какой удар вас подставляют?

Я содрогаюсь, думая, какое кровопролитие могло случиться, если бы милосердное Провидение не спасло вас и моих бюргеров.

Я не буду говорить о финансовых потерях.

Теперь я обращаюсь к вам со всей искренностью. Работайте совместно с Правительством этой республики и помогите сделать эту страну землей, где люди всех национальностей смогут жить в общем братстве.

Месяцы и месяцы я планировал, какие изменения и реформы были бы желательны в Правительстве и стране, но омерзительная агитация, особенно в прессе, сдерживала меня.

Те люди, которые публично выступали как лидеры, требовали от меня реформ, тоном и манерами, которые они никогда не позволили бы себе в собственной стране из страха перед криминальным законом. Поэтому для меня и моих бюргеров, основателей республики, было невозможным принимать их планы во внимание.

На первой плановой сессии *Раада* я намерен представить на обсуждение черновой проект, где Йоханнесбургу будет дан муниципалитет во главе с мэром, которые будут осуществлять контроль над городом. В соответствии со всеми конституционными принципами, муниципальное управление будет избираться из жителей города.

Я настоятельно прошу вас, положить руки на ваши сердца и ответить на вопрос: после того, что случилось, могу и должен ли я представить этот проект на рассмотрение представителей народа? Мой ответ таков: я знаю, что есть тысячи обитателей Йоханнесбурга и его окрестностей, которым я могу доверить такое право выбора. Жители Йоханнесбурга, показали, что Правительство может предстать перед *Фолксраадом* с девизом "Забыто и Прощено".

Политическая платформа Крюгера базировалось на параграфе манифеста, направленного им, как вице-президентом Триумвирата, сэру Оуэну Ланьйону в 1880 году. Текст, очевидно написанный самим Крюгером, гласил: "Мы заявляем пред Богом, который может читать в наших сердцах, и перед миром: Каждый, кто называет нас мятежниками – клеветник! Люди Южно-Африканской Республики никогда не были подданными Ее Величества и никогда ими не будут".

Складывается впечатление, что неприятие англичан было у Прези-

дента в крови, а освобождение страны от британских уз являлось главной целью его жизни. Крюгер был глубоко убежден, что кроме него в республике нет другого политического деятеля, желавшего и способного добиться полной независимости республики с минимальными трениями и конфликтами. Крюгер считал свою победу на избирательных участках страны, ступенями в достижении победы над Британским Колониальным Офисом, и утверждал, что в день, когда Англия откажется от всех прав сюзеренитета над Трансваалем, он посчитает свою работу исполненной, и уйдет на вполне заслуженный покой.

Мудрость и твердость Пауля Крюгера, выведшего свой народ на мировую арену, признавали не только бюргеры Южной Африки, но и государственные мужи Европы и Америки. Каблограмма, полученная от императора Германии Вильгельма I через несколько дней после пресечения попытки переворота, произвела сенсацию в мире. Слова, приводимые ниже, стали одним из наиболее ценных сокровищ в коллекции Крюгера:

"Получено 3-го января 1896 года

От Вильгельма I, Императора, Берлин

Президенту Крюгеру, Претория

Я приношу вам мои искренние поздравления, с тем, что, не обращаясь за помощью к дружественным силам, вы и ваши люди, собственными силами успешно противостояли вооруженным бандитам, нарушившим границы вашей страны, смогли восстановить порядок, и отстоять независимость вашей страны от посягательств извне.

Вильгельм I, Император"

Князь Бисмарк заявлял, что Крюгер был величайшим государственным деятелем своего времени. Уильям Гладстоун, имевший множество возможностей оценить искусство дипломатии Крюгера, отзывался о нем, как о проницательнейшем политике африканского континента и достойном сопернике, даже по европейским меркам. Среди титулов, которых Крюгер удостоился со стороны европейских правителей были: Рыцарь Красного Орла Первого Класа (Пруссия), Гранд офицер Почетного Легиона (Франция), Великий Рыцарь Ордена Леопольда (Бельгия), Великий Рыцарь Нидерландского Льва и Великий Рыцарь Португальского Ордена Выдающихся Иностранцев. Его политическая и дипломатическая борьба не изменила судьбы империй, подобно деяниям Наполеона или Бисмарка, зато Крюгер преуспел в том, что до него не смог сделать никто – стоя во главе небольшого государства, он бросил вызов и на равных сражался с могущественнейшей империей земного шара, пытавшейся покорить его страну, а это поступок, достойный государственного деятеля мирового масштаба.

СЕСИЛ ДЖОН РОДС

В 1881 году, Сесил Родс, в то время еще человек без особых финансовых средств и политического значения, стоял в маленькой кимберлийской лавке, задумчиво рассматривая карту Африки, висевшую на стене. Знакомый, наблюдавший за ним несколько минут подошел к Родсу и поинтересовался, не ищет ли тот Кимберли. Родс чуть поместил с ответом, а затем прикрыл ладонью большую часть Южной и Центральной Африки.

– Моя мечта, сделать это британским.
– Даю вам десять лет, чтобы ее реализовать, – пошутил собеседник.
– Накиньте еще десять, – ответил Родс, – и у нас будет новая карта мира.

Через пятнадцать лет, из когда-то накрытого ладонью Родса пространства, на карте осталось лишь два небольших пятна, еще не принадлежавших Британии. На пути к мечте его стояли лишь Оранжевая и Южно-Африканская Республики, с которыми Родс вел смертельную борьбу. Судьба республик зависела от того, улыбнется ли в очередной раз удача этому человеку. А фортуна ему редко изменяла.

В 1870 году, Сесил Родс – сын бедного приходского священника, был высоким худым юношей, которому доктор посоветовал отправляться в Южную Африку, если он не собирается через три года переселиться на кладбище. Вместе с братом Гербертом, Родс отплыл в Наталь и достиг Дурбана в самый разгар кимберлийской алмазной лихорадки. Парни, старшему из которых еще не исполнилось и девятнадцати лет, присоединились к партии старателей, и, после многих превратностей судьбы, почти без денег в кармане, достигли алмазных полей Кимберли.

В лагере старателей их встретили самые буйные типажи всей Южной Африки, привлеченные сюда блеском алмазов. Незаконная перепродажа находок стала кратчайшей дорогой к богатству, по которой прошел почти каждый южноафриканский миллионер. Родс был одним из немногих исключений, что подтверждали даже его враги.

"Разница между нами в том, – говорил Родсу Барни Барнато, – что вы не крали алмазы, но, в случае обвинения, вам придется это доказывать. Я же их воровал, но пусть мои враги попробуют меня в этом уличить".

Молодой Родс участвовал во многих деловых предприятиях и сохранил почти все, что приобрел. Какое-то время он откачивал воду из шахты, используя брошенную паровую машину, затем вступил в коммерческое предприятие. Проведя два или три года в полях, он вернулся в Англию и продолжил обучение в Оксфорде. В Англии он нанес визит врачу, который несколькими годами ранее отвел ему три года жизни.

– Вы тот самый Родс? – удивленно спросил доктор у здорового молодого мужчины, – согласно моим записям, вы уже какое-то время находитесь в могиле. Здесь запись: "Туберкулез, выздоровление невозможно". Вы не можете быть тем самым Родсом, сэр. Невозможно!

В конце каждого семестра в Оксфорде, Родс возвращался в Кимберли, и благоразумно инвестируя свои сбережения в участки под

горные разработки, вскоре приобрел серьезный вес в области добычи алмазов. Когда за алмазной лихорадкой последовал обычный в подобных делах упадок активности, и для добытчиков наступили тяжелые дни, Родс купил все доли, заявки и земли, на какие только хватило денег. Анализируя положение дел в отрасли, он задумал создать монополию в алмазной индустрии, объединив все шахты и ограничив добычу.

Еще молодой и не очень знаменитый Сесил Родс (сидит справа)

Испытывая недостаток в средствах для осуществления своего грандиозного плана, он обратился с просьбой о финансовой помощи к Ротшильдам. Подобное экстраординарное предложение, требовавшее огромных средств, и исходившее от столь молодого человека, как Родс, вызвало у Ротшильдов некоторые сомнения в адекватности посетителя. Они попросили его перезвонить через несколько дней.

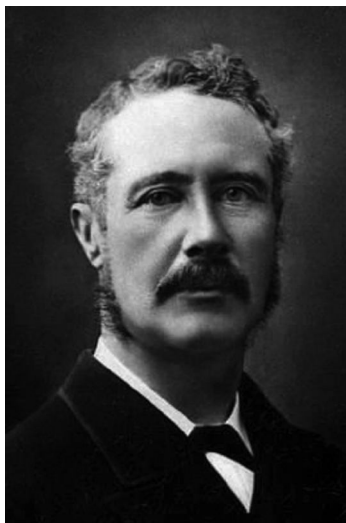
"Мое время слишком дорого, – несколько высокомерно ответил Родс, – я вернусь за ответом через час. Если вы к этому времени не решите, я буду искать помощи в другом месте".

Ротшильды отправили Родса в Африку с суммой, достаточной для покупки участков и собственности в районе Кимберли, а после того, как он образовал великую "Де Биирс Компани", назначили его пожизненным управляющим директором с годовым жалованием в сто пятьдесят тысяч долларов. Под управлением Родса шахты "Де Биирс" приносили ежегодную прибыль в пятьсот процентов. После Суэцкого

Канала, алмазные шахты стали самой доходной собственностью в мире, и их коммерческий успех во многом обусловлен личными талантами Родса.

Именно во время монополизации алмазных копей Родс начал свою политическую карьеру, прекрасно понимая, что политический успех зависит не только от финансовых возможностей, но и от личной популярности – немаловажный фактор в стране, где избиратель столь разношерстен.

В двадцать восемь лет Родс получил пост Главного Казначея Капской Колонии. Он занимал эту должность, когда Чарльз Гордон, или как его называли как "Китайский Гордон", объявился на Капе и предложил Родсу присоединиться к его экспедиции в Хартум (Судан). Но после некоторых колебаний Родс предпочел остаться в колонии. Гордон, очень рассчитывавший на молодого и энергичного политика, был горько разочарован. Вскоре он отправился в Судан, где был убит во время восстания Махди.

Генерал-майор Чарльз Гордон

За время правительственной службы Родс завязал множество связей, заложив фундамент будущих политических успехов. Он был другом англичан, *африкандеров*, голландцев и буров, и всегда умудрялся занимать позицию с которой мог действовать к выгоде одних, не возбуждая неприязнь других. Он никогда не оскорблял оппонента из политических соображений, как поступало большинство капских поли-

тиков, предпочитая уговаривать противника в вельде, или у домашнего очага. Если он не мог изменить позицию человека словами, он прибегал к более соблазнительному и надежному средству – деньгам. Надо признать, что Родс крепко верил в золото, как силу, доминирующую над всеми другими, и был убежден, что мнение любого человека может быть откорректировано определенным количеством денег. Это убеждение сформировалось у него в ранние дни алмазной лихорадки, и в течение жизни не особенно изменилось.

"Узнать цену человеку" – вот формула успеха Родса, выведенная им в тридцатилетнем возрасте, и даже его политические противники признавали, что он очень эффективно ее применял. В стране с таким кочевым и безразличным к вопросам общественной жизни населением, как Южная Африка, политику, вооруженному подобным подходом не составляло труда стать на период выборов популярным и влиятельным, так же как не требовалось много времени, чтобы сколотить партию, поддерживавшую любую его позицию.

Когда в 1884 году Родс стал Комиссаром Бечуаноленда – обширной и неосвоенной европейцами территории, примыкавшей к Капской Колонии с севера, и начал пропагандировать план присоединения этих земель к Британской Империи, он получил поддержку большинства избирателей колонии.

В то время Бечуаналендом правил вождь Лобенгула, чьи гигантские армии бродили по стране, не позволяя белым путешественникам и изыскателям пересекать границы его территории. В представлении белых южноафриканцев Бечуаналенд был настоящей Голкондой – землей, где драгоценные камни можно добыть без тяжелого труда, а земля столь плодородна, что приносит урожай четыре раза в год.

Решив сломать заградительный барьер, Родс отправил трех агентов для ведения переговоров с Лобенгулой. Агенты преподнесли старому вождю множество ценных подарков и в 1888 году добились от него исключительной концессии на поиски и добычу минералов в Бечуаноленде. Плата за концессию составляла сотню фунтов в месяц, тысячу винтовок и боеприпасов к ним, и небольшую канонерку на Замбези.

После того как мистер Родс оценил реальную стоимость концессии, он и несколько его друзей создали *"British South Africa Company"* больше известную как *"Chartered Company"*, и получили от британского правительства лицензию, дававшую им исключительное право управления и торговли в стране Лобенгулы. Несколько лет спустя, бесцеремонная деятельность белых стала раздражать подданных Лобенгулы, так же как и племена Машона, занимавшие громадные территории, восточнее Бечуаноленда. Последовало восстание, закончившееся для туземцев катастрофой. Множество черных погибло от анг-

лийских пуль, их земли были отобраны, а те, кто избежал смерти или плена были вынуждены искать убежища на севере.

Король Лобенгула

В 1895 году "Британская Южно-Африканская Компания" стала практически монопольным владельцем Родезии – громадной территории отобранной у Лобенгулы и Машона, а Родс воплотив часть своей мечты, начал присматриваться к другим жертвам, за счет которых можно было бы расширить Империю.

Разглядывая карту Африки, уже значительно изменившуюся с тех пор, как он изучал ее в кимберлийской лавке, Родс не раз в задумчивости останавливал взгляд на Трансваале и Оранжевой Республике, все еще не окрашенных в цвет Британской Империи. Постепенно у него зрел план заговора, направленного на решение проблемы с их аннексией. К этому времени трения между бурами и *уйтлендерами* достигли апогея, и Родс увидел достойный повод для английской интервенции. Родс не считал нужным разбираться в справедливости требований *уйтлендеров*, и не испытывал особых симпатий их делу. Он счи-

тал, что избавить *уитлендеров* от притеснений со стороны буров проще простого. Однажды он так и сказал знакомому *уитлендеру* – "избавиться от полагаемой несправедливости довольно легко, ведь Трансвааль не защищен Китайской Стеной".

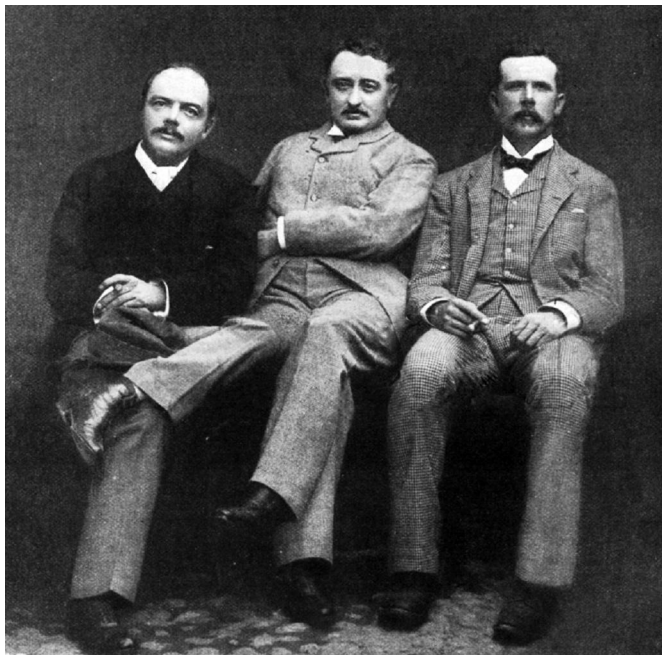
*Урок строительства Империи
(Родс выступает перед Комиссией по Южной Африке)*

В это время Родс находился в зените славы. Он был мультимиллионером, возглавлял одно из величайших предприятий мира, управлял делами доминиона, занимавшего десятую часть континента, и занимал пост Премьера Капской Колонии. Его власть была почти абсолютной на территории, простиравшейся от Мыса Доброй Надежды до Центральной Африки, а на востоке лишь узкая полоска земли отделяла его империю от Индийского Океана.

Родс всегда считал достижение результата достаточным извинением для избранных средств. Он был готов примириться с потерей своих друзей-буров, если это компенсировалось приобретением двух республик. Падение Трансвааля неминуемо привело бы к падению Оранжевой Республики, и, чтобы бить зверя в голову, он решил начать кампанию именно с Трансвааля.

Организаторы заговора разошлись во мнении, следовало ли заручиться обещанием помощи от Колониального Офиса в Лондоне. В отличие от более осторожных коллег, Родс считал, что обладает дос-

таточными силами, чтобы покорить Трансвааль. В конечном итоге его план вылился в мероприятие, впоследствии названное "Рейдом Джеймсона".

Доктор Джеймсон, Сесил Родс и приемник Джеймсона – Дж.Ньютон

Предприняв все необходимые усилия, Родс вернулся в "Groote Schuur" – свой дом в Кейп-Тауне, где с нетерпением дожидался результатов столь тщательно продуманного и подготовленного плана. К его разочарованию, помощники Родса проявили излишнюю поспешность, а йоханнесбургские *уитлендеры* испугались бурских "маузеров". Так или иначе, план провалился, и Родс испытал первый и величайший удар в своей блистательной карьере.

Мечта, казавшаяся столь близкой, растаяла в один день, и вместе с ней, словно дым, растаяла репутация Родса. Он был вынужден оставить пост Премьера Капской Колонии, многие из его лучших и старейших сторонников в Англии отвернулись от него, он потерял уважение и высокую оценку в глазах голландских обитателей Южной Африки, прежде бывших его преданными союзниками. Легендарный Родс, идол Капской Колонии, вдруг оказался объектом нападков и насмешек большинства избирателей Капа. Пытаясь обелить репутацию

Родса, парламентские слушания сняли с него все обвинения касательно участия в рейде Джеймсона, но голландцы и буры Южной Африки не восприняли этот фарс всерьез.

Не сумев уничтожить Трансвааль силой оружия, Родс попытался добиться желаемого экономическим мерами. Родезия – новая страна, которую он незадолго до этого отобрал у матабеле и машона, была провозглашена раем для поселенцев и Офиром (легендарной библейской страной золота) для старателей. Родс лично возглавил кампанию по лишению Трансвааля обитателей и коммерции. Но обещания золота, копей Соломона, великолепных ферм, новых железных дорог и телеграфных линий не смогли обеспечить желаемый приток иммигрантов в страну, которая, на деле, не имела реальных достоинств, разве что была гигантскими охотничьими угодьями, где, так называемая "голытьба" и армия могли безнаказанно отстреливать негров.

"Родезийский крысолов" (рисунок из "Punch")

Родс вложил сотни тысяч фунтов в развитие страны, носившей его имя, *"British South Africa Company"* прибавила к этому свои тысячи, но рука, способная превращать в золото все чего касалась, на этот раз оказалась бессильной. К тому же, туземцы, покоренные Джеймсоном, узнав, что тот заключен в тюрьму, подняли новое восстание. Увидев, что его детищу угрожает реальная опасность, Родс лично отправился в логово врага и заключил с Лобенгулой договор, которым фактически погасил восстание.

После умирения Родезии, возложив рутинную работу по привлечению поселенцев на помощников, Родс направил свою энергию на завершение трансконтинентальной дороги и телеграфной линии, нача-

тых под его покровительством несколькими годами ранее, но запущенными из-за более неотложных дел. Дорога и телеграф из Кейптауна в Каир были столь масштабными предприятиями, что сами по себе могли легко принести Родсу всемирную славу.

Родс лично разработал план соединения Средиземного моря и Столовой Бухты стальными рельсами и медными кабелями. Лишь благодаря его усилиям и влиянию британские финансисты согласились предоставить деньги для осуществления проекта. Удивительную веру англичан в Родса, иллюстрируют несколько звонков в Лондон, которых ему хватило, чтобы унять бурю протестов поднятую пайщиками, испугавшимися, что два великих предприятия потерпят фиаско. После кратковременных отлучек в Европу или Америку он неизменно возвращался в Южную Африку, привозя с собой новые миллионы и вселяя уверенность в робких.

*"Колос Родский" (рисунок из "Punch" 1892 года,
после анонса проекта прокладки трансконтинентальной
телеграфной линии)*

Родс испытал вкус абсолютной власти. Помешать ему добиться поставленной цели могло Провидение, но не люди. Туземцы рвали сот-

ню миль телеграфной линии – посредством пулеметов он давал им урок и восстанавливал разрушенное. Белые боялись смертельной лихорадки Центральной Африки, но щедрая плата и пожизненные страховки для сонма родственников, гарантировали наличие людей, готовых идти на риск. Пайщики роптали на расходы – Родс грозил им, что их собственность пострадает, если извлечь средства из поддержки строительства железной дороги и телеграфа.

Несмотря на симпатии и антипатии, все южноафриканцы сходились во мнении, что Сесил Родс был выдающимся человеком, определявшим судьбу Африканского Континента. Ярые приверженцы шли дальше, заявляя, что он сделал для Британской Империи больше, чем кто-либо другой за всю историю ее существования. Но трудно было найти двух южноафриканцев, согласных между собой в оценках методов, используемых Родсом. Одни считали, что Родс обязан своим успехом несметному богатству, другие настаивали, что его влиянию способствовал невероятный личный магнетизм. Враги намекали на политическую беспринципность и изворотливость, в то время как друзья с негодованием отметали подобные сплетни, доказывая, что основой его успешной карьеры стала безукоризненная честность. Но никто, никогда не утверждал, что Родс был баловнем судьбы и счастливых обстоятельств, вознесших его на заоблачные высоты, хотя, при поверхностном взгляде на его жизнь, возникает искушение подумать именно так.

Южную Африку того времени считали раем для лентяев, и в этом саду праздности Родс слыл королем, что подтверждала поговорка – "ленивый как Родс", часто пускаемая в ход его недоброжелателями. Он гордился своей праздностью, и заявлял, что человек, работающий больше, чем обусловлено его физическими потребностями, просто глупец. Он говорил, что никогда не произносит длинных речей, поскольку слишком ленив, чтобы тратить на это силы. Он не соглашался пройти более трехсот шагов, если была возможность взять экипаж или носильщиков с гамаком, при этом перемещался столь медленно, что его продвижение было почти незаметно. Все, кто путешествовал по Африке, сходились во мнении, что Родс – этаким современный Соломон. Единственным физическим упражнением, в котором он себе не отказывал, была часовая прогулка верхом ранним утром, пока солнце еще не обрушивало на землю свои палящие лучи.

Несмотря на антипатию к физическим усилиям, Родс был большим любителем путешествий, и постоянно перемещался из одного места в другое. Если на прошлой неделе он принимал гостей в Кейп-Таунской резиденции – *Groote Schuur*, то на следующей уже размечал новую ферму в далеком Машоналенде. Еще через неделю его видели в порту-

гальских владениях на восточном побережье, а в конце месяца, вернувшись в Кейп-Таун, он готовился к вояжу в Англию с двухнедельной остановкой в Париже. Родс нанимал воловью упряжку или паром одинаково не считаясь с затратами и принимая во внимание лишь то, что в заданное время ему нужно попасть в заданное место. Подобным же образом он заботился, чтобы в том месте, куда он следует, его ожидал собственный комфортный дом.

Обладая громадным состоянием, Родс искренне придерживался мнения, что деньги существуют для того, чтобы их тратить, и не испытывал ни малейших колебаний, когда приходилось подтверждать это мнение на практике. Он не помогал нищим и не бросил на ветер даже шестипенсовика, но без колебаний оплачивал поездку в Европу человеку, с которым желал помириться, или жертвовал сумму, достаточную для покупки тысячи ферм, племени, которое помогло ему в его предприятии.

Сесил Родс в Родезии, 1896 год

Его принципы хорошо иллюстрирует история, рассказанная одним из его близких кимберлийских друзей. За несколько лет до своей смерти, Барни Барнато – прожженный южноафриканский спекулянт, убедил почти всех служащих алмазных шахт инвестировать накопления в "Плеяды" – золотonosный участок в Йоханнесбурге, на котором хотели заработать Барнато и его друзья. В итоге инвесторы потеряли все деньги. Родс, прослышав о махинациях Барнато, попросил того

вернуть деньги работникам, на что Барнато лишь рассмеялся. Тогда, узнав общую сумму потерь, он возместил пострадавшим убытки из собственного кармана.

*Знаменитый южноафриканский спекулянт Барни Барнато),
погибший при загадочных обстоятельствах в 1897 году*

Хотя Родс имел в своем распоряжении финансовую поддержку любого банковского дома мира, в кошельке у него редко лежала сумма, достаточная для оплаты ланча. Его слуга, малаец-полукровка Тони, был его "банкиром", постоянно ссужая деньги хозяину.

Все, знавшие Родса в зрелые годы, отмечали его способность красноречиво молчать. Он говорил мало, краткими и резкими предложениями, но немногословность лишь придавала вес сказанному. "Я хочу здесь железную дорогу", или "Нам нужна эта шахта", или "Мы должны получить эту полоску земли". Но одновременно, он обладал удивительным даром убеждать собеседника в прямо противоположном тому, что тот хотел на самом деле, и делал это столь блестяще, что визави давал свое согласие, еще не понимая до конца сути предложения. Личное обаяние Родса, которому мало кто мог противиться, подкреплялось прямой, веселой сердечностью, вызывавшей у собеседника чувство уважения, восхищения и твердой веры в его слова. Родс общался с любым человеком, который ему был нужен, независимо от образования и общественного положения. Он, как правило, всегда до-

бывался своего и от туземного вождя, и от европейского дипломата. Лобенгула прозвал его "братом, съедающим на обед целую страну".

Родс никогда не требовал того, чего добивался на самом деле. Он просил у акционеров десять миллионов, реально needing лишь в пяти, но таким образом получал необходимую сумму. Судясь с оппонентом, он предъявлял настолько завышенные требования, что мог достичь намеченного, уступив половину. В начале политической карьеры, требуя пост Премьер-министра Колонии, он удовлетворился должностью Комиссара Коронных Земель и Работ, что являлось его истинной целью.

Политический успех Родса ни в коей мере не зависел от личных связей с рядовыми членами партии, но он общался с ними с той же предупредительностью и уважением, что и с влиятельными гражданами Колонии. Родс постоянно встречался с лидерами поселковых и городских общин, не упуская возможность выразить им глубокую благодарность за поддержку. Родс вел себя по-королевски среди королей, но был фермером среди фермеров. В среде капских голландцев и буров подобные метаморфозы служили отмычками к сердцам и голосам множества людей. Нередко можно было видеть Родса в партии фермеров или погонщиков, каждый из которых был одет лучше, чем беседовавший с ним мультимиллионер.

Будучи членом капского Парламента Родс носил столь поношенную шляпу, что она стала предметом подшучиваний в газете. В Родезии, он надевал самый старый костюм из своего гардероба, и следовал обычаям пионеров, населявших страну. Он спал в туземных краалях, когда поблизости не было города, и ел то же консервированное мясо и крекеры, которыми его *Chartered Company* снабжала конную полицию. Избегая показных демонстраций и мероприятий в его честь, Родс мог проехать пятьдесят миль верхом в противоположном направлении, лишь бы не участвовать в утомительных формальностях. В день открытия железной дороги до Булавайо, столицы Родезии, Родс, сославшись на вымышленную болезнь, телеграфировал, что, к сожалению, не сможет присутствовать на торжествах. Он мог день и ночь находиться в пути, избегая мест, где его могли настичь телеграммы или посыльный. Когда его гость намекнул, что он пропустит торжества и не встретиться со многими выдающимися людьми южной Африки, Родс усмехнулся и ответил: "Именно поэтому я убегаю". Родс предпочитал провести вечер со старым колониистом, слушая его немудреные истории, чем полчаса на официальном банкете. На открытии железнодорожной ветки возле Кейп-Тауна, в разгар мероприятия организаторы торжества тщетно пытались найти Родса, в то время как "почетный гость" наслаждался купанием в протекавшем рядом ручье.

Сесил Родс в вельде

Родс не был женат, и имел репутацию закоренелого женоненавистника. Он считал женщину помехой для мужчины, пока тот не достигнет цели своей жизни, и не начнет нуждаться в роскоши. Он не только твердо верил в это сам, но и при каждой возможности внушал данную точку зрения собеседнику. Летом 1897 года капитан его волонтеров в Машоналенде, попросил у Родса разрешения на трехмесячный отпуск, чтобы посетить Капскую Колонию. Капитан прошел несколько туземных кампаний, и ему крайне требовался отдых. К тому же он намеревался жениться. После сурового допроса Родс выяснил настоящую причину просьбы. "Я не позволю вам ехать в Капскую Колонию. Я хочу, чтобы вы завтра же отправились в Лондон. По прибытии туда получите инструкции", – сказал Родс. Когда капитан достиг Лондона, в поученной от Родса каблограмме значилось: "Изучайте Лондон три месяца". Женитьба была расстроена.

Во всей Южной Африке не было жилища интереснее *Groote Schuur* – загородной резиденции Родса в Рондебоше, пригороде Кейптауна. Он нашел время и сумел сделать свое поместье самым удивительным на Африканском континенте. Под сенью Столовой Горы, рядом с большим домом, напоминавшем о первых поселенцах, но не уступавшем в роскоши королевскому дворцу, раскинулось поместье, площадью, без малого, в пятьсот гектаров – настоящее чудо этих мест. Зоологическая коллекция Родса содержала почти всех представителей африканской фауны, а сотни цветущих деревьев и растений,

привезенных за сотни миль, украшали и без того прекрасный ландшафт. Поместье располагалось в пяти милях к северу от Кейп-Тауна, у северного основания Столовой Горы, в самом узком месте перешейка, где волны двух океанов, казалось, готовы схлестнуться друг с другом. От одной из тенистых улиц, извивавшихся к Кейп-Тауну, тянулась прекрасная аллея высоких сосен и дубов, ведущая к особняку *Groote Schuur*, который (если судить по его названию), изначально служил амбаром, где два столетия тому голландские колонисты складировали запасы зерна и охраняли их от туземцев.

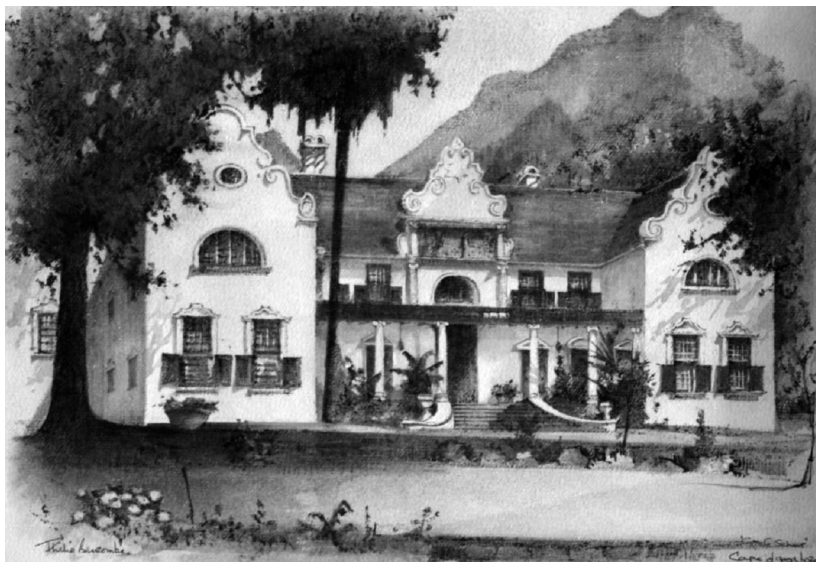
Родс сумел сохранить в доме своеобразие старой голландской архитектуры. Резные фронтоны, украшенные лепниной колпаки над дымовыми трубами, широкие веранды, голландские шкафы, бюро и другая мебель – все напоминало о былых временах.

Гостиная в Groote Schuur

Над поместьем витал старый голландский дух. Но за декорациями восемнадцатого века скрывались самые современные удобства, какие только могла предложить Европа. Кроме классических книг, обязательных для каждого уважающего себя выпускника Оксфорда, домашняя библиотека содержала одну из самых больших коллекций книг и манускриптов об Африке. В том же зале находился настоящий музей. Здесь стояли знамена, захваченные в войнах с португальцами, а так же изрешеченный пулями и порванный ассегаями "Юнион Джек".

Посетители из Европы с интересом рассматривали сотни интересных экспонатов, собранных Родсом в Родезии после покорения туземцев. В *Groote Schuur* собирались люди, заложившие основы величайших южноафриканских предприятий. Здесь же планировался рейд Джеймсона, и здесь, директора "*Chartered Company*" пили шампанское, в то время как их рейдеры сдавались бюргерами у Йоханнесбурга.

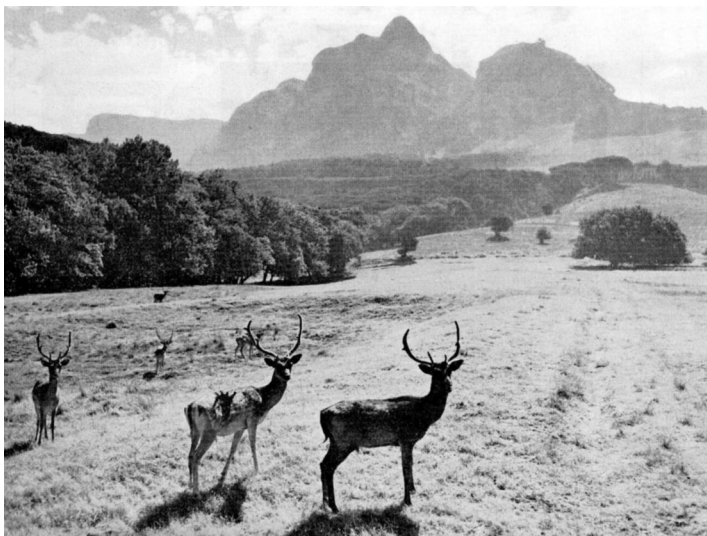

Groote Schuur (акварель Филипа Уильяма)

Вокруг усадьбы цвели и плодоносили прекрасные субтропические сады. С заднего крыльца гости могли любоваться "голландским" садом, взбегавшим тремя террасами от мощеного мрамором внутреннего двора к травянистому холму, окаймленному высокими соснами, на котором, то тут, то там виднелись могилы прежних обитателей *Groote Schuur*. Позади сосновой бахромы высились заросшие кустарником склоны Столовой Горы и Пика Дьявола, расположенных достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть каждую деталь этих удивительных и странных гор. Природа и Искусство шли рука об руку. Древовидные гортензии, азалии и десятки других цветущих кустарников и деревьев, произрастающих в невероятном изобилии, порождали невероятный фейерверк красок.

Однако, несомненно, самой интересной чертой поместья являлся уникальный зоологический парк. На огромной территории, протяжен-

ностью в шесть миль, бродили всевозможные дикие животные. В этой коллекции были представлены все африканские олени и антилопы. Зебры, кенгуру, жирафы, эму, фазаны и страусы настолько пообвыклись, что присутствие человека их совершенно не беспокоило.

Зоологический парк в Groote Schuur

Но поместье, на обустройство которого ушло столько труда и несколько миллионов фунтов, редко посещалось его владельцем. Громадные предприятия на алмазных полях Кимберли и в Родезии поглощали столько времени, что Родс редко мог воспользоваться отдыхом в *Groote Schuur*. Считая его, своего рода национальным достоянием, Родс открыл это уникальное и очаровательное место для посещения публики.

ПРАВИТЕЛЬСТВО БУРОВ

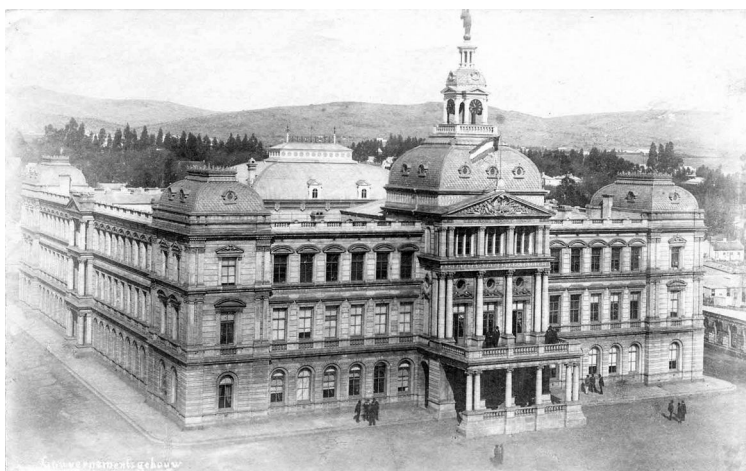

*Первая сессия Фолксраада
Южно-Африканской Республики (май 1890)*

Конституция, или *Grondwet* Южно-Африканской Республики во многом походила на конституцию Соединенных Штатов. Главой правительства являлся президент, избиравшийся на пять лет. Он определял политику и фактически руководил Исполнительным Советом. В Исполнительный Совет входили главы трех департаментов и шесть членов Первого *Фолксраада*. Эти девять лиц были авторами всех законов и договоров предлагаемых *Фолксрааду*, являвшему собой третью составляющую системы управления. *Фолксраад* имел две палаты – так называемые Первый и *Второй Раад*.

Первый *Фолксраад* состоял из двадцати семи членов, избираемых бюргерами и из бюргеров, т.е. избирателями, родившимися в стране. Натурализованные бюргеры не имели права быть избранными в верхнюю палату. Двадцать семь членов *Второго Раада*, являлись натурализованными бюргерами, и ими же избирались. Нижняя палата кон-

тролировала правительственные работы, телефоны и шахты, но, в принципе, не имела голоса в делах управления страной. Ее члены, фактически чуждые традиционным бурским ценностям, придерживались более свободного взгляда на жизнь страны и ее политику, представляя множество законопроектов, на которые *Первый Раад* неизменно накладывал вето. *Первый Раад* главным образом рассматривал законопроекты и предложения Исполнительного Совета и самого Президента, но перед тем как принять какие-либо решения, передавал их для изучения специальной комиссии. Свидетельства за или против предложенных мер не достигали *Раада*, считавшегося лишь с выводами комиссии. *Раад* мог ходатайствовать и подавать предложения Исполнительному Совету, но Исполнительный Совет и Президент имели право игнорировать обращения.

Здание Фолксраада Южно-Африканской Республики (1895 год)

Верхняя Палата занималась главным образом вопросами финансов, изменениями конституции и делами туземцев. Поскольку финансы являлись составной частью любой проблемы, то *Первый Раад* занимался почти всеми правительственными вопросами. В глазах большинства бюргеров, *Второй Раад*, состоявший из натурализованных граждан, меньше заботился об интересах страны, и заслуживал меньше доверия, чем старые бюргеры и *вуртреккеры* Верхней Палаты, готовые скорее объявить войну Британской Империи, чем пропустить закон, ущемлявший интересы их государства. Таким образом, из-за незначительного реального влияния *Второго Раада*, законотворчеством занимался Исполнительный Совет и *Первый Раад*.

Первый Раад Трансвааля был прямым наследником формы правления, установленной *вуртреккерами* в 1835 году, когда они перебирались из Капской Колонии в северные земли. *Второй Раад* создали в 1890 году, чтобы *уйтлендеры* имели своих представителей в правительстве, надеясь возвести мост через пропасть, разделявшую буров и *уйтлендеров*.

Ежегодная сессия *Фолксраада* начиналась в первый понедельник мая, и продолжалась до достижения согласия по всем насущным вопросам. Члены двух Палат получали три фунта в день, Председатель или *voorzitters* – чуть меньше четырех.

Члены Первого Фолксраада в 1898 году

Сессии *Paada* проходили в новом (обошедшемся в четверть миллиона фунтов) Доме Правительства, постоянно открытом для посещения публики, за исключением времени проведения сессий. Богатая обстановка, дорогие цветные витражи в окнах, щедро декорированы резным деревом стены, украшенные портретами выдающихся граждан Республики. В зале *Первого Paada*, на возвышении, стоял резной, красного дерева стол для Председателя. Справа от него, находилось кресло Президента, а еще дальше девять кресел для членов Исполнительного Совета. Ниже места Председателя стояли столы трех официальных секретарей, а напротив последних, полукругом располагались два ряда мест членов *Paada*. В задней части зала, по обе стороны от входа, имелись кресла для посетителей, а слева балкон для прессы.

Члены *Раада* обязывались носить черный костюм и белые галстуки. Этот закон был принят, чтобы предотвратить появление в зале некоторых заседателей, прибывших из дальнего вельда, в той же одежде, в которой они путешествовали. Почти все члены *Раада* носили длинные фраки, шелковые шляпы и тяжелые черные ботинки. Когда в перерывах законодатели появлялись на веранде Здания Правительства с огромными трубками во рту, у некоторых зрителей возникало сомнение в мудрости этого траурного собрания. Тем не менее, в работе *Раада* соблюдалось очень мало формальностей. Определенным правилам, безусловно, следовали, но в дебатах бюргеры нападали на докладчика с теми же страстностью и напором, с какими обычно загоняли льва или пантеру. На заседаниях редкий оратор блистал университетским красноречием. Обычно из его уст звучали шутки и метафоры, более подходившие к общению в открытом вельде или на тяжелой переправе, чем в правительственном здании. Когда кто-нибудь ставил подножку коллеге или бросал в него бумажным катышем, смеялся весь зал. Но, подобные вольности допускались лишь в отсутствии Президента. Если тот входил в зал, все вставали и ожидали, пока Крюгер не усаживался в кресло. Обычно президент глубоко вникал в суть проблемы, стоявшей перед *Раадом*, и детально высказывался по обсуждаемому вопросу. Его влияние на членов *Раада* было столь велико, что пожелания Крюгера редко отвергались. Когда президент сталкивался с неприятием своей точки зрения, то быстро терял терпение. Были случаи, когда он обозвал оппонента предателем и в гневе покидал зал. Правда, вскоре возвращался и извинялся за свою несдержанность.

Одним из отталкивающих явлений Претории, были орды политиканов и спекулянтов, осаждавших членов *Раада* и правительственных чиновников. Возможно, в конце девятнадцатого века, ни в какой другой столице мира законодатели не подвергались большему искушению, чем буры, большей частью не привыкшие к значительным суммам денег. Каждый йоханнесбургский поезд доставлял в Преторию пару десятков лоббистов, использовавших любые возможности, в первую очередь финансовые, чтобы за скромную плату получить ценную концессию, или протолкнуть нужный закон. По утверждениям *уитлендеров* менее четверти членов *Раада* были бесспорно честны, в то время как остальные не могли устоять перед соблазном. Нечистые на руку законодатели, несомненно, заслуживают осуждения, но можно понять людей, никогда не имевших в распоряжении более ста фунтов, которых настойчиво искушают продать свой голос за несколько тысяч.

Естественно, члены *Раада*, подвергавшиеся подобному прессингу,

с подозрением относились к каждому законопроекту, представляемому на их рассмотрение. Они опасались сделать шаг в сторону, чтобы не оказаться игрушкой в руках *уитлендеров*, и их мотивы не были дурно истолкованы соотечественниками. Одним из результата постоянного коррупционного давления на *Фолксраад* стало отсутствие местного самоуправления по всей республике. В стране не было ни муниципалитетов, ни окружных, ни поселковых советов способных создавать местные законы и следить за их исполнением. Даже Йоханнесбург — город с населением в сто тысяч человек, не имел городского управления, хотя предпринималось несколько попыток его создать.

Исполнительный Совет во главе с президентом Крюгером принимает депутацию бюргеров

Раад, вынужденный вникать в детали управления каждым округом, городком и поселком, терял силы и время, требовавшиеся на решение более весомых государственных дел. Пятьдесят фунтов на мост, необходимый в каком-нибудь северном захолустье, требовал обсуждения в *Рааде*. Когда из дальнего поселка поступал запрос на лицензию для торговли крепкими напитками, *Рааду* приходилось перед голосованием изучать этот вопрос. Отрицательные стороны подобной системы были очевидны всем, однако, недоверие к местному управлению, удерживало *Раад* от проведения назревших перемен.

Законодательный орган любой страны время от времени чудит, и *Раад* Трансвааля не являлся исключением. Казусы, подобные приведенным ниже, были редки, но, тем не менее, имели место. Так некий Дамс, чья большая ферма, расположенная на границе, в соответствии с договором стала британской территорией, предъявил иск правительству Трансвааля касавшийся возмещения понесенного ущерба. В ответ *Раад* принял закон, что Дамс никогда не может предъявлять иски к

правительству. Другой человек предъявил иск правительству за ущерб, понесенный вследствие падения на улице. Он добился своего, но *Raad* немедленно провел закон, делающий невозможным подачу исков к правительству за ущерб, полученный на общественной собственности. Во время очередной засухи, поразившей Трансвааль, профессиональный американский вызыватель дождя попросил у *Raada* концессию, дающую ему исключительное право вызывать дождь с помощью взрывов в воздухе. *Raad* долго и оживленно дискутировал по этому поводу, при этом нашлось несколько его членов, посчитавших проект американца явным святотатством. "Это грех, — настаивали они, — тыкать пальцем в глаз Господу, чтобы заставить его плакать". Твердую веру, некоторых членов *Raada* в божественное проведение, иллюстрирует дискуссия, завязавшаяся вскоре после рейда Джеймсона. Когда один из депутатов заявил, что: "Господь помог бы нам в этом деле, если бы мы чуть подождали", его более скептически настроенный коллега возразил: "Если мы сейчас же не примемся за дело, и не предпримем что-нибудь сами, Господь возьмет выходной и предоставит Трансваалю направляться в ад".

С политическими свободами в Трансваале дела обстояли неоднозначно. После рейда Джеймсона почти два года действовал закон, предусматривавший административное наказание за публичное исполнение "*God save the Queen*" или "*Rule Britannia*". Массовые митинги также были запрещены. Но если вспомнить Германию того времени, имевшую подобные же ограничения, да и некоторые другие страны, с гораздо меньшей политической напряженностью, то жалобы *уитлендеров* на "не имеющую прецедентов в цивилизованном мире вопиющую несправедливость" выглядят не слишком убедительно.

Второй по значимости правительственной силой в стране являлся Верховный Суд, который состоял из наиболее способных юристов Южной Африки. С точки зрения Конституции, Верховный Суд не имел права пересматривать акты *Фолксраада*. Конституция страны предоставляла *Фолксрааду* высшую власть во всех законодательных вопросах, и когда главный судья Верховного Суда попытался распространить свою юрисдикцию на акты *Фолксраада*, последний бесцеремонно распустил Верховный Суд. В стране, которой постоянно приходилось считаться со многими внешними и внутренними угрозами, безопасность ее институтов зависела от централизации законодательных и административных ветвей, и проницательные основатели государства, принимавшие Конституцию, сумели вручить реальную власть в руки ее действительных патриотов.

За соблюдение гражданских и криминальных законов отвечали местные мировые судьи, так называемые *ланддросты*, которые также

собирали государственные налоги в округе и информировали *Фолкс-раад* о потребностях населения, находящегося под их юрисдикцией. *Ланддрост* улаживал споры, следил за возмещением ущерба и проводил официальную политику государства. В большинстве случаев *ланддрост* был человеком в возрасте, уважаемым и почитаемым членами общины к которому они обращались за отеческим советом в сложных ситуациях. В Йоханнесбурге и Претории должность *ланддроста* традиционно занимали известные южноафриканские юристы. При этом не имело значения, ни в каком округе страны они ранее проживали, ни какой они национальности. Все делопроизводство велось на голландском языке. Юрист был обязан говорить на голландском, иначе не допускался к практике.

Военная система, в силу своей простоты, граничившая с примитивностью, была, в сложившихся условиях, довольно эффективной. В армии номинально числились все мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Во главе армии стоял *генерал-коммандант*. Его штаб-квартира располагалась в Претории. Он подчинялся непосредственно *Фолксрааду* и президенту, который имел право объявлять войну. Следующей ступенью военной пирамиды были *комманданты* – постоянные официальные лица, заправлявшие военными делами в семнадцати округах республики. По закону *коммандант*, в случае необходимости, призывал под ружье определенное количество людей своего округа. Округа делились на районы, находившиеся под командованием *фельдкорнетов* и их помощников.

Как только *генерал-коммандант* издавал приказ о мобилизации, *комманданты* и *фельдкорнеты* объезжали подотведенную им территорию, объявляя призыв. Бюргер брал собственное ружье, лошадь, провизию и фураж и спешил на обусловленное место сбора своего округа, где поступал в распоряжение *фельдкорнета*. После этого отряд отправлялся на сборный пункт *коммандо* округа. Несколько *коммандо* соединяли свои силы в обусловленном месте. Эта система была настолько проста и эффективна, что в течение сорока восьми часов в окрестностях Претории могла сосредоточиться вся армия республики.

Военными вопросами в правительстве Трансвааля долгие годы заведовал *генерал-коммандант* Пит Жубер, имевший репутацию одного из наиболее талантливых политических деятелей Южной Африки. Представляя армию, генерал имел множество приверженцев, склонных решать сложные вопросы с помощью винтовки, однако сам Жубер искренне считал, что мирное урегулирование разногласий гораздо выгоднее обращения к оружию. *Уитлендеры* считали его либералом, и не без оснований утверждали, что, будь он при власти, то относился бы к ним с большей снисходительностью, чем Крюгер.

*Генерал-коммандант Трансвааля
Пит Жубер*

Полномочия Жубера, как вице-президента республики, были довольно ограниченными, но своим влиянием он немало способствовал улучшению взаимоотношений коренного и пришлого населения. Тогда как Крюгер считал, что стабильность государства зависела от ограничения права голоса для чужаков, генерал Жубер верил, что среди *уитлендеров* есть немало людей, искренне стремившихся стать гражданами республики и участвовать в ее жизни. Он полагал достаточным, чтобы человек, желавший стать бюргером, принял клятву верности и в течение трех или четырех лет честно служить стране, как во времена мира, так и во время войны. Если в течение этого срока соискатель продемонстрирует, что готов работать в интересах страны и подчиняться ее законам, то, по мнению Жубера, такой *уитлендер* имел право обладать привилегиями коренного бюргера, т.е. голосовать за кандидата в президенты и членов *Первого Раада*.

Жубер трижды баллотировался на пост президента, причем в 1893 году проиграл Крюгеру с отрывом всего в 665 голосов. Буры помоложе поддерживали Жубера, в то время как старики, опасаясь, сможет ли кто-нибудь, кроме Крюгера, занимать твердую позицию и не идти на

уступки уитлендерам, использовали все свое влияние против *генерал-комманданта*. После рейда Джеймсона, на фоне роста антибританских настроений, Жубер утратил значительную часть своих приверженцев, и на выборах 1898 года получил всего 2001 голос против 12858 голосов, отданных за Крюгера.

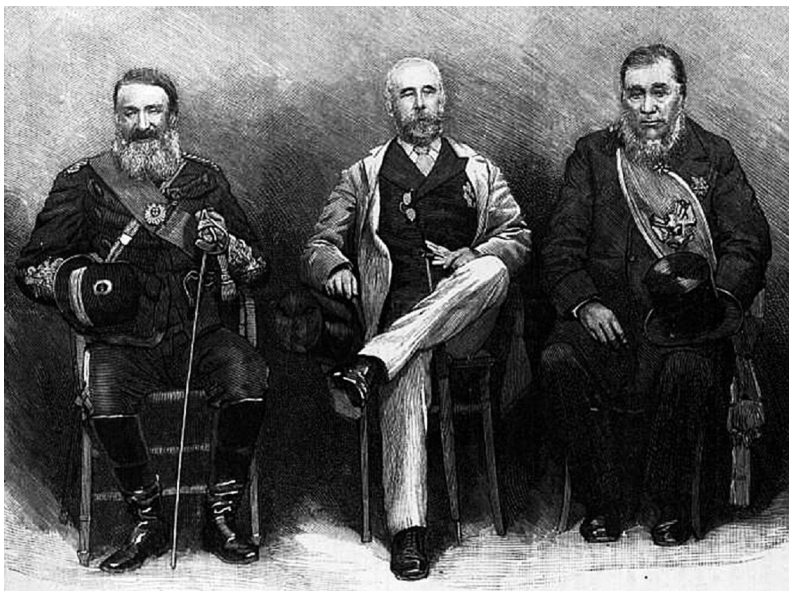

Инаугурация президента Крюгера 12 мая 1898 года

Имя генерала Жубера связано с историей Трансвааля столь же тесно, как и имя президента Крюгера. Подобно большинству сверстников, он вырос на войне. Его молодость прошла в постоянных стычках с туземцами. В войне 1880-81 годов он командовал бюргерами, сражавшимися у Лэингс-Нек, Бронкхорст-Спруйт и Манджуба-Хилл, и был одним из членов триумvirата, правившего Трансваалем в это непростое время. Жубер занимал должность вице-президента республики, и командовал армией, когда отряд Джеймсона угрожал ее безопасности. Он достойно служил своей стране и в качестве награды за эту службу желал получить должность президента.

В искусстве дипломатии, по мнению соотечественников, Жубер не уступал Крюгеру, и иногда добивался успеха там, где Крюгер терпел поражение. Примечателен случай, имевший непосредственно после рейда Джеймсона. Вскоре после того как Джеймсона и его офицеров привезли в Преторию, президент Крюгер созвал около двадцати бурских командиров для консультации. Город бурлил, и требовал мести.

Присутствие рейдеров Джеймсона раздражало жителей до такой степени, что в столице осталось очень мало холодных голов. Президент Крюгер советовал всем присутствующим вести себя спокойно, но часть собравшихся, считали, что Джеймсон и его люди должны быть немедленно расстреляны, а один из присутствующих, то ли в шутку, то ли всерьез заметил, что рейдеры не должны так легко отделаться, и предложил отрезать им уши.

Генерал-коммандант Пит Жубер и президент Пауль Крюгер в гостях у губернатора Наталья Чарльза Митчелла (1891 год)

Через несколько часов, после того как сведения о ходе прений просочились на улицу, кабель уже нес новости в Европу и Америку, и британская пресса обрушилась на буров с упреками в жестокости и бесчеловечности. Президент Крюгер использовал все свое влияние и красноречие, для спасения жизни пленников, генерал Жубер так же склонялся к точке зрения президента и высказался в защиту рейдеров. Тем не менее, большинство присутствовавших продолжало настаивать на кровавой развязке. Тогда Жубер обратился к ним со следующей речью: "Друзья, я прошу вас несколько минут терпеливо меня послушать. Предположим, возле вашей фермы живет человек, чьи очень дорогие собаки напали на ваших овец и убили многих из них. Будете вы стрелять в собак, как только их увидите, подвергая себя угрозе

возмещения ущерба большего, чем стоимость погубленных овец? Или, при удобном случае, вы поймаете собак, отведете их к соседу и скажете: "Я поймал ваших собак, теперь оплатите мне ущерб, который они мне нанесли, и я их верну". Жубер выдержал паузу, окинул взглядом притихшее собрание и спросил: "Мы поймали соседских собак, что будем с ними делать?". После этих слов совет почти единогласно решил передать пленников британскому правительству.

ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Йоханнесбург в 1900 году

К концу столетия политики и спекулянты, превратились в истинный бич Южной Африки. Зачастую список дополняли некомпетентными клерками британского Колониального Офиса, но глупость принимаемых ими решений была настолько общепризнанна, что этих деятелей, наряду с засухой и саранчой, относили к разряду природных бедствий. Пока правительство Трансвааля не имело политического веса подкрепленного силой оружия, спекулянты всех мастей считали Южную Африку гигантской шахматной доской, на которой, по собственной прихоти и для собственной выгоды, играли судьбами и благосостоянием сотен и тысяч людей.

Рядом с настоящими хищниками мельтешили политики-дилетанты неспособные загребать жар руками секретарей с Даунинг-Стрит и мелкие спекулянты, потерявшие контроль над ими же возведенными

на престол политиками. Год за годом эта ненасытная стая безжалостно терзала Южную Африку. Сотня проныр, занимаясь политикой и спекуляциями, стала миллионерами, в то время как тысячи шахтеров, рабочих и мелких торговцев умоляли знакомых занять им денег на обратный билет. В Южной Африке человек, имевший миллион, становился мультимиллионером, а человек с несколькими сотнями в кармане вскоре оставался без пени. Африка была пьедесталом для богача и кладбищем для бедняка. Люди приезжали с намерением поймать удачу за хвост и скорее вернуться домой. Тех, кто намеревался осесть в новой стране, можно было пересчитать по пальцам. Из миллиона белых, проживавших южнее Замбези, около половины приходилось на долю искателей счастья, готовых уехать в любой момент. К золотым шахтам Ранда и алмазным полям Кимберли их манил мираж богатства, и мало волновало участие в создании справедливых законов, эффективного правительства или государственных институтов. Благополучие республики же заботило лишь в той степени, в какой помогало добиться желанной цели. Благом было уже то, что у большинства из них хватало совести не подрезать человека, чтобы забрать его деньги.

Более здоровую часть белого населения представляли *африканеры*, буры и эмигранты из Европы, осевшие в Южной Африке и считавшие ее своей родиной. Эти люди были по-настоящему заинтересованы в развитии региона, представляли его нужды и думали о перспективе.

Промахи, допускаемые правительствами Капской Колонии и Натала, большей частью объяснялись путами, налагаемыми на местных законодателей Колониальным Офисом. Казалось, лондонские чиновники игнорировали реальное положение дел в колониях, в точности как вожди зулусов, которые не имели понятия о политических раскладах в Британской Империи. Колониальные газеты пестрели письмами жителей, возмущенных деятельностью Колониального Офиса. Особенно это касалось Натала – настоящего Эдема Южной Африки, где политика британских чиновников в отношении зулусов граничила с глупостью. Деловые южноафриканцы утверждали, что Капская Колония и Наталь четверть столетия сдерживались в своем развитии, исключительно из-за препятствий, создаваемых Колониальным Офисом. Они так же считали, что каждая туземная война, за редким исключением, вызывалась политическими промахами Лондона. В отношении буров британцы проводили такую же неуклюжую политику, отводя себе роль аристократов, вынужденных общаться с оборванцами.

Борьба между бурами и британцами началась с захвата англичанами Капской Колонии в 1806 году и с разной степенью ожесточенности тянулась почти столетие. Повод для второй англо-бурской войны 1899

года возник по окончании первой войны за независимость 1881 года, когда на мирных переговорах в договор вставили пункт, дававший Англии право вмешиваться в политические дела Трансвааля. В те времена территория Трансвааля казалась настолько малоценной, что, по мнению Гладстоуна, "не заслуживала чести и места под британским флагом". Большинству британцев было совершенно безразлично: станет ли Трансвааль независимым, или сохранит протекторат Британии. Пункт договора, вокруг которого в течение предвоенных лет сломали множество копий и перьев, гласил: "Южно-Африканская Республика не будет заключать никаких договоров или соглашений с каким-либо государством или нацией, кроме Оранжевой Республики, ни с каким туземным племенем восточнее или западнее республики, пока они не будут одобрены Ее Величеством. Такое одобрение будет считаться данным, если Правительство Ее Величества, не будет, в течение шести месяцев после получения копии договора (доставленного немедленно после подписания) считать, что договор находится в конфликте с интересами Великой Британии, или владениями Ее Величества в Южной Африке".

Часть буров-политиков категорически возражала против этого пункта, полагая, что он позволяет Великой Британии вмешиваться в дела Республики, и предпринимала энергичные попытки исключить раздражавший пункт. В 1883 году депутация, в состав которой входил Пауль Крюгер, отправилась в Лондон, рассчитывая добиться официальной ликвидации сюзеренитета.

*Трансваальская делегация 1883 года в Лондоне:
генерал Николас Смит, президент Пауль Крюгер
и глава Департамента Образования Якобус Ду Тойт*

Делегация подготовила новую конвенцию, из которой слово "сюзеренитет", и касающиеся его оговорки были исключены. В своем докладе *Фолксраду*, сделанном в 1884 году, посланцы заявили, что

положили конец британскому сюзеренитету. 4 февраля 1884 года, в письме к лорду Дерби, заправлявшему британскими колониальными делами, Крюгер упомянул, что ожидает включения в договор пункта об отмене сюзеренитета. В ответе, последовавшем через неделю, лорд Дерби сделал заявление, которое Трансвааль посчитал отказом от сюзеренитета: "С исключением статей "Преторианской" конвенции, которые устанавливают определенные специфические возможности и функции Ее Величества и британских резидентов, касающиеся внутреннего управления и международных отношений Трансваальского государства, ваше правительство будет свободно управлять страной без вмешательства, устанавливать собственные межгосударственные связи и формировать собственную внешнюю политику, подчиняясь лишь требованию четвертого пункта новой редакции, что любой договор с иностранным государством не вступает в силу без одобрения Королевы".

Почти десять лет сюзеренитет Англии над Трансваалем оставался величиной неопределенной. За исключением нескольких правительственных чиновников в стране не было англичан, и никто не проявлял ни малейшего интереса к делам трансваальского правительства. Но затем последовали судьбоносные события – открытие золота Ранда, беспримерный наплыв англичан и других иностранцев, и строительство Йоханнесбурга.

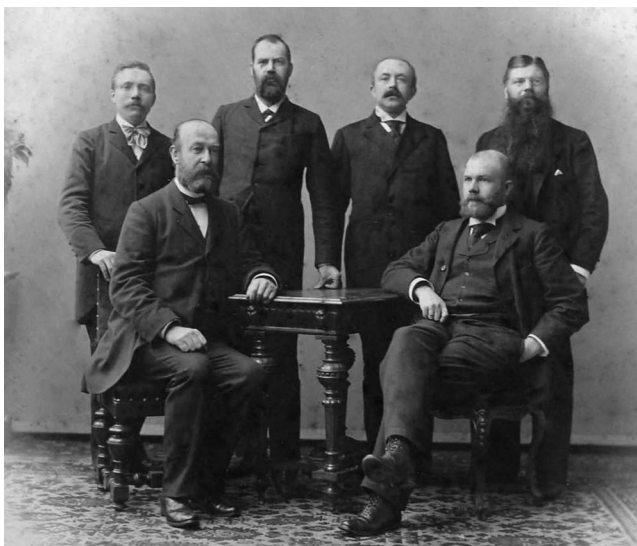

Один из первых городков старателей у Пилгрим-Рест

Закладка сотен шахт, породила "Горные законы" и сотни новых должностей. Потребовались деньги на содержание чиновников, а сле-

довательно, трансваальскому правительству пришлось увеличить государственные налоги. Расходы бюджета за один год превысили десятилетние затраты "предлихорадочного" периода. Правительство Крюгера, попав в затруднительное положение, решило проблему финансов традиционным для той эпохи способом, выдав концессии на динамит, железную дорогу, электрическое освещение, воду...

По ряду обстоятельств, преимущественно политического характера, наименьшее количество концессий досталось подданным Ее Величества, и когда монополии принялись извлекать выгоды из своего положения, поднимая цену на динамит и стоимость перевозки грузов, англичане, владевшие почти всеми шахтами, естественно возмутились. Но правительство Трансвааля, увязшее в обязательствах, не могло или не хотело принудить концессионеров снизить цены.

*Директора Голландско-Южноафриканской
железнодорожной компании (NZASM)*

Следом за золотодобытчиками объявились финансовые спекулянты, и вскоре Лондонская Биржа стала влиятельным фактором в делах Ранда. Вслед за биржей интерес к южноафриканским делам стали проявлять политики. Из архивов Колониального Офиса извлекли договор 1883 года, а затем последовало требование о предоставлении права голоса всем резидентам британского происхождения, проживавшим в Трансваале. Буры в свою очередь настаивали, что претенденту следует вначале отказаться от гражданства другой страны. Большинство резидентов

дентов-англичан, подогреваемое пробританской прессой, не желали подчиняться данному требованию, и бурно выражали свое недовольство, а британские политики и финансовые магнаты, желавшие прибрать золото Ранда к рукам, с готовностью ухватились за столь благородный повод к вмешательству, как равные права для всего белого населения.

Неудавшийся рейд Джеймсона подогрел симпатии к бурам во всем мире, став политической катастрофой для Родса. Но его было не так легко сломить или заставить свернуть с намеченного пути. Трансвааль бросил вызов – что ж, тем хуже для Трансвааля. Не успело затихнуть волнение, поднятое мятежом *уитлендеров*, как Родс принялся за воплощение нового плана, способного, по его мнению, привести к экономическому краху Трансвааля, и заставить бурав самих умолять о переходе под британский флаг. Он открыл Родезию, прилегавшую к Трансваалю, для поселения, и всячески превозносил достоинства новой страны, ее минеральные запасы и условия для ведения сельского хозяйства, суля золотые горы трансваальским торговцам, шахтерам и фермерам.

Переселенцы в горах Матопо, возле Булавайо (Родезия)

Он провоцировал исход обитателей из Трансвааля, надеясь, что республика обезлюдет в течение двух лет, а ее правительство, потеряв доверие и поддержку бюргеров, рухнет. Но в стране, носившей имя Родса, не оказалась, ни золотых гор, ни медовых рек. Несколько тысяч соблазнившихся сладкими обещаниями переселенцев оставались в Родезии не более года, а затем вернулись в Трансвааль.

Они разочаровались и в природных условиях страны, и в справед-

ливости ее правительства. После того, как ни революцией, ни переманиванием не удалось привести Трансвааль под британскую юрисдикцию, Родс взял курс на войну, занявшись соответствующей политической агитацией и формированием общественного мнения. Основанием для претензий вновь послужил вопрос с правом голоса. Одновременно вопрос монополии на динамит и железные дороги обсуждались столь ожесточенно, что выбивали всякую почву для договоренностей.

Девяносто девять процентов *уитлендеров* Трансвааля считали себя не более чем временными его обитателями. Их привлекали золотые шахты и обслуживающая их промышленность, и эти люди не имели намерения оставаться в Трансваале ни минутой дольше после того как набьют кошелек деньгами. Реально, менее одного процента *уитлендеров* озаботились пройти процедуру получения документов о натурализации. Буры соглашались, чтобы все *уитлендеры*, имевшие девятилетний срок пребывания в Трансваале, получили право голоса в течение двух лет, а остальные в течение семи лет – двух лет натурализации и пяти лет проживания в качестве гражданина.

Утренний рынок в Йоханнесбурге

Натурализованный гражданин должен был владеть домом, стоимостью не менее пятидесяти фунтов арендной платы, или иметь доход в двести фунтов. Эти квалификационные условия не более суровы, чем лондонские, где англичанин, поселявшийся в каком-либо районе города, был обязан прожить в нем два года и иметь определенный имуще-

ственный ценз, перед тем как обретал право голоса. Для *уитлендеров*-англичан это не являлось тайной за семью печатями, тем не менее, они настаивали на двухлетнем сроке проживания и безусловном праве голоса. Буры понимали, что последует за уступками по данному вопросу не хуже чем *уитлендеры*, выдвигавшие подобные требования. Предвоенные статистические данные определяли численность буржеров менее чем в тридцать тысяч. При этом, по самым заниженным оценкам, в Трансваале проживало пятьдесят тысяч *уитлендеров*, а это означало, что, пойдя буры на уступки – все они в течение двух лет станут избирателями. Первые же выборы принесут победу чужакам и их избранники будут контролировать правительственный механизм. План *уитлендеров* и стоявших за ними сил, был прозрачен как воздух, к тому же опирался на поддержку английских политиков, прессы и публики.

Пропаганда, развернутая Родсом и другими политиками, а также биржевыми спекулянтами, имевшими интересы в трансваальских золотых шахтах, успешно вбивала в головы англичан мысль, что в Южной Африке сложилась ситуация не имевшая прецедентов в истории Империи. Но прецедент существовал. В то же самое время, когда британский Парламент обсуждал мнимую несправедливость в отношении британских граждан в Трансваале, колониальный секретарь занимался рассмотрением жалоб, полученных от голландских подданных, проживавших в Британской Гвиане (Южная Америка), которые в мельчайших деталях напоминали стенания *уитлендеров*. Три тысячи проживавших там голландцев, преимущественно горняков и фермеров, не имели представительства в местных органах законодательной и исполнительной власти из-за особенностей британского законодательства. Голландские обитатели многократно обращались с просьбой о более полном представительстве в правительстве колонии, но им даже ничего не обещали, ведь, в данном случае, жаловались иностранные граждане, проживавшие на британской территории, а не англичане, а, следовательно, подобные петиции не заслуживали серьезного внимания.

В результате искусственно разжигаемых страстей немногочисленные жалобы, предъявляемые *уитлендерами* до рейда Джеймсона, стократно умножились, и запестрели ядовитейшими эпитетами в отношении буров. Письма, приходившие в редакции британских газет, пестрели сочными словесными оборотами, а британские политики в своих речах не чурались использовать и вовсе непечатные выражения. Петиции с тысячами, большей частью фальсифицированных подписей, подавались в Колониальный и всякий другой офис в Лондоне, где их только могли принять. Мощная пропагандистская кампания добилась

своей цели, и в Англии едва ли осталась горстка людей, осмелившихся утверждать, что буры еще не достигли крайней степени деградации.

Образец "объективной" подачи материала о Трансваале в имперской прессе

Еще более эффективная пропаганда велась через Биржу. Как только "кафрская" или "трансваальская" компания не могла свести концы с концами и оправдаться перед акционерами, она заявляла, что бурское правительство препятствует работе шахты, и взбешенные держатели акций сразу же принимались очерчивать Колониальному Офису контуры политики, которую следовало проводить в отношении буров. Одним из сильных эмоциональных аргументов в пользу вмешательства, предъявляемых англичанам, были, якобы невыносимые налоги, которыми буры обложили *уйтлендеров*. На деле специфическим обязательным налогом для *уйтлендера*, был лишь ежегодный регистрационный сбор, размером менее фунта. Что касается ежемесячного горного налога в один фунт за каждую заявку на разведочную лицензию и чуть более фунта за заявку на добычную лицензию, то эти налоги платились и бурами и *уйтлендерами* без различия национальности.

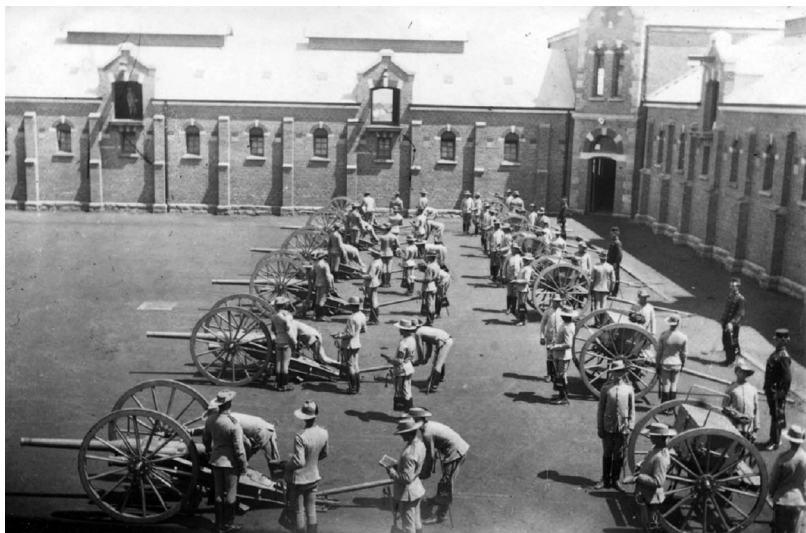
Буры понимали, что в грядущем противостоянии их республикам суждено или победить, или погибнуть, ведь они не могли, как во вре-

мена Великого Трека, загрузить пожитки в вагоны и уйти в неизведанные земли, поскольку в Африке уже не осталось "ничейной" земли. У бюргеров не было лучшего аргумента в поддержку своих прав, чем слова национального гимна Трансвааля:

*Het heeft geofferd goed en bloed
Voor vrijheid en voor recht*

"Мы заплатили собственностью и кровью за свою свободу и свои права". В их гимне сконцентрировалась вся история страны, с ее долгой борьбой, многочисленными разочарованиями, и твердой верой в Господа.

После рейда Джеймсона и буры и *уитлендеры* осознали, что мирное решение разногласий между ними возможно, но маловероятно. Уитлендеры отказались идти на какие-либо уступки и выдвигали требования, в сущности означающие передачу Трансвааля под британское правление. В свою очередь буры, чувствуя приближение войны, превращали свою страну в настоящий арсенал.

*Трансваальские артиллеристы осваивают
французские 75-мм орудия*

Осознав, что *уитлендеры* Йоханнесбурга, опираясь на внешние силы, планируют переворот, буры всерьез озаботились вопросом отражения внутренней и внешней агрессии. Из Европы пригласили германских и французских специалистов для строительства оборонитель-

ных сооружений и ознакомления с современной военной мыслью людей, стоящих во главе бурской армии. На закупку вооружения, требовавшегося в соответствии с планами обороны, вставшая на военные рельсы страна ежегодно тратила миллионы фунтов. Каждую ферму снабдили оружием и боеприпасами, так что мобилизацию армии можно было провести за один день.

Претория, будучи столицей, и естественно, главной целью противника, тщательнее всего готовилась к отражению нападения, и по сверхоптимистичным заверениям иностранных специалистов могла выдержать трехлетнюю осаду. Город лежал в центре четырехугольника, в каждом углу которого высятся холмы. На этих высотах возвели мощные фортификационные сооружения, господствовавшие над долиной и прилегавшей территорией. Три форта (*Schanskop*, *Wonderboompoort* и *Klapperkop*) строились германской фирмой "*Krupp*" и вооружались германской артиллерией. Четвертый (*Daspoortrand*) возводился французской "*Schneider & Co*" и был вооружен французскими пушками. Стоимость каждого из фортов составляла около 50 000 фунтов.

Три больших государственных склада заполнили боеприпасами, а арсенал до крыши забили винтовками. Два громадных холодильника, мощностью в две тысячи волов каждый, мог обеспечить гарнизон провизией в течение многих месяцев.

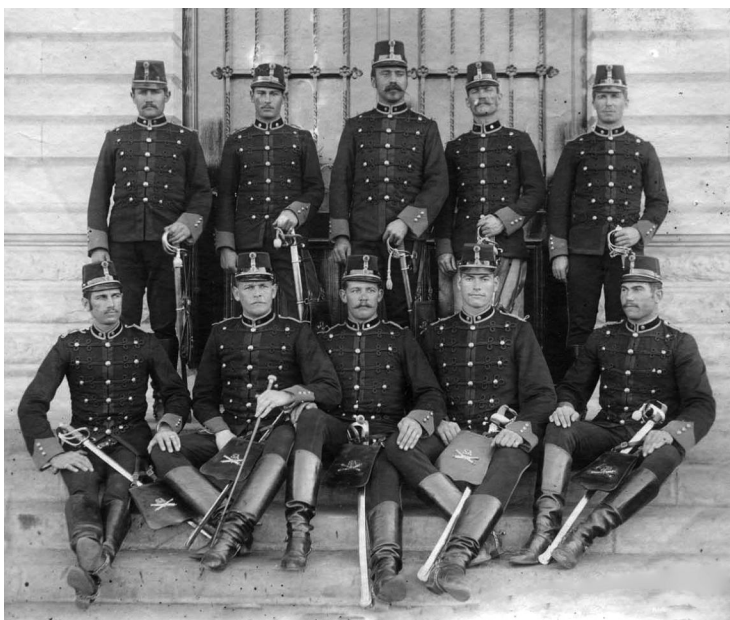
Вокруг Йоханнесбурга также располагались укрепления, но их планировалось использовать не для обороны города, а для подавления вероятного мятежа уитлендеров.

Один из фортов располагался на небольшой возвышенности в полумиле севернее делового центра, и его орудия полностью контролировали город. На строительство укреплений и обеспечение их вооружением бюргеры потратили более двух лет. Другой форт, располагавшийся восточнее города, контролировал железную дорогу и главную дорогу к Йоханнесбургу. Обитатели города чрезвычайно нервничали по поводу подземных работ, которые, как они полагали, проводились со времен рейда. Из Йоханнесбургского форта вывезли столько земли, и работы велись столь долго, что *уитлендеры* решили – буры ведут под город минные галереи.

Кроме строительства фортов вокруг Претории и Йоханнесбурга, закупки современной артиллерии и стрелкового оружия, буры развернули оборонительные работы на Натальской границе, готовясь защищать подступы к Леингс-Неку. Они уделяли повышенное внимание этой части республики, справедливо полагая, что британцы предпочитают вторжение из Наталя, поскольку британцам снабжать армию через дурбанский порт, расположенный в трехстах шестидесяти милях от

границы было гораздо проще, чем через Кейп-Таун, находившийся почти в три раза дальше.

Понимая, всю сложность предстоящей борьбы, Трансвааль заключил оборонительный союз с Оранжевой Республикой, чья независимость подвергалась опасности не меньше, чем независимость Трансвааля. В случае войны два правительства планировали действовать заодно, но будучи не столь уверенной в своих силах и обладая меньшими финансовыми ресурсами, Оранжевая Республика всячески пыталась примирить противников, убеждая их пойти на взаимные уступки. Эта республика была населена не так плотно как Трансвааль, и соответственно не могла выставить в поле аналогичную армию, но десять тысяч "оранжевых" бюргеров, были желанным пополнением в рядах буров.

Артиллеристы Transvaalse Staatsartillerie

Оставался неясным вопрос, как поведут себя буры Капской Колонии и Наталья. Голландцы Капской Колонии составляли большинство населения и сохраняя лояльность Британии, они не приветствовали вмешательство Империи в трансваальские дела. Натальские голландцы были не столь многочисленны, но также сочувствовали Трансваалю и, несомненно, могли считать прежние обиды, нанесенные британ-

цами, достаточным поводом, для присоединения к бурам.

В Капской Колонии существовала политическая организация, называемая *"Afrikaner Bond"*, в предвоенные годы добившаяся контроля над политикой колонии. Девизом организации были слова – "Южная Африка для южноафриканцев". Ее сторонники придерживались мнения, что правительству Капской Колонии в первую очередь следовало заботиться об интересах Южной Африки, а затем уж об интересах Великой Британии. Имея преимущественно голландское происхождение, члены Бонда отдавали приоритет развитию собственной страны, настаивая на введении протекционистских тарифов и строгих туземных законов, а законодательную деятельность в защиту британских интересов, полагали делом второстепенным. Бонд симпатизировал соплеменникам в Трансваале, особенно после рейда Джеймсона и болезненно реагировал на каждый признак надвигающейся войны. Уильям Шрайнер, ставший в 1898 году Премьер-министром колонии, являлся одним из лидеров Бонда. При обычных обстоятельствах лояльность "капских голландцев" британскому правительству не подвергалась сомнению, но Лондон серьезно заботил вопрос, смогут ли они противостоять искушению, если Бонд решат попытать счастья в войне на стороне бурав.

*Уильям Филип Шрайнер
(Премьер-министр Капской Колонии с октября 1898 по июнь 1900)*

От лояльности голландского населения двух колоний фактически зависел контроль британского правительства над Капом. Обладая чис-

ленным превосходством и почти полным контролем над местным правительством, голландцы Капской Колонии занимали великолепную позицию для отделения от Империи. При подобном развитии событий Британии предстояло сражаться почти со всем белым населением Южной Африки.

Ситуация к тому же усугублялась неопределенной позицией туземных племен. Ни англичане, ни буры не имели твердой уверенности в поддержке туземцев, численность которых в десять раз превышала численность местного белого населения. В конфликтах белых черные, заботясь о собственной выгоде, предпочитали поддержать сильного. Последним предостережением для англичан стало восстание племен матабеле, последовавшее за поражением Джеймсона.

Зулузы, не забывшие горечь поражения, нанесенного им британцами, все еще надеялись утолить жажду мести. Басуто, на востоке Оранжевой Республики, оставаясь наиболее могущественным и не испытывавшим поражения народом, могли принять участие в войне, хотя бы для демонстрации своей доблести и силы. Полтора миллиона туземцев Капской Колонии и такое же количество в Трансваале вполне могли отважиться на восстание, хотя предугадать ход негритянской мысли с уверенностью не мог никто. Какую позицию в конфликте займет то или иное племя знали лишь их вожди, которые, в своем большинстве, хранили молчание. И буры и англичане хорошо знали о сокровенной мечте черных, об их ожиданиях великого вождя, который придет с севера, соберет все племена в одну могучую армию, и сбросит ненавистного белого человека в море.

Считалось, что перед войной в Южной Африке имелось следующее количество боеспособных мужчин:

Страна или колония	Голландцы	Англичане	Туземцы
Капская Колония	20,000	10,000	175,000
Наталь	7,000	5,000	100,000
Оранжевая Республика	10,000	-	30,000
Трансвааль	30,000	20,000	140,000
Родезия	-	2,000	25,003
Свазиленд и Басутоленд	-	-	30,000
Общая численность	67,000	37,000	570,000

Для политиков, которым нравилось прогнозировать возможные союзы и строить прогнозы, эта ситуация предоставляла обширнейшие возможности для составления разнообразных комбинаций рас, наций и племен. Начиная с того, что все черные могли объединиться против белых, или часть черных против части белых, и заканчивая самыми сложными и невероятными союзами. Возможности были безграничны, исход неопределенным.

В предвоенные годы большинство британских военных с пренебрежением относились к генералитету буров, игнорируя факт, что до войны 1899 года лишь в одном бою регулярная британская армия одержала вверх над ополчением буров. Бой 1848 года у Боомплаатца – единственный, который британцы могли считать своей победой. Почти всегда силы сторон были приблизительно равны, при этом потери бюргеров с завидным постоянством были меньше британских. Статистика показывает, что в процентном соотношении буры теряли гораздо меньше людей.

Трудно поверить, что буры добились подобных результатов без помощи способных командиров. Конечно, бюргеры преувеличивали, уверяя, что один их боец по своим боевым качествам стоит пятерых британцев, но результаты боев демонстрируют – для хвастовства имелись некоторые основания.

Бой	Численность		Потери	
	Британцы	Буры	Британцы	Буры
Леингс-Нек	400	550	190	24
Ингого	300	250	142	17
Манджуба	600	150	280	5
Бронкхорст	250	300	120	1
Рейд Джеймсона	600	400	100	5

В конце 90-х годов Британия держала в Южной Африке относительно небольшие силы, полагая, что, в случае необходимости, менее чем за месяц сможет перебросить туда сто тысяч солдат из Индии и Англии. В Натале на трансваальской границе постоянно находились несколько батальонов со штаб-квартирами в Чарлестауне, Ледисмите и Питермаритцбурге. Британский Колониальный Офис заранее готовился к конфликту. Все крупные державы, способные оказать помощь

бурам, всевозможными способами выводились из игры. Германию подкупили выгодными договоренностями, Франция опасалась вмешаться в одиночку, а Португалия – единственный африканский сосед, была слишком слаба и, к тому же, слишком задолжала Англии, чтобы поднять голос, против каких-либо действий британцев.

*Британское транспортное судно с войсками,
направляющимися в Южную Африку*

Арендовав у португальского правительства порт Лоренцо Маркес, Великая Британия приобрела один из самых важных стратегических пунктов в Южной Африке (правда и одно из самых гиблых, пораженных лихорадкой мест на Земле). Эта аренда стала кульминацией многочисленных дипломатических разменов, предоставив англичанам дополнительный рычаг давления на Трансвааль и ограничения поставок вооружения через португальскую территорию.

Со времен рейда Джеймсона буры импортировали из Европы большое количество вооружения и боеприпасов. Фактически Делагоа-Бей стала морскими воротами Трансвааля. Всякий другой порт Южной Африки находился под полным контролем британцев и следовательно, был закрыт для открытого ввоза военных материалов. Лоренцо Маркес, расположенный вблизи восточной границы Трансвааля, соединялся железной дорогой с Преторией и Йоханнесбургом. Именно по этой дороге буры везли нужные им грузы, и Британия не могла мешать беспокойной республике делать, что ей хочется. Не прошло и

месяца с момента разгрома рейдеров Джеймсона, как буры получили через Лоренцо Маркес партию орудий и боеприпасов из Германии и Франции. Озабоченная Британия смогла лишь послать несколько дете-ктивов в доки и провести опись прибывшего военного имущества.

Полная передача Лоренцо Маркес Британии положила бы эффективный заслон дальнейшему импорту вооружений в Трансвааль, и фактически делала невозможным предоставление любой иностранной помощи бурам в случае войны. Много лет и Германия, и Британия пытались убедить Португалию продать Делагоа-Бей, но будучи должником и той и другой державы, Португалия не могла удовлетворить притязания одной стороны, не возбудив неприязнь другой. Правда в 70-х годах она была готова продать права на порт правительству Гладстоуна, но это было до того, как Делагоа-Бей обрела коммерческую и политическую значимость. Германия, преследуя собственные интересы, долгое время блокировала попытки изолировать Трансвааль, лишив его выхода к нейтральному порту. Однако, в результате уступок британской дипломатии, к концу столетия между тевтонами и англосаксами в южно-африканских делах установились довольно сердечные отношения.

К 1899 году и Трансвааль и Великая Британия полностью созрели для войны, и дипломатия лишь прикрывала последние приготовления. Буры могли принять требования *уйтлендеров*, но за ними, последовали бы другие, удовлетворить которые было еще труднее. Богатое, но слабое государство всегда возбуждало алчность сильного соседа, и агрессор обычно добивался от жертвы требуемого. Ни один здравомыслящий наблюдатель не сомневался в дальнейшем ходе развития событий и их итоге. Серьезные политики и журналисты в своих прогнозах отводили роль агрессора британскому правительству, считая, что оно будет следовать намеченному курсу не в столь робкой и половинчатой манере, как в предыдущей кампании. Наиболее проницательные наблюдатели, еще до того как прогремел первый выстрел, допускали, что буры смогут вести войну месяцев восемь, от силы год, но в конечном итоге будут вычеркнуты из списков самостоятельных наций мира. Они предвидели, что эта схватка обойдется Британии в громадную сумму и тысячи жизней, но твердо знали – замышлявшие войну политики и спекулянты на этот раз пойдут до конца.

ЛОРЕНЦО МАРКЕС – ПРЕТОРИЯ

Линия Лоренцо Маркес – Претория

Гроза над Южной Африкой разразилась 11 сентября 1899 года. Как только Трансвааль и Оранжевая Республика объявили войну Великой Британии, обе южноафриканские республики оказались практически изолированными от цивилизованного мира. Телеграфные кабели и пароходные линии, соединявшие Южную Африку с Европой и Америкой, принадлежали британским компаниям и естественно использовались британским правительством в собственных целях. Ничто, хоть в какой-то степени полезное бурам не могло быть отправлено по данным линиям, и, в меру сил, Британия пыталась лишить республики любых контактов с внешним миром, что для могущественнейшей империи мира не составляло особого труда. Однако небольшая полоска побережья Индийского океана оставалась собственностью нейтральной Португалии и не могла напрямую использоваться для удущения

буров. Чтобы сделать эту отдушину, как можно уже, "владычица морей" расположила боевые корабли у входа в Делагоа-Бей, установив блокаду порта Лоренцо Маркес.

Лоренцо Маркес в глазах буров был вампиром, присосавшимся к телу Трансвааля, но как выход к морю и гавань для не британских судов, доставлявших людей, оружие и необходимые товары, он был бесценен. В руках буров порт был бы абсолютно бесполезен, поскольку британские боевые корабли запечатали бы его в первый же день войны, но, как португальское владение, он оставался единственным окном во внешний мир. Без него бюргеры не могли бы поддерживать связь с другими странами, ни один их посланец не смог бы покинуть Африку и ни один волонтер не ступил бы на ее землю. Мир получал бы сведения об их борьбе исключительно из британских рук.

Лоренцо Маркес, вид на Делагоа-Бей

Португальские должностные лица в Делагоа-Бей издавна имели репутацию ловких дельцов, извлекавших выгоду из любого чужака, но война предоставила им такие возможности, какие им и не снились. Служить воротами в сражавшиеся республики, в исполнении португальцев, было своего рода актом гуманизма и одновременно выгодным бизнесом. Казалось, со времен Васко да Гамы, порту не представлялось столько возможностей для увеличения доходов колонии. Закон открывал множество лазеек для установки особых правил в каждом новом случае. Португальцы не отказывались быть посредниками меж-

ду бурами и остальным миром, но запрашивали за это изрядную мзду.

Когда шахты Йоханнесбурга закрылись и португальцы обнаружили, что не могут больше получать обязательный сбор в четыре шиллинга с каждого туземца, отправлявшегося на заработки, администрация колонии обеспокоилась значительным уменьшением поступлений в казну. Однако она быстро нашла выход, установив налог в восемь шиллингов с каждого негра, возвращавшегося с шахт домой, на португальскую территорию. Почти одновременно Лоренцо Маркеса достигли трансваальские *уитлендеры*, и чтобы удовлетворить португальские аппетиты, каждый из участников этого исхода расстался с суммой от восьми шиллингов до соверена, в зависимости от настроения чиновника.

Когда порта достиг встречный поток иностранных волонтеров, открылись новые возможности, и португальцы задействовали безотказный принцип: "Сомневаешься – обложи пошлиной". Человек, только что сошедший с парохода и еще в глаза не видевший португальской территории, был обязан предъявить удостоверение, подтверждавшее, что он не гостил в местной тюрьме предыдущие шесть месяцев. Затем требовалось свидетельство от консульства своей страны, что он обладает хорошей репутацией и еще одно от генерал-губернатора, что он не намерен участвовать в боевых действиях в Трансваале. Четвертая бумага требовалась от консула Трансвааля, что тот не возражает против путешествия в республику, после чего оставалось собрать еще пару аналогичных документов, и гость был волен покидать город. Каждая из этих бумаг требовала уплаты определенной суммы и дополнительных трат времени и нервов поскольку ни одно из официальных лиц не желало понимать ни слова на каком-либо языке, кроме португальского. Денежные издержки на получение справок превышали соверен с человека, а поскольку за время войны в Республику прибыло несколько тысяч "путешественников", доходы португальской колонии оставались на высоте. В довершение португальцы ввели такой же сбор для "путешественников" прибывавших из Трансвааля с намерением отплыть в другой порт. Правительство облагало побором любого мужчину, женщину или ребенка, ступившего на португальскую землю. Попастъ в страну было не сложно, однако тюрьма ждала любого, отказывавшегося платить за право ее покинуть.

Владельцы отелей и лавочники всех мастей также извлекали максимальную выгоду от присутствия иностранцев и прилагали экстраординарные усилия по извлечению из карманов гостей монет, не попавших в сундуки правительства. В "Кардоза" – единственном заведении, достойном носить звание отеля, за право спать на голом полу взимался соверен. Извозчики презрительно кривились при виде монеты досто-

инством меньше золотого соверена за доставку одного пассажира к консулу. Лимонад в киоске стоил два шиллинга. Если путешественник оставался в городе несколько дней и успевал подхватить лихорадку, врач требовал за вызов три фунта. На таможене иностранец расставался с десятью шиллингами. При этом, если таможенник пребывал в благодушном настроении, багаж не досматривался.

Центральная улица Лоренцо Маркес

Блокада британского флота стала страховым полисом для мошенников, подавляющее большинство которых были британскими подданными. Суда, успешно "прорвавшие" блокаду, неизменно принадлежали англичанам, без зазрения совести сбывавшим доставляемые припасы агентам трансваальского правительства, снабжая, таким образом, армии бурских республик всем необходимым. Лоренцо Маркес кишел людьми, извлекавшими выгоду из сложившегося положения довольно сомнительными способами, и почти каждое предприятие подобного рода принадлежало британцам, хотя немало германцев, американцев и французов в свою очередь пытались поймать птицу удачи в этой малярийной дыре.

Железная дорога от Лоренцо Маркес до Рессана Гарсия у трансваальской границы до войны не пользовалась особой популярностью среди путешественников. Когда поезд тащился по пыльной, монотонно-однообразной стране, слишком бедной и нездоровой даже для черных, европеец наверняка задавался вопросом, стоило ли швейцарским

судьям целых десять лет заниматься делом касательно банкротства этой линии, или они приняли бы решение в один день, если бы вели его, на месте. Вдоль самой дороги простиралась равнина, покрытая множеством деревьев и изобилующая источниками воды. Огромные участки отличных пастбищ наводили на мысль, что эта территория великолепно подходит фермерам, но, к сожалению, данный район пользовался дурной славой из-за малярии и белые старались его избегать. Наконец миновав несколько пирамидообразных копи, высившихся по обе стороны дороги, поезд вползал в Трансвааль. Преодолев длинный железнодорожный мост, соединявший берега реки, состав останавливался на первой трансваальской станции – Коматипоорт.

Мост перед Коматипоорт

Учтивые бурские таможенники требовали от пассажиров выйти из вагонов со всем багажом для досмотра. В отличие от Лоренцо Маркеса здесь не брали взятку, и ничто не укрывалось от бдительного взора бородатых инспекторов. Чемоданы и багаж тщательно досматривались, письма перечитывались от слова до слова, незадекларированные револьверы и боеприпасы конфисковались. Проверялась даже одежда пассажиров. Паспорта тщательно изучались. Если инспектора все удовлетворяло, на ботинках пассажира мелом ставился крестик, и гость был свободен. *Фельдкорнет* округа, присутствовавший на станции, представлялся определенным пассажирам, которых считал иностранными волонтерами, и предлагал им бесплатный билет до Прето-

рии. Буры даже не пытались скрыть факт, что волонтеры приглашались в страну, и делали все, чтобы те чувствовали, что их прибытие приветствуется и оценено по достоинству.

Станция и таможня в Коматипоорт

Крокодайл-Ривер

После Коматипоорт поезд медленно вползал в горы, где огромные пики вонзались в облака, а гигантские валуны нависали над дорогой. Узкие дефиле тянулись во всех направлениях и грохот водопадов на Крокодайл-Ривер, бегущей вдоль железной дороги часто заглушал

стук вагонных колес. Цветы всевозможных окрасок, огромные кактусы и густая тропическая растительность покрывали берега реки. Время от времени в зарослях мелькала тростниковая крыша негритянской хижины, свидетельствуя, что и здесь обитают люди.

После нескольких часов карабканья к небу по узким скалистым уступам, поезд устремлялся вниз в небольшие долины, напоминавшие гигантские зеленые чаши. В одной из таких долин приютился небольшой городок Махадодорп, лежащий на пересечении с важной линией, ведущей к золотым полям Лиденберга. Несколько домов крытых рифленым железом, опрятная железнодорожная станция и прекрасный пейзаж.

После двадцатичасового путешествия по зараженной малярией стране, поезд достигал западной границы этого пояса и останавливается на ночь в маленькой зеленой чашеобразной долине с красноречивым названием Ватерваль Ондер – "под водопадом". Уставших пассажиров встречали несколько домов и лучший в Южной Африке отель. Хозяин, месье Матис, и его великолепное заведение казались глотком свежего воздуха для задыхавшихся путешественников, выбравшихся из пустыни. После однообразного питания на судне и "своеобразной" пищи в Лоренцо Маркес, жареная оленина, свежее молоко и яйца "от Матиса" очаровывали гостей не меньше чем сладкий дурманящий запах роз, наполнявший долину.

Станция Ватерваль-Ондер

Второй день путешествия начинался подъемом по великолепному ущелью, которым воды Крокодайл-Ривер сбегают с высокогорных плато верхнего вельда к пустынной, пораженной лихорадкой стране, наполняя эту миниатюрную южноафриканскую Швейцарию мириадами радуг. Длинный, петляющий, наклонный туннель, начинавшийся у вершины горы, выходил к волнистым равнинам Трансвааля – удивительно быстрый переход от страны полной самых диких и величественных пейзажей, к территории лишенной даже деревьев и валунов, способных скрасить монотонность ландшафта. По одну сторону этой природной границы лежала громадная территория, изрезанная горами и ущельями, обладая которыми буры, как они надеялись, могли противостоять любой армии вторжения, по другую сторону с трудом можно было разглядеть валун, способный укрыть одиночного стрелка. Здесь от грохота поезда разбегались не антилопы, а стада скота и отары овец, а вместо крытых тростником хижин дикарей виднелись оштукатуренные и окруженные плетнями фермерские дома.

Водопад у Ватервальского туннеля

Небольшие группки кирпичных, крытых рифленным железом домов и лавок, возникали из вельда через определенные долгие промежутки времени. Горящая вдаль трава выдавала присутствие буров-фермеров с их стадами, а вытянувшиеся длинной бечевой воловьей упряжки,

медленно ползущие по равнине, свидетельствовали, что не все мирные занятия заброшены с началом войны.

Первым свидетельством несметных подземных богатств региона были дымящиеся трубы угольных шахт Белфаста. Затем из вельда выплывал Мидделбург – маленький городок с крышами, раскрашенными в государственные цвета, контрастно выделявшиеся на фоне окружавшей их зелени. Здесь иностранец, возможно впервые, видел буров с банодольерами и винтовками, ехавших в свои *коммандо* на фронт. Их провожали поправлявшиеся от ран друзья и женщины с печальными лицами. Седые буры степенно прощались с женами и детьми, молодые утешали залитых слезами возлюбленных.

После Мидделбурга железная дорога бежала по земле, за которую противники уже сражались раньше. Слева от дороги, в маленькой лесистой лощине, лежал Бронкхорст-Спруйт, где в 1880 году пало полторы сотни британцев. Затем за окнами вагона проплывал едва достойный взгляда поселок – Эрсте Фабрикен, и, наконец, появлялись холмы Претории, где во время Первой войны располагались лагеря буров, стороживших запертый в городе британский гарнизон.

Бронкхорст-Спруйт

Военная Претория поражала иностранцев тишиной и спокойствием. Столица Трансвааля и до начала боевых действий была степенным и малолюдным городом, особенно на фоне Йоханнесбурга с его беспокойными обитателями. А когда на границах заговорили пушки и большинство бюргеров отправились на войну, улицы города совсем опустели. Лишь женщины и дети собирались у расклеенных бюллетеней, читая новости с фронтов. На верандах домов больше не сидели с

кофе и трубкой их бородатые хозяева, а в холлах государственных зданий звучали редкие шаги тех, кто был недостаточно крепок, чтобы носить оружие. Волосья упряжки, еще недавно столь привычные на улицах города, теперь появлялись редко, и если одна из них катилась к Рыночной Площади, то, зачастую, бичом шелкала женщина. Исчезли облаченные в черное члены *Фолксраада*, клерки и удалившиеся от дел фермеры, обсуждавшие дела на веранде Дома Правительства или "Трансвааль Отеля". На вопросы, касательно их пребывания, обращенные к женщинам и детям, следовал неизменный ответ "в *коммандо*" или "убит".

Довоенная Претория

Оживление в столице наблюдалось редко – большей частью в связи с прибытием иностранных волонтеров или бюргерских отрядов, следовавших через город на фронт. "Гранд Отель" и "Трансвааль Отель" (последний правительство предоставило для временного проживания волонтеров) кишели иностранцами. Солдаты удачи, делегации Красного Креста, корреспонденты европейских и американских газет и подрядчики всех мастей. В коридорах заведений звучал любой язык кроме *африкаанс*. Время от времени в отелях мелькали бороды буров, покинувших фронт, чтобы отдохнуть от армейского быта или сопровождавших тело погибшего товарища. Через улицу, в Военном Департаменте, куда волонтеры обращались за оружием, то и дело разгорались бурные сцены. Изогранный европейский вкус оскорблялся скромным ассортиментом предлагаемого снаряжения. Волонтеры, требовали клинки, бинокли и всевозможные изыски для себя и лоша-

дей, воспринимая скудное, но рациональное и надежное снаряжение бюргера, как личное оскорбление. Но кричать и дуться было бесполезно и, в конце концов, иностранцы, ворча, брали то, что им предлагалось.

Бывшие офицеры европейских армий, титулованные лица и охотники-профессионалы, прибывшие в Преторию, похоже, считали, что буры просто обязаны принять их в свои ряды в качестве командиров. Наиболее здравомыслящие, с определенной долей самоиронии, быстро избавлялись от этой иллюзии и отправлялись в поле, как рядовые бюргеры. Более амбициозные дулись несколько недель, но, в конечном итоге, также присоединялись к *коммандо*. Лишь немногие из европейцев вернулись домой, не услышав грохота орудий. Для тех, кто решал остаться в стороне и наслаждаться мирной жизнью, в Претории имелось достаточно новостей и слухов, частично компенсировавших непосредственные впечатления с поля боя.

Присутствие армейских подрядчиков ощущается в любой стране вовлеченной в войну. Претория, не являлась исключением, просто кишела ними. Коммерсанты заполняли вагоны поездов сновавших в Лоренцо Маркес и обратно, толпились в коридорах отелей, рвались в правительственные учреждения, и мельтешили по всему городу. Часть высокопоставленных буров, в мирное время заслуживших репутацию страстных обличителей Британии, и не скупившихся на призывы к оружию, сумели уклониться от отправки на поля сражений и превратились в энергичных поставщиков провизии и боеприпасов для правительства. Подобно всем бизнесменам, жирующим на человеческой крови, эти дельцы желали, чтобы война длилась бесконечно. Европейцы и американцы, в мирное время имевшие "выходы" на правительство, также превратились в цепких и пронырливых подрядчиков. Перед искушением не устояли даже некоторые англичане, снабжая армию противника своей страны и, вдохновляя павших духом буров продолжать сопротивление. Кабинеты Здания Правительства осаждали люди, предлагавшие лошадей, вагоны, муку, фураж и одежду по заоблачным ценам, и в большинстве случаев, находившееся в затруднительном положении правительство платило запрашиваемые суммы. Рука об руку с подрядчиками действовали спекулянты, пытавшиеся получить выгодные концессии, участки под разработку и даже золотые шахты. Перед войной, когда орды спекулянтов и дельцов, желавших получить концессии, наводняли город, им было не так просто добратся до трансваальских денег, но, после того, как наиболее достойные и раскусительные члены *Раада* отправились на фронт, лишившись возможности защищать финансовые интересы своей страны, деловая жизнь столицы окрасилась в черный цвет.

Со стороны казалось, что Преторию постоянно окутывала некая печальная атмосфера, не важно, радовались ли его обитатели победе на Спийон-Копе или переживали катастрофу у Паардеберга. Одна и та же скорбная толпа стариков, женщин и детей смотрела на процессию военнопленных и посещала похороны в церкви. Самая блистательная победа бургеров не изменяла ни внешнего вида города, ни настроения его обитателей. Не было митингов и ликующих криков, когда объявлялось о победе, но, с таким же стоическим спокойствием, принимались самые горькие вести о поражениях. Победы отмечали пением псалмов, поражения – молитвами о даровании победы.

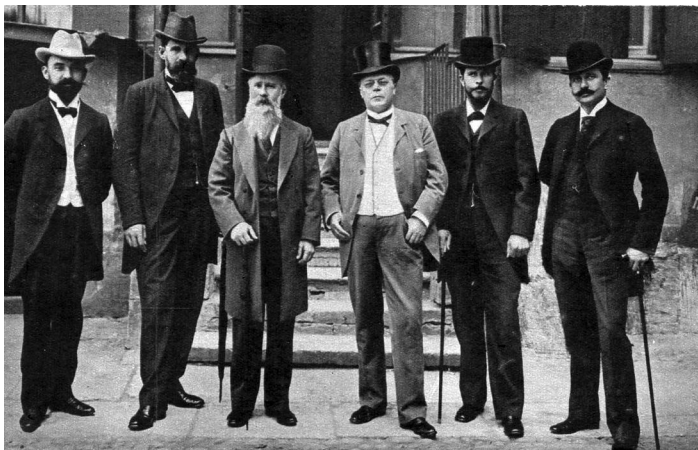

*Прибытие в Преторию поезда с первыми
британскими военнопленными (октябрь 1899 года)*

Тысячи британских подданных, все еще остававшихся в Трансваале, оказались менее флегматичными. Узнав о первой победе британской армии, они даже не пытались изображать лояльность. Новости о капитуляции Кронье британцы встретили с таким воодушевлением, будто находились в Лондоне, а не на территории враждебного государства. В Йоханнесбурге в честь этого события состоялся феерический костюмированный бал, а в Претории, за несколько шагов от здания Правительства, дали обед с шампанским. Правда, несколько дней спустя всех участников данных мероприятий выслали из страны.

Трогательной чертой буров, особенно заметной в первые месяцы войны, была их искренняя вера в иностранное заступничество или

интервенцию. В то время, как большинство иностранцев считало фантастичным само предположение, что какая-либо европейская держава рискнет угрозой войны с Великой Британией ради буров, едва ли нашелся бы бюргер, не цеплявшийся за надежду закончить войну именно таким образом. В их головах твердо засела уверенность, что Россия извлечет выгоду из увязания Британии в Южной Африке, вторгшись в Герат и Северную Индию. Когда трансваальские газеты начали предаваться подобным прогнозам, трезвые головы посчитали это началом конца. В течение нескольких недель буров вдохновляли сведения, что американские ирландцы вот-вот вторгнутся в Канаду, спутав Великобританию все карты. Когда этот бред оказался газетной уткой их надежды переключились на восстание в Ашанти (современная Гана). Отправляя три делегации в Европу и Америку, буры твердо верили, что смогут побудить Францию, Россию или Америку вмешаться.

Делегация буров в России (Санкт-Петербург, август 1900 года)

Две бурские газеты, преторианская *"Volksstem"* и йоханнесбургская *"Standard and Diggers' News"* впадали в экстаз при каждом благосклонном отзыве иностранной прессы и пустых обещаниях второразрядных европейских политиков. Лишь по-прошествии шести месяцев войны буры убедились в тщетности своих надежд на иностранную помощь, осознав, что судьба республик зависит только от них самих.

Жизнь консульских служб в Претории не отличались простотой и в мирное время, но с началом военных действий она усложнились десятикратно. Французский и германский консулы были заняты заботами об обширных горных интересах своих соотечественников, и попечением о сотнях французских и немецких волонтеров, пополнивших

ряды бурской армии. Им приходилось уделять внимание, как процветающим бизнесменам, так и банкротам, обдирать раненых и хоронить мертвых, искать родственников и заботиться о вдовах и сиротах. Но труднее всего пришлось американскому консулу, на долю которого выпало больше работы, чем на всех остальных вместе взятых. Кроме заботы об американских интересах, консул опекал шесть тысяч британских военнопленных, находившихся в городе. Каждое из тысяч входящих и исходящих писем пленников изучалось на предмет нарушения нейтралитета. Американцы распределили среди военнопленных почти двадцать тысяч фунтов денежных средств и тоны посылок. Поток писем и телеграмм, касавшихся здоровья и местопребывания пленных британских солдат, поступали в консульство мешками, в сотни раз превышая объем корреспонденции, проходившей через консульство в мирное время.

Одним из самых знаменательных событий произошедших в Претории непосредственно перед занятием города британцами, стало собрание *Фолксраада* 7-го мая 1900 года. В нем участвовали ветераны, пережившие семь месяцев войны. Места многих членов собрания украшали пальмовые ветви, отмечавшие смерть их владельца. Генералы, *комманданты* и бюргеры, сменив затасканные на поле боя костюмы на черное одеяние законодателей, заполнили кресла. Бюргеры с бандольерами, консулы и военные атташе в театральной униформе, бизнесмены и женщины с заплаканными от горя глазами заполнили места для зрителей. Свои места заняли главы департаментов и Исполнительного Совета, Государственный Секретарь Рейтц и генерал Схалк Бургер. Председатель *Раада* генерал Лукас Мейер объявил о прибытии Президента. *Рааду* требовалось обсудить много неотложных дел, но самой главной его заботой была дальнейшая судьба страны. О прекращении сопротивления и капитуляции не говорилось ни слова. Президент выступал за продолжение боевых действий, до тех пор, пока не будут достигнуты выгодные для буров условия. "Должны ли мы терять мужество?" – обратился он к собравшимся, – "Никогда! Никогда! Никогда!". "Могут ли люди, вдохновляемые и направляемые Высшей Силой, не осознать, что их обязанность, не только перед теми, кто уже пожертвовал своей жизнью ради Отчизны, но и перед потомством, жаждущим свободы для своей страны, продолжать и довести эту войну до победного конца". На следующий день члены *Фолксраада* сняли черные одежды законодателей и вернулись в свои *коммандо*, ободрая уставших и вселяя веру в отчаявшихся.

На короткое время Претория вновь обрела вид мирного города, но быстрое приближение противника вскоре повергло столицу в отчаяние и панику.

Раздача продовольствия со складов, перед сдачей города

Разрыв шрапнели над Преторией

Небольшие отряды с изможденными, уставшими лицами спешили через город на поле боя, надеясь хоть немного задержать противника. Женщины с детьми на руках заполнили своды церквей стенаниями и молитвами. Дезертиры, спешившие на свои фермы, раздували размеры недавних поражений, сея панику в, и без того возбужденной, толпе.

Слезы и страх господствовали повсеместно. Железнодорожную станцию захлестнули толпы людей надеявшихся спастись от грядущей катастрофы.

Наконец настал день, когда, перепачканные грязью и кровью отступавшие *коммандос* прошли через город, и вскоре раскатистый грохот британских орудий прокатился по холмам и лощинам, окружавшим затаившуюся столицу.

С ФЕРМЫ НА ФРОНТ

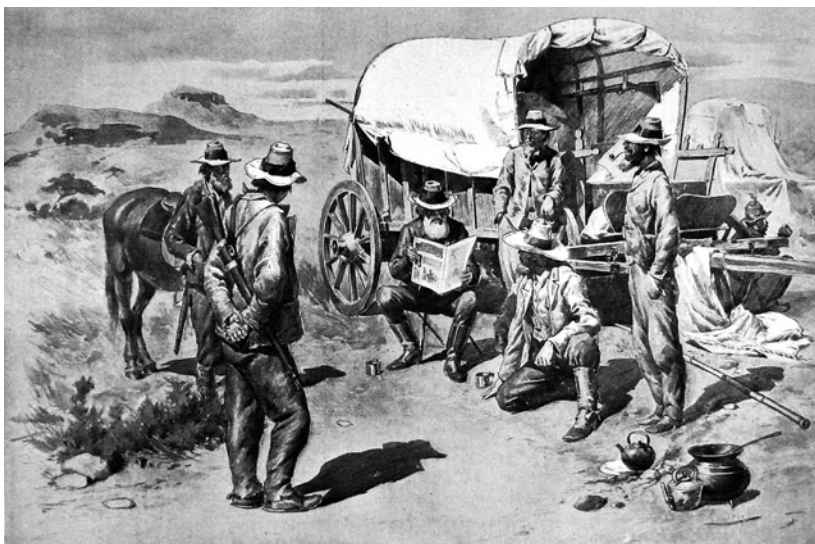

Генерал Схалк Бургер

Каждый бур знал, что война неминуема, задолго до 11 октября 1899 года, и готовился к ней. Теоретически, система мобилизации была настолько проста, что через час после того, как официальное обращение *генерал-комманданта* достигало округа, бюргер мог выступать к границе. "Маузер", выданный правительством, тщательно проверялся и смазывался, бандольер заполнялся патронами, в карман клалась Библия. Пока отец семейства готовил оружие, его фрау, собрав в полотняный мешок хлеб, билтонг и кофе, имела время пришить на шляпу супруга небольшой республиканский "*фирклер*", или, помня обычаи старых войн с дикарями, мохнатый коричневый хвостик суриката. Когда эти несложные приготовления завершались, слуга-кафр приво-

дил лошадь хозяина и крепил к передней луке небольшую скатку – одеяло и плащ. К задней луке приторачивался маленький закопченный котелок для кофе. Вот и все сборы. Бур из вельда не любил униформу. Отправлялся на охоту или войну, он желал чувствовать себя привычно и комфортно, поэтому отправляясь в *коммандо*, он надевал те же вельветовые или "молескиновые" брюки, темный пиджак, широкополую шляпу и самодельные туфли, какие носил каждый день.

Всадник, принесший приказ о призыве, едва достигал соседней фермы, как бур, одетый, снаряженный и вооруженный уже сидел в седле своего надежного неприхотливого пони.

Скоро война? (рисунок из "Graphic")

Покинув дом, бюргер не нуждался в чьей-либо заботе о нем и его лошади. Он давно знал, где должен встретиться с другими бюргерами своего района (*варда*), и направлялся именно туда. В месте сбора бур заставлял своих друзей и соседей, собравшихся группами и обсуждавших сложившееся положение.

Некоторые из них прибывали с большими, крытыми белыми тентами вагонами, запряженными волами, предназначенными для транспортировки боеприпасов, интендантских запасов и багажа. Как только *фельдкорнет* видел, что его люди в сборе, вагоны высылались вперед и отряд отправлялся к оговоренному месту собора *коммандо* округа. Там *коммандос* поступали под начало *комманданта*, избранного на предыдущих выборах.

Коммандо

Это официальное лицо получало приказы непосредственно от *генерал-комманданта*. До введенья бюргеров приказы доводились через *фельдкорнетов*, на что почти не требовалось времени. После того как прибывали все *варт-коммандо*, *коммандо* округа отправлялось на участок фронта, где требовалась его служба. Двигаясь по грязному, раскисшему от непрерывных дождей вельду, оно представляло собой довольно занятное зрелище. В авангарде тащились огромные, доверху груженные вагоны, сопровождаемые ордой галдящих черных слуг, то и дело подгонявших сыромятными бичами откормленных длиннорогих волов. За вагонами следовали всадники. На марше *коммандо* не придерживалось полагавшейся военным формированиям дисциплины, и если бы не винтовки и бандольеры, его можно было бы принять за партию бюргеров, едущих в Преторию праздновать *Нахтмаал*. Молодежь то и дело вырывалась из толпы, устраивая импровизированные скачки и получая по возвращении нагоняй за утомленных лошадей. Время от времени острый глаз бура замечал в отдалении антилопу, и тогда несколько охотников отъезжали в сторону, чтобы немного разнообразить меню.

Если *коммандо* формировалось в округе, расположенном далеко от границы, оно направлялось к ближайшей станции, откуда поездами перебрасывалось на фронт. Погрузка *коммандо* проходила быстро и слажено. Каждый боец заводил свою лошадь в скотный вагон. Седло, сбруя и заплечный мешок отправлялись в пассажирский. Затем на грузовые платформы загоняли громоздкие фургоны. Не было отдельных представителей, занимавшихся погрузкой лошадей или фургонов. Не было начальников и служб выделенных для исполнения массы все-

возможнейших обязанностей, отвлекающих на себя сотни человек в любой другой армии.

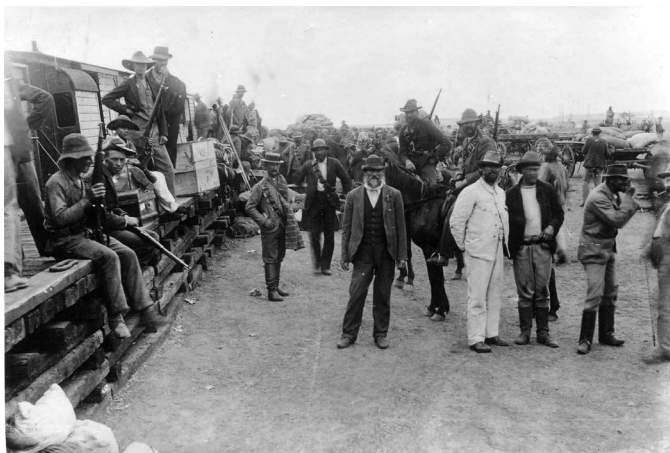

Проводы командос на вокзале Йоханнесбурга

Бюргеры, в большинстве своем непривычные к путешествиям по железной дороге, наслаждались новыми впечатлениями и умудрялись веселиться, не смотря на то, что в одном купе ютились по шесть человек вместе с седлами и багажом. Изрядную долю времени занимало пение псалмов. Когда они уставали петь, то подшучивали друг над другом, или, высунувшись в окно, дразнили охрану железнодорожных мостов и кульверт. На станциях бюргер хватал кофейник и мчался к локомотиву запастись горячей водой для кофе. Редко случалось, чтобы бур, отправляясь на фронт, прихватил с собой спиртное. Несмотря на всевозможные задержки и неприятности, обычные в подобных путешествиях и всегда служивших достойным поводом для солдата любой армии приложиться к бутылке, пьянства и громких ссор практически не было. Иностранным волонтерам казалось, что каждый бюргер старался жить по Божьим Заповедям, которые усердно перечитывал по много раз на дню. Задерживался ли поезд на сайдинге или резко останавливался, так что все слетали с полок, в купе звучали лишь остроты и шутки. Неудобства, которые солдат привык сопровождать тоннами брани, у этих псалмопевцев проходили без замечаний или комментариев, а проблемы, вроде плохого снабжения на маршруте, вызывали лишь легкое ворчание.

Очень немногие из них хвастали доблестью, проявленной на поле

боя или снайперскими способностями. Редко кто доказывал превосходство буров, над противником или говорил о трех месяцах, достаточных для разгрома британской армии. Джеймсона вспоминали довольно часто, но большей частью в таком контексте, что человек незнакомый с событиями предвоенных лет, посчитал бы его одним из выдающихся патриотов Трансвааля. Его не проклинали, а скорее благодарили, за своевременное предупреждение о грозившей опасности. Некоторые доходили до того, что предлагали после войны воздвигнуть Джеймсону монумент, поскольку он раскрыл бюргерам глаза на замыслы Британии, дав время должным образом вооружиться. Редкий бур хвастался количеством врагов, павших от его пуль. Чаще, о солдатах Королевы, погибших за дело, о сути которого не имели не малейшего представления, хозяин "маузера" говорил с нотками горечи. По прибытии поезда в пункт назначения, буры вновь занимались лошадьми и транспортными средствами, при этом выгрузка производилась даже быстрее погрузки.

*Выгрузка припасов на импровизированной платформе
(Моддер-Спруйт, окрестности Ледисмита)*

Бур всегда тщательно заботился о своей лошади. После выгрузки *коммандос* выжидали несколько часов, чтобы животные могли поесть и восстановить силы после утомительного путешествия. Убедившись, что лошади отдохнули, *коммандант* подавал команду "в седло", и вновь формировалась процессия с караваном воловьих упряжек. Теперь *коммандо* двигалось в походном порядке присущем любой регулярной армии. Высылались головные и боковые дозоры, а офицеры становились во главе своих людей.

БЮРГЕР– ВОИН

*Три поколения на войне
П.Леммер (65), Д.Бота (15), С.Преториус (43)*

По мнению большинства военных наблюдателей, называть вооруженные силы буров армией, значило давать этому слову слишком широкое толкование. Вооруженные силы Трансвааля и Оранжевой Республики роднило с классическими, в европейском понимании, армиями лишь одно – буры сражались, используя порох, винтовки и пушки.

Они не признавали ни дисциплины, ни муштры, ни формы, ни знамен части. Более всего их *коммандо* походили на гигантские копии охотничьих партий, полстолетия тому рыскавших у Зоутпансберга в поисках дичи.

Когда иностранный корреспондент, посетивший один из лагерей в Натале, обратился к бюргеру "солдат", бур из Ваккерстроомского округа перебил его, заметив, что буры не солдаты. "Если вы хотите, чтобы мы понимали к кому вы обращаетесь, – продолжил он, – называйте нас бюргерами или фермерами. Солдаты только у англичан". Буры использовали термин "солдат" по отношению к врагу, считая подобное обращение для себя оскорбительным, так как оно, по их мнению, подразумевало, что человек сражается за плату. В мирное время гражданин бурских республик именовался бюргером, и, отправившись на войну, желал им оставаться. "Мои бюргеры", – обыкновенно обращался к ним Пауль Крюгер до войны. И на фронте они с удовлетворением слушали, как он говорил: "Мои бюргеры хорошо делают свою работу". Буры гордились своей "гражданскостью", и когда стране угрожала опасность, они защищали ее как граждане, а не как наемные солдаты.

В бурских республиках существовали законы, обязывавшие всех бюргеров в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, в случае необходимости, вступить в *коммандо* и отправляться на войну. Однако не существовало закона, запрещавшего буру, моложе или старше указанного возраста, брать в руки оружие. Вследствие подобных обстоятельств, в *коммандо* находилось почти все мужское население в возрасте от тринадцати до восьмидесяти лет. В благоприятном южно-африканском климате молодежь буров быстро взрослела, и мальчик двенадцати-тринадцати лет по своему физическому развитию соответствовал шестнадцатилетнему юноше-европейцу. Он привык жить в открытом вельде, охотясь со старшими, и когда видел, как его компаньоны собираются на войну, обычно упрашивал их позволить присоединиться к *коммандо*. Мальчик-бур не носил бриджи, как его сверстники в других странах.

В натальских лагерях жило множество мальчишек не старше двенадцати лет, а в *коммандо* воевали сотни подростков, не достигших возраста, предписываемого законом. Во время осады Ледисмита, в лагере Стандертонского *коммандо*, выделялся мальчик одиннадцати лет – с виду совершенный ребенок. Он неотлучно следовал за отцом, куда бы тот не шел: то ли в бой, то ли за водой. "Если отца ранят или убьют, я возьму его ружье", – оправдывал он свое пребывание на фронте.

Когда генерал Де Вет у Саннас-Пост захватил семь британских орудий, двум из вызвавшихся их обслуживать добровольцев, было

пятнадцать и четырнадцать лет. Питеру Ханнингу (Потчефстроомское *коммандо*), раненному в бою у Схолтц-Нек не исполнилось и пятнадцати, но его достойное поведение в бою отмечалось всеми бюргерами, принимавшими участие в столкновении. Тойнис Малдер (Преторийское *коммандо*) отпраздновал свое шестнадцатилетие за два дня до того, как был дважды ранен, а Виллему Жуберу, родственнику *генерал-комманданта*, было всего пятнадцать, когда его ранило под Ледисмитом. В бою у Кодосранда пятнадцатилетний Питер де Ягер (Бет-лехемское *коммандо*) получил серьезное ранение, вынося с поля боя раненого отца. В армии Кронье, сдавшейся под Паардебергом было не менее сотни бюргеров, не достигших шестнадцати лет, а в числе тех, кто сумел улизнуть из окруженного лагеря по реке, были двое мальчишек из Блумфонтейна по фамилии Рокс в возрасте двенадцати и четырнадцать лет.

Юный бур

В бою у Магерсфонтейна пятнадцатилетний бур подполз на двадцать метров к трем британским солдатам и приказал им поднять руки. Думая, что поблизости находятся и другие бюргеры, солдаты побросали ружья и сдались мальчику, который отвел их к палатке генерала Де ла Рая. Когда тот спросил парня об обстоятельствах дела,

мальчик невозмутимо ответил: "О, я их окружил". Этот юноша был членом *коммандо* известного как Пенкоп Коммандо – подразделения, состоявшего из школьников. С этим отрядом связана история времен войны 1881 года. Тогда, вместе с отцами, в боях участвовало много юношей младше пятнадцати лет. После боя на Манджубе, когда шли переговоры о мире, сэр Эвелин Вуд, командовавший британскими войсками, попросил генерала Жубера показать ему знаменитое Пенкоп Коммандо. Жубер приказал, отряду выстроиться перед палаткой, и когда приказ был исполнен, представил его генералу Вуду. Вначале сэр Эдвин не верил, считая, что генерал Жубер шутит, но когда ему объяснили, что это действительно славный Пенкопский отряд, он сокрушенно покачал головой и посоветовал детям вернуться за парты.

Молодой бур в дозоре у Нейл-Спруйта

Считается, что человек, достигший шестидесяти лет, изжил себя как солдат. Но у буров не единицы, а сотни стариков, полагали своим долгом защищать страну. Седовласые старцы, которые в других странах занимались бы себя чтением газет с описанием подвигов их внуков, отправлялись в разведку и прочесывали холмы с таким же рвением, что и бюргеры вполонину моложе их. Людей, способных похвастаться внуками, среди *коммандос* было не счесть. Почти в каждом лагере можно было увидеть отца семейства, его сыновей и внуков, сражавшихся с одинаковой энергией и энтузиазмом. Во время войны Паулю Крюгеру исполнилось семьдесят пять, но несколько его бюрге-

ров, отправившихся на фронт, были еще старше. Прадед, стоявший в общем строю, кажется мифом, но в Натале было несколько таких бойцов. Старый Ян ван дер Вестхайзен, в свои восемьдесят два сохранял активность и энтузиазм, и чрезвычайно гордился четырьмя правнуками. Пит Крюгер, родственник президента, старше его на четыре года, был активным участником каждого боя, который провело Рустенбургское *коммандо*, ни разу не уклонившись от исполнения долга на том основании, что уже воевал в 1881 году и сражался с людьми доктора Джеймсона. Четверо сыновей Крюгера делили с ним кров и еду, а десять внуков воевали в других *коммандо*. Яну ванн Тандеру из Бошофа, серьезно раненому в бою у Схолц-Нек, было шестьдесят восемь. Генералу Жуберу исполнилось почти семьдесят, но что касается физической активности, то в его *коммандо* насчитывалось не менее двух десятков бюргеров, проявивших в одном бою больше азарта и энергии, чем Жубер за всю Натальскую кампанию.

Буры старше шестидесяти лет добровольно охраняли сотни мостов и кульверт на железных дорогах Трансвааля, Оранжевой Республики и Верхнего Наталя, чтобы молодые отправлялись туда, где приносили больше пользы. Старые или увечные бюргеры занимались снабжением армии, сопровождая продовольственные вагоны или заготавливая фураж для лошадей.

Коммандос старшего поколения

Среди буров встречались бюргеры, ранее сражавшиеся под британским флагом. Пожалуй, самым курьезным примером выглядел Игнаций Феррейра, сражавшийся с зулусами под командованием лорда Вулсли, являвшийся кавалером Ордена Бани, пожалованного ему Королевой. В 1899 году Феррейра со своим *коммандо* осаждал Мафекинг. Пауль Дитц, секретарь генерала Мейера, также воевал под британским флагом в нескольких туземных войнах.

Но молодость и старость, плечом к плечу сражавшиеся с врагом — не единственные крайности, проявившиеся на этой войне. К границам отправилось почти все мужское население республик, и ни богатство, ни социальное положение не являлось оправданием для уклонения от службы. Высококвалифицированные специалисты из Претории и Йоханнесбурга жили в лагере, соседствовавшем с лагерем фермеров из самого дальнего вельда.

В часы отдыха

Юристы и врачи, фотографы и бакалейщики, спекулянты и церковные сторожа, судьи и бармены запирали свои лавки и офисы и отправлялись на фронт. Даже священники оставляли церкви, чтобы читать молитвы и проповеди в лагерях бюргеров. Члены *Фолксраада*, составившие ультиматум, послуживший поводом к войне, не только в числе первых оказались на фронте, но и наравне со всеми шли в атаку.

Студенты европейских университетов, вернувшиеся домой при первых признаках надвигающейся грозы, сидели в одной траншее с самыми дремучими провинциалами. У буров не существовало классовых различий, не позволявших фермеру заговорить с миллионером, и дипломированный выпускник Кембриджа в течение нескольких месяцев соединял у одного костра с фермером, считавшим, что Земля плоская, а Соединенные Штаты – часть Австралии.

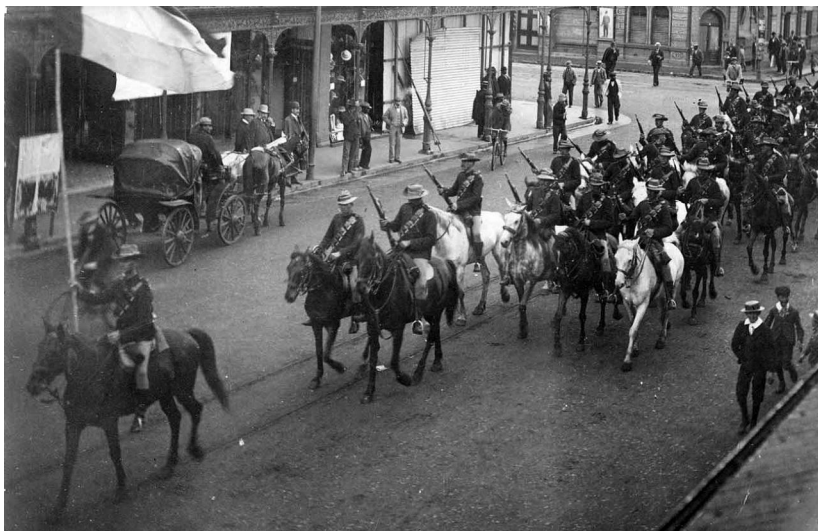
Бур, родившийся в городе или городке, называл своего "сельского" кузена *takhaar*, эпитет, означавший человека с всклокоченной бородой и длинными, нечесаными волосами. Но тот не обижался на подобное обращение. *Такхаары* воплощали дух буров времен Великого Трека, преодолевших тысячи преград и создавших Республики. Будучи глубоко религиозным, прямодушным человеком, *такхаар* настороженно относился к чужаку. Но если тот удостоивался его доверия, *такхаар* мог отправиться в вельд пешком, лишь бы гость ехал на лошади. Если он не мог общаться с гостем на его языке, то, вместо беседы, предлагал кофе, баранину, хлеб и все самое лучшее, что имелось в его запасах. Если он предлагал обменяться табаком, то человек мог считать, что заполучил друга на всю жизнь. *Такхаар* отправился к границам за несколько недель до объявления ультиматума, чтобы патрулировать вельд. *Такхаар* остановил Джеймсона, взобрался на Манджубу и сражался с туземцами. *Такхааром* был бур до того, как золото перетрясло страну, и он гордился своим стилем жизни. Боевые качества *такхаара* лучше всего иллюстрирует разговор, состоявшийся в самом начале войны, после боя у Данди, где буры взяли в плен отряд британских кавалеристов. Один из гусарских офицеров поинтересовался наименованием полка, с которым он сражался. Отвечавший ему бур пошутил, что у них нет полков, а люди разделены на три бригады – *Африканеры*, Буры и *Такхаары*. "Сейчас с вами сражалась *Африканерская* бригада, – объяснял бур, – когда их убьют в поле выйдут Буры. Они сражаются в два раза лучше *Африканеров*. А когда убьют всех Буров, тогда в дело вступят *Такхаары*, а тех вообще, хлебом не корми, дай повоевать". Офицер, немного помолчав, вздохнул: "Ну, если это правда, нам предстоит поработать больше, чем я думал".

Мужчина с бородой и длинными ниспадающими усами с началом войны стал идеалом бюргера, и почти каждый бур вовлекся в процесс отращивания бороды. Молодые люди, в мирное время питавшие отвращение ко всяким лохматостям на лице, принялись интенсивно взращивать роскошные усы и бороды. Через несколько месяцев боев среди *коммандос*, почти не встречалось бритых бюргеров. Борода стала своего рода свидетельством гражданства бурских республик, и через какое-то время любой бур если не по сути, то по виду был выли-

тый *такхаар*. К тому же борода отчасти облегчала идентификацию "свой-чужой" на больших дистанциях.

Несмотря на способность держать оружие в руках, едва ли двадцать процентов бюргеров составлявших *коммандо*, признали бы годными к службе в любой кадровой армии того времени. Обычные медицинские требования не позволили бы стать солдатами тысячам *коммандос*. В *коммандо* встречались люди с одной рукой или одной ногой. У кого-то был один глаз, другой почти ничего не видел, третий был счастлив, сумев расслышать звук выстрела собственной винтовки. Множество бюргеров носили очки или обладали другими физическими недостатками. Но, высокий процент бюргеров, негодных к воинской службе, вовсе не означал общего слабого здоровья буров. В своей массе они были не слабее других фермеров обитавших в любом уголке земного шара. Если вычесть чрезмерно молодых и старых, больных и увечных, то численность вооруженных сил буров сократилась бы не менее чем в половину.

В головах европейцев с трудом укладывалась концепция армии детей, прадедушек, подслеповатых и инвалидов в которой растворялась горстка бойцов, годных к воинской службе, игравших роль закваски. Эта невероятная смесь производила на иностранных офицеров, прибывших добровольцами в Трансвааль настолько тяжелое впечатление, что некоторые из них, потрясенные, поспешили вернуться на родину.

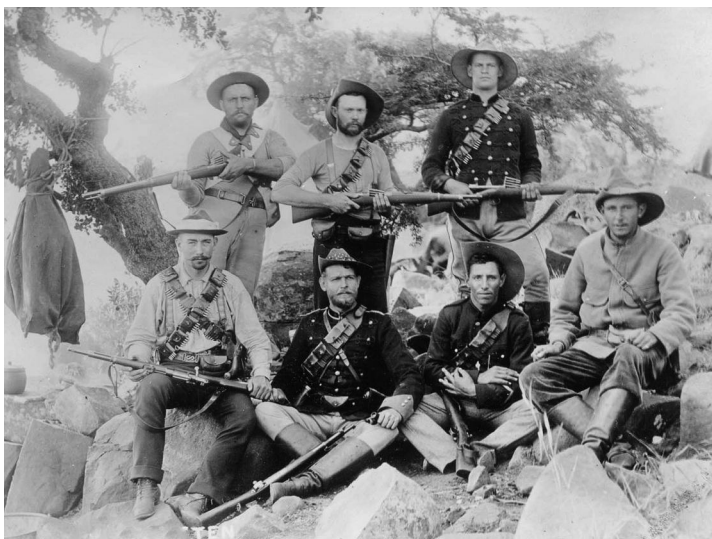
*Коммандо Ван Дама, носившее униформу.
(Йоханнесбург, октябрь 1899 года)*

Одежда, в которой бюргер воевал, была столь же неуместной с классической точки зрения, как и физические данные большинства из них, хотя, вряд ли дорогая униформа имела большую практическую ценность. Не существовало каких-либо правил или законов, принуждавших бюргеров носить определенный тип одежды. Люди Преторийского и Йоханнесбургского *коммандо* получили уникальную возможность отправиться на войну в униформе. Прибыв к границе, эти *коммандос* щеголяли в "*хаки*" почти такого же фасона, что и солдаты противника. Данные *коммандо* состояли преимущественно из горожан, усвоивших или сохранивших много иностранных обычаев и привычек. Возможно, они чувствовали себя воинственнее, нося специальную полевую форму, но буры старшего поколения и *такхаары* смотрели на молодежь Претории и Йоханнесбурга упакованную в *хаки* довольно косо, неодобрительно покачивая головами, придерживаясь мнения, что подобные нововведения слишком отдают антиреспубликанским духом.

Отдельного упоминания заслуживает униформа артиллеристов – представителей фактически единственных кадровых подразделений, как армии Трансвааля, так и Оранжевой Республики. Правда, в поле, большинство бойцов *Staatsartillerie* из униформы предпочитали носить лишь кителя и шляпы

Трансваальские артиллеристы под Ледисмитом

Артиллеристы. Трое в парадных мундирах (начало 1900 года)

Большинство буров прибывало на поле боя прямо с ферм. В лагерях они носили ту же одежду, в которой стригли овец или пасли скот. Отправляясь на фронт, бывалые *коммандос* позаботились об относительном комфорте.

Приготовление пищи

Некоторые бюргеры, покинув дом, кроме ружья и бандольера брали лишь дождевик, одеяло и мешок с едой, однако большинство, не желая расставаться с привычным бытом, везли с собой багаж посolidнее. Некоторые прибывали в *коммандо* на больших вагонах, груженых кухонной утварью, сундуками, ящиками с едой, матрацами и печками. Особую заботу о комфорте проявили рустенбургские фермеры. Эти *такхаары* прихватили даже семьи.

Обычно бюргер имел две-три лошади, чтобы всегда располагать свежим животным. Как правило, одной лошадью бур пользовался сам, другая везла утварь и запасную одежду, а третья-четвертая предназначалась для туземных слуг.

*Бюргеры Оранжевой Республики
(на переднем плане муравейник, используемый в качестве печи)*

Без лошади бур, как воин стоил на порядок меньше. Своей репутацией вездесущего и неуловимого противника бюргеры во многом обязаны именно чудесным пони. Небольшие и выносливые животные могли неспешно рысать несколько дней подряд, при дневном переходе в сотню километров. При необходимости, всадник догонял южноафриканский поезд (понятно, что местные поезда не мчались со скоростью света). Южноафриканские пони хорошо переносили любую погоду, были маловосприимчивы к болезням (за исключением одного сезона в году), могли работать два, а то и три дня, довольствуясь пучком травы. Они прекрасно себя чувствовали на подножном корме, а

когда зима иссушала вельд, то несколько вязанок сена помогали им сохранять неплохую форму. Маленькие лошадки взбирались на крутые скалистые холмы с проворством диких коз, не теряя тропу в самую глухую темень. Животные без отвращения пили грязную воду из луж и не тяготились отсутствием скребницы и щетки. Большинство из них подчинялись малейшему движению повода, и мгновенно останавливались на легкий свист. Когда бюргер бросал пони и отправлялся в бой, животное оставалось там, где его покинули. Если случайный снаряд или пуля обрывала его жизнь, хозяин немедленно ретировался с поля боя.

"Басутский" пони

На ранней стадии Натальской кампании лагеря были полны вагонов. При отсутствии добротных палаток, абсолютно необходимых в период сильных дождей, вагоны сослужили бюргерам добрую службу. Задняя часть вагона прикрывалась дугообразным тентом, под которым и жил бюргер. Многие буры располагали небольшими, легкими четырехколесными повозками (на местном жаргоне *"стидер"*), или двухколесными "капскими" экипажами. Последние, в случае оснащения тентом, предоставляли неплохое укрытие ночью, и служили маневренным транспортным средством, при передислокации команды. Если ожидался быстрый марш, все тяжелые вагоны оставлялись на попечение туземных слуг, которых имел каждый бюргер. Частью представлений бюргера о персональном комфорте был зонт, защищавший от солнечных лучей, а холодным утром бур не считал ниже собственного достоинства набросить на плечи женскую шаль.

"Капский" карт

*Лагерь бюргеров
(на заднем плане справа четырехколесный "спидер")*

Это была республиканская армия, состоявшая из граждан республики, и все, что имело противоположный привкус, в большинстве своем отвергалось. Здесь не было знамен и штандартов, с которыми шли в бой (хотя *коммандос* не отказывались позировать для иностранных корреспондентов на фоне национальных флагов). Девизы иногда вышивались на шляпных лентах, иногда вырезались на ружейных прикладах. "За Господа и Свободу", "За Свободу, Землю и Народ" и "За

Господа, Страну и Справедливость" – вот слова, с которыми буры отправились на войну. Некоторые украшали шляпу лентой национальных цветов, в то время как другие носили на завернутых вверх полях миниатюрные фотографии Президентов.

Коммандос в Натале

Не считая риска столкновения с противником и тоски по дому, фронтовая жизнь не особо тяготила рядового бюргера. Главное – он имел коня и винтовку, а значит, всегда был более-менее счастлив. У него имелись продукты и туземный слуга, способный приготовить обед. Над бюргером не довлела дисциплина, и он был сам себе хозяин. Обычно, в том же лагере находились его сыновья или братья, что весьма скрашивало полевую жизнь. Он мог нести службу в пикете или пойти в бой, если имел к этому склонность, а мог оставаться в лагере, и за все время боевых действий так ни разу и не глянуть в глаза противника. Каждые два месяца бур получал десятидневный отпуск, а первые пять месяцев войны жена и дети имели возможность навещать отца семейства в лагере. Если он воевал на Северном или Западном фронте, то имел отличные возможности для охоты, выслеживая антилоп так часто, как ему того хотелось. Ему не было необходимости просыпаться в какой-то определенный час, и он мог отходить ко сну, когда того желал. Не было ни муштры, ни перекличек, ни десятков мелких условностей, которые изрядно портят жизнь солдату регулярной армии. Согласно закону в воскресенье или в церковные праздники бюргер не работал. Если противник вел себя спокойно, а бур был

ярим приверженцем соблюдать Шаббат, в эти дни он и пальцем не шевелил. В общем, бюргер ел, спал или сражался когда того желал, и никто не мог заставить его изменить своим привычкам.

Самой примечательной чертой бурской армии было равенство офицеров и рядовых, при полном отсутствии высокомерия в поведении их лидеров. Бурские генералы и *комманданты*, находясь на фронте, не носили какой-то особенной формы, поэтому было достаточно сложно отличить офицера от простого бюргера. Все офицеры, начиная с *генерал-комманданта*, имели ружья и бандольеры, и, в большинстве случаев, носили обычную гражданскую одежду, не подчеркивавшую их статус. Офицеры проводили со своими людьми все время, зная большинство бойцов по имени. За редким исключением, до войны все генералы были фермерами, и, как следствие, не могли отгородиться кастовым превосходством, даже если бы и пожелали того.

Развлечения в лагере Йоханнесбургского коммандо

Генерал Мейер играл со своими людьми в "кольца", генерал Бота менялся с бюргерами табаком, а генерал Смутс и один из его офицеров были чемпионами своего лагеря по висту. Заговаривая с офицером, редко какой бюргер касался шляпы, предпочитая рукопожатие. Вообще, буры охотно обменивались рукопожатием и с друзьями, и с незнакомцами. Если генерал посещал лагерь, многократные рукопо-

жания были неперменным атрибутом. Когда генерал Жубер шел от кемпа к кемпу, он приветствовал всех встречавшихся ему бюргеров. Так же поступали остальные генералы и офицеры. Когда бы президенты Крюгер и Стейн не появлялись в *коммандо*, они пожимали руки всем, кто к ним подходил. Со стороны могло показаться, что каждый бур лично знаком с любым другим буром республики. То же наблюдалось и в отношении иностранцев. Боль в запястье лучше всего убеждала волонтеров в республиканском духе бюргерской армии. Многие буры не могли ничего поделать с этой привычкой и пожимали руки даже британским военнопленным, к немалому изумлению последних.

Другой поразительной чертой жизни бурских лагерей, была глубокая религиозность, насквозь пропитавшая их быт. В конце девятнадцатого века человек, шедший сквозь войну с молитвой и пением гимнов, в перерывах между боями читавший Ветхий Завет, казался смешным. Но бур был религиозен по-настоящему и, отправляясь на фронт, полагался на Завет не меньше, чем на оружие.

Рисунок из американского журнала "Puck"

— Отец, если ко мне приближается враг, и у меня в одной руке Библия, а в другой винтовка, что мне отложить в сторону?

— Врага, сынок

Он верил в правоту своего дела и считал, что Господь благоволит его борьбе. 11-го октября, перед переходом границы у Леингс-Нек, состоялась религиозная служба. Каждый бюргер в *коммандо* преклонил колени и молил об успешном и быстром окончании кампании. В течение часа холмы, на которых, около двадцати лет тому, многие из этих же бюргеров благодарили Господа за победу у Манджубы, оглашались религиозными гимнами и песнями людей, отправлявшихся убивать и быть убитыми.

Служба в лагерях проводилась ежедневно – на рассвете и после захода солнца, вне зависимости от того, был рядом противник или нет. Поначалу, будучи разбужен многоголосым гомоном большого *коммандо*, иностранный волонтер проклинал религиозное рвение буров. Однако, по мере обывкания, раздражение сменялось пониманием и восхищением. После заката бюргеры вновь собирались группами у лагерных костров и, глубокими басистыми голосами, воздавали хвалу Господу. Принимал ли бур пищу за уставленным яствами столом или поспешно спрыгивал с седла, чтобы перекусить билтонгом с куском хлеба, он неизменно склонял голову, прося Господнего Благословения. Перед боем бюргеры собирались вокруг своего *фельдкорнета*, и тот вел их в молитве, так же как затем вел под пули. По завершении сражения, не важно, выигранного или нет, вновь звучали молитвы. В рапортах *коммандантов* победы и поражения неизменно приписывались Воле Божьей и постоянно встречались фразы подобные: "вся слава принадлежит Господу Всемогущему, что вел нас", "Бог даровал нам победу", или "Проведение направляло наши стопы". Человеку, не знавшему буров и чуждому их вере в Провидение, эти религиозные излияния казались совершенно неуместными. Лишь после внимательного наблюдения за действиями и эмоциями бюргера иностранец убеждался, что бур искренен в своей вере и старается остаться христианином не только на словах, но и на деле.

Армия буров, подобно армии Кромвеля, сражалась не хуже, чем молилась. Бур доказал, что мог, в случае необходимости, отстоять свое мнение с винтовкой в руках, но сама мысль о необходимости убивать людей ему претила. Он предпочитал держать в руке трубку, а не ружье, и с удовольствием занимался бы привычными мирными делами, не считай он эту войну святым, богоугодным делом.

Бур любил свой дом больше чем фронтовой лагерь, и пользовался любой возможностью вернуться к семье. Он не рвался в драку и редко шел в бой, если не был твердо убежден, что исход сражения зависит от его персонального участия. Он сражался не потому, что любил кровопролитие. Более того – ему претила необходимость убивать челове-

ка, и часто можно было видеть бура, оплакивавшего убитых британских солдат. После боя на Спион-Копе, где орудия бюргеров отправили на тот свет немало британцев, не один бур, сняв шляпу, сокрушался по поводу войны, и между словами: "бедный Томми" и "какая бессмысленная резня", смахивал слезу, катившуюся по щеке.

Траншея с убитыми британцами на Спион-Копе

Редко можно было видеть буров, праздновавших победу. Они могли сказать "это хорошо", узнав о Спион-Копе или Магерсфонтейне, но никогда не прибегали к стрельбе в воздух, как способу изъяснения радости. Иностранцы, воевавшие на стороне буров, часто бывали вне себя от даже после небольшого успеха, но бюргеры спокойно, а чаще неодобрительно, смотрели на эти демонстрации восторга, никогда не принимая в них участия.

ОСОБЕННОСТИ АРМЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ БЮРГЕРОВ

Бур, объединяя в себе качества и командира, и рядового солдата, оказался для британца сложным противником. Его успехи объясняются тем, что в бою каждый бюргер был сам себе генерал. Этим же объясняются почти все его поражения. Там, где эта армия "генералов" объединялась и слажено выполняла намеченный план, успех был обеспечен, но если среди "генералов" согласие отсутствовало, с такой же вероятностью гарантировался провал. Если бы благоприятное стечение обстоятельств породило лидера, способного привить жесткую дисциплину рудиментарной армейской системе Трансвааля и Оранжевой Республики – шансы буров на победу возросли бы многократно.

Коммандос выбирали командиров так же, как выбирали президентов и гражданскую администрацию. Выбор голосующего в большей степени определяли не возраст, способности или военный опыт кандидата, а принадлежность к семейному клану, религиозной или политической партии. Как часто бывает в политической жизни любой

страны, большинство голосов доставалось отнюдь не самому талантливому и не самому опытному. Именно из-за подобной системы выборов осенью 1899 года во главе армии стоял Пит Жубер, в то время как этот пост требовал более молодого и энергичного командующего. На последних выборах *генерал-комманданта* Жубера, принадлежавшего к Прогрессивной партии, поддержала и Консервативная партия, члены которой не желали, чтобы спустя два года, этот популярный политик выставил свою кандидатуру на пост Президента, против Пауля Крюгера.

Выборы фельдкорнета

Голосованием же избирались *комманданты* округов и *фельдкорнеты вардов* (районов). При этом, как правило, во внимание принимались вовсе не их военные способности. Жители *варда* – наименьшей политико-административной единицы, избирали своего *фельдкорнета*, скорее, как администратора и гаранта соблюдения законности в мирное время, чем, как командира, способного вести людей в бой. По такому же принципу выбирался *коммандант* округа, обычно насчитывавшего пять вардов. Возможно, бурская система выборов командиров общим голосованием и имела некоторые преимущества, но она стирала малейшие признаки субординации между офицером и бойцом. Бюргер, отдававший голос за *фельдкорнета*, считал, что тот обязан ему определенной долей признательности, и соответственно, по собственному усмотрению решал, когда стоит подчиняться, а когда нет, поскольку реальными рычагами воздействия фельдкорнет не обладал.

Коммандант формально начальствовал над *фельдкорнетами*, а генерал над *коммандантами*, но эта власть была реальной, лишь при условии, что воля командира совпадала с точкой зрения его людей. Столь необычными для любой регулярной армии взаимоотношениями, объясняется характерное распределение ролей в армиях Республик, когда каждый бюргер считал себя равней генералу.

Во главе армии стоял *генерал-коммандант*, облеченный полномочиями руководить операциями. В его непосредственном подчинении находились *ассистент-генералы*. Пятерых из них *Фолксраад* назначил, незадолго до начала военных действий. На ступень ниже стояли *вехт-генералы* (боевые генералы), названные так, чтобы отличать их от *ассистент-генералов*. Затем следовали *комманданты* округов. Их ранг приблизительно соответствовал рангу полковника. *Фельдкорнеты*, начальствовавшие над людьми *варда*, рангом соответствовали майору. Бюргеры варда делились на группы численностью около двадцати пяти человек под командой *капрала* (аналог лейтенанта).

В армии бюргеров не было корпусов, бригад, полков и рот, требовавших сотни офицеров. Были просто *коммандо*, не важно, состоявшие из десяти человек или десяти тысяч. Число офицеров абсолютно не сказывалось на боеспособности армии, поскольку каждый офицер от *генерал-комманданта* до *капрала* носил винтовку, выполняя в бою те же функции, что и любой другой бюргер.

Перед боем, созывался *кригсраад* – военный совет, проходивший несколько необычным способом. На подобном собрании голос простого, далекого от понимания вопросов войны бюргера, весил почти столько же, сколько голос генерал-комманданта, а план становился законом, лишь получив одобрение большинства. Решение, принятое *кригсраадам*, вовсе не предполагало, что согласованный план удовлетворял самых опытных воинов, присутствовавших на совете. Было возможным и законным, когда торжествовало мнение шестнадцати *капралов*, хотя пятнадцать генералов и *коммандантов* противились ему изо всех сил. Естественно, не каждый военный совет заканчивался подобным образом, но, известно немало *кригсраадов*, на которых мнение старших офицеров отклонялось голосами *фельдкорнетов* и *капралов*. Несомненно, таким образом, определялась воля большинства, но часто за нее приходилось платить большую цену. На *кригсрааде* в Натале, решившем оставить позиции вдоль Тугелы и отступить севернее Ледисмита, предложение об отступлении горячо оспаривалось самыми храбрыми и талантливыми генералами, но голоса *капралов*, *фельдкорнетов* и *коммандантов* превалировали, и генералам пришлось снять осаду, приказав бюргерам отступать. У Мафекинга состоялось множество *кригсраадов*, на которых пытались принять решение о штурме

города, но неизменно *фельдкорнеты* и *капралы*, имевшие больше голосов, чем *комманданты* и генералы оказывались рисковать жизнями своих людей в столь опасном, по их мнению, предприятии. Даже настойчивые призывы *генерал-комманданта* штурмовать Мафекинг, раз за разом отвергались большинством *кригсраада*, представлявшим высшую военную инстанцию.

Кригсраад комманданта Боты

Когда голосование заходило в тупик, то, бывали случаи, что, с голосом *генерал-комманданта* считались меньше, чем с голосом бюргера. На одном из малых *кригсраадов* в Натале, когда голоса разделились поровну, исход голосования решил старый бюргер, не имевший отношения к военному совету, отозвавший своего *капрала* в сторону и убедивший его изменить позицию, тем самым определив результаты собрания.

Кригсраад являлся высшей военной властью в стране. Его решения становились законом, а неподчинение им, карались штрафом. Большинство *кригсраада* обязывалось исполнять план большинства, однако можно привести бесчисленные примеры, когда генералы и *комманданты*, выполняя решения *кригсраада*, действовали вопреки резолюции, принятой советом. В любой другой армии мира, такие действия квалифицировались бы, как неподчинение приказу, с соответствующим наказанием, но в бурской армии подобные вольности грозили не более чем личной неприязнью. В соответствии с законом, провинившемуся офицеру, следовало предстать перед *кригсраадом* и привести доводы в оправдание, но подобные случаи были чрезвычайной редкостью.

Один из немногих случаев, когда офицер отчитывался перед *кригсраадам* за пренебрежение долгом, имел место после подрыва британцами "Лонг Тома" под Ледисмитом. Артиллерийского офицера, командовавшего постом, осудили за пренебрежение обязанностями и разжаловали. После битвы у Белмонта *вехт-генерал* Якоб Принслоо (Оранжевая Республика) был обвинен *кригсраадам* в трусости и разжалован до ранга бюргера. Это был первый бой Принслоо, и он изрядно испугался. Когда один из бюргеров поинтересовался, с какого рубежа отражать атаку британцев, Принслоо, растеряно пробормотав "Бог знает, а я не знаю", бежал со всеми своими людьми.

Бывало, что *комманданты* действовали вопреки решениям *кригсраада*. Так, вторгшись в Наталь, буры решили атаковать британский отряд, расположившийся у Данди. На *кригсрааде* постановили, что генерал Лукас Мейер атакует с востока и юга, а генерал Эразмус – с севера. Мейер занял Талана-Хилл, восточнее Данди и копи южнее города, на рассвете открыв огонь по войскам генерала Пенн-Саймона. Генерал Эразмус и Преторийское коммандо, с полевыми орудиями и "большим Крезом", заняли гору Импати на севере, но когда подошло время поддержать соотечественников, сражавшихся в семистах метрах ниже по склону, Эразмус не позволил своим людям сделать ни единого выстрела. В результате Мейер был вынужден отступить с Талана-Хилл, а британские войска смогли уйти на юг в Ледисмит. Если бы генерал Эразмус выполнил решения *кригсраада* и принял участие в бою, буры имели все шансы разгромить британцев.

Коммандос, наблюдающие за боем у Данди

Но еще более серьезные последствия имело неподчинение *комманданта* Буйса (Хейделбергское коммандо), которому 19-го февраля

1900 года поручили занять позицию на Бошранде, называемую Хлангве. Британцы несколько недель пытались сбить буров с Бошранда. Коммандант Буйс получил приказ со своим людьми ночью сменить уставших товарищей. Вместо того, чтобы немедленно, той же ночью пойти на Хлангве, он разбил бивак на небольшом перевале поблизости, намереваясь занять назначенную позицию утром. Ночью британцы обнаружили, что позиция осталась без защитников и перебросили туда своих людей. Таким образом им удалось вбить клин в Бошранд, вынудив буров уйти за Тугелу. Менее серьезные последствия имел отказ генерала Де ла Рейя выполнить решение, которое он же помог принять. Это произошло у Брандфорта, в Оранжевой Республике, через несколько недель после оккупации Блумфонтейна. Все генералы, находившиеся поблизости, встретились на *кригсрааде* и решили предпринять концентрированную атаку на британские силы у Тафелькопа, между Блумфонтейном и Брандфортом. Генералы Смутс и Бота совершили длинный ночной переход, заняв исходные рубежи, что бы на рассвете атаковать противника. Было договорено, что начнет атаку *коммандо* Де ла Рейя, а сама операция не начнется, пока он не подаст сигнал. Сигнал так и не был подан, и после нескольких часов ожидания *коммандо* вернулись в Брандфорт, где узнали, что Де ла Рей даже не выступал из своего лагеря.

Когда офицеры нижнего ранга – *фельдкорнеты* и *капралы* не подчинялись решениям *кригсраадов*, проявляли трусость или недостойное поведение, бюргеры, находившиеся под их командованием, могли выдвинуть им обвинения, сместить и избрать новых офицеров. *Капралы* избирались бюргерами с началом войны, и занимали эти должности до тех пор, пока их поведение соответствовало ожиданиям подчиненных. В ходе первых трех месяцев боев происходили бесчисленные перевороты подобного рода. Нередко *капрал* бесцеремонно смещался со своей должности лишь потому, что имел неосторожность вызвать раздражения какого-либо влиятельного бюргера, находившегося у него в подчинении.

Определенно, личная популярность много значила при избрании на должность, но не оставалась незамеченной и личная храбрость. В лагерях вдоль Тугелы несколько *капралов* отказались от своих должностей, в пользу бюргеров, отличившихся в бою.

Однако, каким бы независимым и безответственным не выглядел бурский офицер, он кажется человеком в оковах, в сравнении с рядовым буром. Бюргер не был связан никаким законом, за исключением собственной совести. Правда, существовал государственный закон, обязывавший его присоединиться к *коммандо* и отправиться на фронт, или, при отказе, заплатить небольшой штраф. Но, оказавшись в *ком-*

мандо, он становился сам себе хозяином, и мог от души потешаться над "мистером Аткинсом" и его обязанности нести службу, даже при отсутствии боевых действий. Ни генерал, ни указы *Фолксраада* не могли принудить бура выполнить приказ, если он не склонен был его выполнять, и не было на земле силы, способной вытащить бюргера из палатки, если он того не желал. Во многих странах человек мог добровольно записаться в армию, но раз уж он стал солдатом, то вынуждено подчинялся дисциплине. У буров же, бюргер был обязан присоединиться к армии, но мог не сражаться, если ему это претило. В нательских лагерях были сотни людей, не участвовавших ни в одном бою, и за первые шесть месяцев войны не сделавших ни одного выстрела. И наоборот, сотни бюргеров добровольно принимали участие в каждой схватке, вне зависимости, было ли задействовано в ней их *коммандо*.

Когда *крисграад* решал вопрос об атаке или обороне, офицеры на встрече определяли, сколько людей понадобится для данной работы. Затем они возвращались к своим *коммандос*, и после объяснения задачи, спрашивали добровольцев. Офицер не мог вызвать определенного человека и приказать ему принять участие в планируемом деле, он мог лишь попросить бюргера добровольно исполнить задачу. Часто бывало, что выполнить работу соглашалось все *коммандо* – несколько сотен человек, но не менее часто происходило обратное – лишь десятая или двадцатая часть бюргеров выражала желание присоединиться к экспедиции. Через несколько дней после боя на Спирон-Коп генерал Бота искал четыре сотни добровольцев, готовых помочь отразить ожидаемую атаку. В это время в районе Ледисмита находились почти десять тысяч бюргеров, но эти четыре сотни он собрал с большим трудом. Готовность выразили две сотни людей из одного *коммандо*, сто пятьдесят три из второго, двадцать восемь из третьего, пятнадцать из четвертого и пять из пятого – всего 401 человек.

Когда Генерал-коммандант Жубер в своем лагере у Моддер-Спруйт, получал просьбу прислать подкрепление, он не имел права просто приказать какому-либо *коммандо*, находившемуся у него под рукой, отправляться на линию огня. Он мог лишь просить *коммандантов* и *фельдкорнетов* найти добровольцев. Если люди отказывались идти, подкрепление не высылалось, и бюргеры, ведущие бой, ставились перед выбором: продолжать борьбу в одиночку или уступить позицию противнику. Снятие блокады Ледисмита отчасти объясняется фактом, что генералы буров не смогли добиться помощи от Жубера, стоявшего севернее Ледисмита с десятью тысячами бюргеров. Бота, Мейер и Эрasmus почти неделю сражались без передышки, и когда их люди (около двух тысяч) находились на грани изнеможения, обратились к Жуберу с просьбой прислать подкрепление, или

смену. Но *кригсраад* решил, что армия должна отступать к Биггарсбергу и Жубер не смог, или не пожелал, послать на Тугелу ни одного бойца. В результате Бота бросил позиции, которые, при наличии элементарной воинской дисциплины среди *коммандос*, имел шанс удержать.

С другой стороны офицерам не всегда приходилось упрашивать бюргеров идти в бой. Можно привести немало примеров, когда *коммандос*, без лишних разговоров, выполняли поставленную задачу.

В Натальской кампании у буров было достаточно бойцов, и работа казалась настолько легкой, что большинство бюргеров, ни разу не выходило на огневой рубеж. Когда же успехи британцев в Оранжевой Республике вынудили буров обороняться, отлеживать бока в палатке стало не так просто. Генерал Кронье смог вывести на поле боя гораздо больший процент людей, чем *генерал-коммандант* Жубер. Он чаще перемещался с места на место и обходился со своими бюргерами гораздо строже. К концу кампании Кронье, все его люди добровольно участвовали в боях. Они понимали, что должны сражаться. Именно этого понимания не хватало Натальской армии. Когда бур видел, что вынужден или сражаться, или умереть, то воевал не хуже других, но когда считал, что его присутствие на огневом рубеже не критично – предпочитал оставаться в лагере.

На натальском фронте сотни бюргеров, принимали участие почти в каждом бою. Среди лучших бойцов можно упомянуть Йоханнесбургских Полицейских (столь поносимых и презираемых в мирное время), Преторийское коммандо и молодежь других коммандо.

Йоханнесбургские детективы перед отправкой на фронт

Было немало и старых буров, оставлявших свой лагерь при первых звуках орудийной канонады, но в большинстве случаев возраст погибших в бою составлял от семнадцати до тридцати лет.

После захвата британцами Блумфонтейна, когда *кригсраад* в собравшийся в Кроонстаде, решил продолжать партизанскую войну, большинство вагонов и прочих "лагерных атрибутов" отправились домой, и лагерная жизнь стала не столь комфортна. *Коммандос* очень мало оставались на одном месте, а возможность встретиться с противником выпадала почти ежедневно. К этому времени война длилась почти шесть месяцев, но многие из бюргеров едва успели распробовать ее вкус. Когда генерал Христиан Де Вет начал свою кампанию в восточной части Оранжевой Республики, людей, остававшихся в лагере во время боя, едва хватало для надежной охраны. В боях у Саннас-Пост, Мустерс-Хук и Вепенера в акциях принимали участие около девяносто пяти процентов его бюргеров. В Натале боевой запал у большинства бюргеров отсутствовал напрочь, иначе Жубер смог бы дойти до Дурбана. Но несколько месяцев спустя, когда бюргеры осознали, что их винтовки действительно нужны, и что, не сражаясь, они вскоре окажутся на острове Святой Елены, буры вычистили свои "Маузеры" и принялся воевать упорно и умело.

Беззаботность и безразличие, проявившиеся на ранней стадии Натальской кампании в отношении к непосредственному участию в боях, распространялись и на такую важную сторону армейской жизни, как охрана лагеря. Буры не имели часовых и аванпостов в обычном понимании. У них существовала *брандвахта*, когда сотня или более бюргеров, занимали позицию на определенном расстоянии от лагеря, и оставались на ней до рассвета. Как правило, эти добровольцы находились под командованием капрала, который отвечал перед *фельдкорнетом* за наличие определенного количества людей на каждую ночь. Нести *брандвахту* никого не принуждали, к тому же эта служба считалась легкой, поэтому всегда находилось достаточное количество добровольцев.

Отправляясь на брандвахту, бюргер брал с собой одеяло, трубку и котелок. Прибыв на намеченное место, он привязывал лошадь и устраивался поудобнее с трубкой и кофе. Когда было известно, что враг находится поблизости, в целях личной безопасности *брандвахта* не спала, но, когда казалось, что опасности нападения нет, бур покрепче закутывался в одеяло и, подложив под голову седло, храпел до рассвета. К уснувшим при несении брандвахты применялось очень снисходительное наказание. Иногда, поутру бюргер мог не найти затвора от своей винтовки. Когда же *капрал*, предъявив затвор, в виде наказания

поручал ему носить камни или коробки с продовольствием, бюргер безо всякой опаски мог проигнорировать приказ.

Группа буров, направляется на брандвахту

Брандвахта у Коленсо

В ходе войны буры завоевали репутацию прирожденных разведчиков. Их *спиюнам*, в частности, отдавал должное командующий ледис-

митским гарнизоном британский генерал Джордж Уайт. По его словам: "В ходе всей кампании, с первых дней, как только буры пересекли границу и до снятия блокады с Ледисмита, и я, и другие командиры испытывали неудобства от великолепной системы разведки противника, достойной всяческой похвалы. Я молил Господа, чтобы они ею пренебрегали, поскольку, стоило мне после полудня отдать приказ на передислокацию орудий, как к утру, противник уже знал об этом. У них повсюду были агенты, которые, несмотря ни на какие трудности, передавали нужную информацию. Я сажил под замок каждого кто, по моему мнению, мог им что-то передать, но тем или иным способом их разведка все равно действовала".

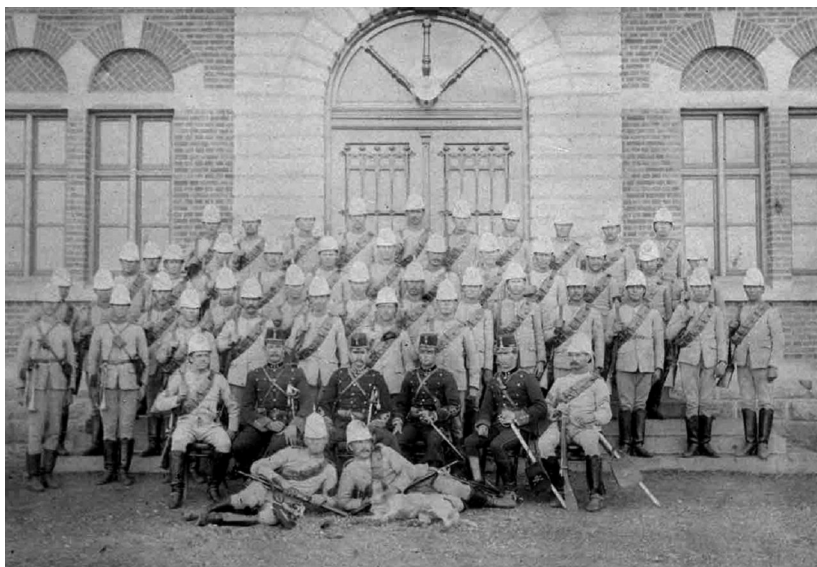
Бур уверенно ориентировался на местности, имея зоркие и внимательные глаза. Полевая оптика имела в крайне ограниченных количествах, в основном у старших офицеров. Чрезвычайно прозрачный южноафриканский воздух создавал великолепные условия для наблюдателя, но буры изумляли иностранных волонтеров способностью отличить бюргера от британца там, где иностранец едва видел движущийся объект.

Изначально в бурской армии не было специальных подразделений для ведения разведки, из-за чего, несмотря на великолепные личные качества бюргеров, в деле сбора информации о противнике постоянно чувствовался недостаток организации. Когда генералу или *комманданту* требовалась точная информация о британцах, он просил добровольцев выполнить нужную работу. Во время Натальской кампании были случаи, что разведку не вели по несколько дней, и генералы не имели достоверных сведений о противнике.

Не существовало правил, запрещавших бюргеру покидать лагерь, когда ему вздумается, или перемещаться в любых направлениях, и большое количество информации генералы получали именно от этих людей, бродивших по вельду. В прифронтовой зоне человек, не выглядевший как бюргер, едва мог проехать пару километров, не будучи остановлен буром, возникшим, словно из-под земли. "Куда вы направляетесь?", или "Откуда вы направляетесь?" – таким было неизменное приветствие, и если незнакомец не мог дать вразумительный ответ или показать соответствующий документ, следовала команда "Руки вверх". В вельде, бур всегда были настороже, слонялся ли он по округе, направлялся ли домой или возвращался в лагерь. Как только он получал информацию, которую считал ценной, тут же мчался на ближайшую телеграфную или гелиографную станцию, чтобы передать ее своему *комманданту* или генералу. К тому же, обычно, бур имел много белых и черных друзей, помогавших ему получить данные о противнике. Совокупность этих факторов и заставляла генерала Уайта

давать высокую оценку бурской службе разведки, которая, несмотря на эффективность работы, была скорее химерой, чем реальной службой.

Относительная воинская дисциплина присутствовала лишь в двух небольших подразделениях, известных как Государственная Артиллерия Трансвааля (*Transvaalse Staatsartillerie*) и Государственная Артиллерия Оранжевой Республики (*Oranje Vrijstaat Artillery Corps*). Эти подразделения, созданные задолго до войны, проводили регулярные учения и тренировки, продолжавшиеся даже на фронте. Йоханнесбургская Полиция также практиковала подобие дисциплины, которая, однако, не смогла удержать ее бойцов от бунта, когда те решили, что в одиночку вынесли все тяготы войны и потребовали отпуска. Крупицы настоящей воинской дисциплины можно было обнаружить в Кроонстадском *коммандо* у одного из *фельдкорнетов* (Тринга), который каждое утро проводил переключку и проверял состояние оружия. Эта необычная процедура пришлась бюргерам настолько не по вкусу, что они направили возмущенный протест генералу де Вету. Однако генерал поддержал своего *фельдкорнета*, заявив, что действуя подобным образом все офицеры, дела на фронте пойдут гораздо лучше.

Офицеры и бойцы Государственной Артиллерии Трансвааля

Тем не менее, не смотря ни на что, каждый бюргер подчинялся определенному нравственному закону. И когда он нарушал этот закон,

самым страшным судьей выступала его совесть. В армии существовали правила подчинения и рудиментарная система наказаний, но применялась она чрезвычайно редко. Если бюргер соблюдал дисциплину, то делал это по внутреннему убеждению, а не из-за страха перед офицерами. Бур был глубоко религиозен, и считал, что подчиняясь, обретает определенную благосклонность в глазах Господа. Именно эта религиозность, а не только умение метко стрелять, и умело маскироваться, превращала бура в отличного бойца. Если бы не искренняя вера, армии Трансвааля и Оранжевой Республики представляли бы собой пеструю неуправляемую толпу, но несокрушимая вера в Бога и Промысел Божий сцементировала это своеобразное сообщество южноафриканцев, превратив его в грозного противника одной из сильнейших армий мира.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ БУРОВ

Бюргеры генерала Мейера у Коленсо

Несоразмерность численности и мощи, противостоявших друг другу армий, выглядит просто кричащей, и трудно винить имперских урапатриотов, утверждавших, что военные действия продлятся не более месяца. На одной чаше весов расположилась армия, каждый батальон которой был обучен, подготовлен и имел многолетнюю практику стычек и войн, то и дело вспыхивавших в различных уголках империи. Эту армию поддерживала многомиллионная нация, обладавшая поистине безграничными финансовыми и материальными ресурсами. Во главе армии стоял человек, получивший великолепную теоретическую и практическую подготовку. На другой чаше оказалось тридцать тысяч фермеров, не имевших традиционной армейской выучки и дисциплины. Ни один выбывший из строя бюргер не мог быть заменен, а запасы снаряжения не могли быть пополнены. Армию возглавляли

фермеры, часть которых даже не подозревала, о существовании теории военного дела и понятия не имела, как протекали и выигрывались современные войны. Успехи, более полугода сопутствовавшие бурской армии, и последующие неудачи, несомненно, обусловлены их, как тогда выражались, "системой" ведения боевых действий.

Самим бурам, похоже, было безразлично, обладают ли они какой-либо военной системой. По меньшей мере, подавляющей части генералов и простых бюргеров о таковой, скорее всего, известно не было. Конечно, буры имели свой подход к ведению войны, зародившийся на основе многолетнего опыта стычек с туземными племенами и в ходе предыдущей войны за независимость, но его трудно назвать "системой". Это был, скорее, инстинкт, опиравшийся на здравый смысл. К несчастью для буров его не дополняли дисциплина и должная армейская подготовка, способные довести боевые качества бюргеров до совершенства.

Большинство буров уверенно обращались с оружием, прекрасно ориентировались на местности и грамотно выбирали укрытия. Бур с первого взгляда определял, насколько удобна та или иная высота, можно ли ее защитить или атаковать, имеются ли удобные пути отступления. Будучи сам себе командир, бюргер держал в голове собственный план боя – в этом и заключалась основа его "военной системы".

В британской армии, как и в других регулярных армиях того времени, предполагалось, что солдат ничего не понимает, ничего не знает и ничего не предпринимает самостоятельно, подчиняясь лишь командам своего офицера. Изначально полагалось, что он глуп, и, похоже, существовала предустановка удерживать его в подобном состоянии, идеальном для исполнения роли маленькой шестеренки в гигантской армейской машине. Иногда создается впечатление, что солдата регулярной армии считали животным, стоящим на наинизшей ступени развития, задача которого подчиняться офицеру – человеку, обладающему разумом. Результат подобного подхода закономерен – когда офицер, попав под огонь, погибал, терял самообладание, или не мог проявить должных командирских качеств – солдаты, шедшие за ним, превращались в стадо. Их паника, словно чума, поражала соседние подразделения, и небольшая локальная неудача грозила обратиться катастрофой. В регулярной армии, ценность солдата определялась ценностью командовавшего им офицера, а ценность армии способностями ее генералов. У буров достоинства генералов и *коммандантов* имели гораздо меньшее значение, поскольку бюргер почти всегда действовал по собственной инициативе. Генералы и офицеры были важны, в первую очередь, для "доставки" бюргеров к планируемому месту

столкновения с противником, после чего их роль, как командиров заканчивалась, ибо каждый бюргер сам решал, как ему вести бой. Можно сказать, что наибольшее различие между армией буров и регулярной британской армией заключался в распределении интеллекта.

Если интеллект регулярной армии концентрировался в офицерах, то у буров большая часть практического воинского чутья и инициативы распределялась в основной массе бойцов.

Британский Премьер-министр Дизраэли однажды сказал: "Бесспорно, размышлять энергично, ясно и глубоко в тиши кабинета – достойное проявление интеллектуальности, но думать столь же энергично, ясно и глубоко под пулями – высочайшее проявление и ярчайший триумф человеческих способностей". Не пытаясь данной цитатой доказать, что каждый бюргер являлся человеком высочайших душевных качеств и умственных способностей, трудно не признать, что сражавшийся бур был более чем серьезным противником.

Подметив удобное стечение обстоятельств, бюргер, никогда не ждал приказа, чтобы им воспользоваться. Когда он видел, что может безопасно подобраться к противнику, он делал это на свое усмотрение. Когда полагал, что следует занять другую позицию, опять же, действовал по собственной инициативе. Он оставался на позиции до тех пор, пока считал себя в безопасности. Если условия складывались благоприятно – шел вперед, если неблагоприятно – отступал, не важно, был на это приказ или нет. Когда бур видел, что бюргеры на другом участке боя попадали в переделку, он отправлялся на выручку, а когда собственная позиция, по его мнению, становилась непригодной для обороны, просто бросал ее и отправлялся на другую, где, по его мнению, снаряды и пули сыпались не так густо.

Никто никого не донимали приказами, скорее бросалась в глаза их нехватка. Это всех устраивало, поскольку бюргер не любил, когда ему приказывали. Он выполнял работу с большим энтузиазмом, когда действовал по собственному побуждению. Так, во время боя на Моддер-Спруйт, два молодых бюргера заметили отряд британцев, скрытно двигавшийся к копи, занимаемом Крюгерсдорпским *коммандо*. Понимая, что, бюргеры, если их не предупредить, будут отрезаны, юноши, под градом пуль, галопом пересекли открытое пространство в пятистах метрах от противника, и успели сообщить *комманданту* крюгерсдорпцев информацию, спасшую его людей. Подобное поведение бюргеров не было исключением.

Второй отличительной чертой бурской армии являлась ее мобильность. Каждый бюргер сидел на проворной лошади или пони, и, соответственно, его перемещение, не важно, наступление или отход, было во много раз динамичнее подобных маневров пехоты противника –

преимущество, поистине бесценное в бою и при смене позиции. В ходе боя буры могли на время бросить рубеж обороны, сесть на лошадей и отступить на следующую позицию, сосредоточив силы на ее удержании. Иногда они совершали столь внезапные броски, что британские пехотинцы бывали окружены и отрезаны от главных сил, до того как понимали, что поблизости вообще находились буры. Именно благодаря фактору мобильности буры смогли захватить столь большое количество пленных на ранних стадиях кампании.

Лагерь Йоханнесбургского коммандо под Коленсо

В ходе боев вдоль Тугелы бюргеры были вынуждены постоянно менять позиции, поскольку британцы, обладавшие значительным перевесом в силах, держали буров в состоянии вечного брожения. На одном берегу реки, от южной оконечности Спион-Копы на западе до Хелпмакаара на востоке, тридцать тысяч британских солдат выискивали слабое место для прорыва линии обороны. Другой берег защищали две-три тысячи буров, метавшихся от одного холма к другому вдоль всего прикрываемого участка и отбивавших атаки противника. Несомненно, местность им благоприятствовала, но, все же, не до такой степени, чтобы горстка людей могла сдерживать тысячи. Осада Ледисмита продлилась несколько месяцев во многом благодаря легкости и скорости перемещений *коммандос*.

Мобильность буров хорошо демонстрирует и их отступление от Ледисмита. После того как *кригсраад* решил отвести войска к Биггарсбергу, потребовалось всего несколько часов чтобы *коммандос*

оставили позиции, загрузили свое имущество в вагоны и отправились на север. Отход был осуществлен так быстро, что стал сюрпризом даже для осажденного гарнизона Ледисмита. Еще вчера буры, как обычно, обстреливали город и все *коммандо* занимали привычные позиции, а на следующий день на окрестных холмах не осталось ни единого бура. Ночью они тихо оседлали своих лошадей и еще до восхода солнца были за Моддер-Спруйт и Эландслагте, на пути к Гленко. Отступление генерала Кронье от Магерсфонтейна осуществлялось быстро и организованно. Но, возможно, наилучшим примером мобильности буров стал великолепный отход шести тысяч бюргеров генералов Гроблера, Оливера и Леммера вдоль басутской границы.

Коммандо буров пересекает Клип-Ривер

После капитуляции Кронье под Паардебергом бюргеры, воевавшие в восточной провинции Капской Колонии, оказались в очень опасном положении, имея значительные силы британцев по фронту, в тылу, на левом фланге и нейтральную территорию племен басуто справа. Свободной оставалась лишь узкая полоска земли вдоль западной границы Басутоленда. Британцы стояли в Блумфонтейне и его окрестностях. Только чудо могло помочь шести тысячам *коммандос* выпутаться из подобной ловушки и соединиться с соотечественниками на севере.

Шесть тысяч всадников могли относительно легко совершить марш, но генералы были обязаны спасти множество огромных транспортных вагонов с боеприпасами и продовольствием. Трек на север начался 12-го марта у Колесберга. Когда все *коммандо* слились в одну колонну из шести тысяч всадников, семисот пятидесяти транспортных вагонов, двух тысяч туземцев и двенадцати тысяч голов скота – она растянулась на сорок километров.

Дозоры, шедшие западнее колонны, доложили, что британская кавалерия находится в ста километрах, но, к счастью, британцы упустили возможность перехватить бюргеров, и 28-го марта, преодолев около семисот километров за шестнадцать дней, они достигли Кроонстада. Этот великолепный переход, достоин упоминания наряду с Паардебергом, Спирит-Копом и Магерсфонтейном. Бюргеров преследовал враг, вдохновленный первыми победами, в то время как путь лежал по сильно пересеченной, раскисшей от дождей местности. Если бы британцы, после капитуляции Кронье под Паардебергом и снятия осад с Кимберли и Ледисмита, сумели захватить эту колону, возможно, война закончилась бы гораздо раньше.

Армия буров двигалась быстро почти при любых условиях. По общепризнанному мнению, на первом году войны британская колонна, отягощенная вагонами и лагерным имуществом, не могла передвигаться быстрее полутора-двух километров в час, а если марш затягивался, то не выдерживала даже такого темпа. Бурское *коммандо* передвигалось со скоростью восемь-девять километров в час, а нередко, когда требовался быстрый переход, скорость достигала двенадцати километров в час. Когда, в самом начале войны, генерал Лукас Мейер узнал, что британский генерал Пенн-Саймон стоит у Данди, он совершил переход почти в шестьдесят километров за шесть часов и занял Талана-Хилл, располагавшийся в полутора километрах от противника. Англичане узнали о присутствии буров лишь на рассвете, когда те обстреляли их бивак. Когда генерал Де Вет 30-го марта получил сведения, что полковник Бродвуд движется на запад от Таба-Нчу, он находился в нескольких километрах восточнее Брандфорта. Бюргерам потребовалось несколько минут, чтобы сесть на коней и отправиться навстречу противнику. Переход в сорок километров к Саннас-Пост (блумфонтейнской насосной станции) занял всего пять часов, в то время как колонна Бродвуда потратила семь часов на пятнадцать километров, отделявшие Саннас-Пост от Таба-Нчу. Британская колонна не могла двигаться быстрее из-за большого количества вагонов, но и в этом случае ее скорость перемещения нельзя сравнить со скоростью колонны Гроблера, Оливера и Леммера, находившихся в аналогичном положении.

Буры всегда старались держать громоздкие и неповоротливые воловь упряжки в тылу, особенно если противник мог находиться поблизости. В рейды с собой бралось минимально необходимое количество вагонов с боеприпасами и провизией, запряженных мулами, поскольку эти животные могли передвигаться с гораздо большей скоростью, чем волы. Часто бюргеры вступали на опасную территорию, имея провизии всего на несколько дней, предпочитая остаться без продовольствия и боеприпасов, но не связывать себя неуклюжим транспортом, способным в критической ситуации замедлить движение *коммандо*.

Утро в лагере коммандо Христиана Де Вета

После боя у Мостертс-Нек, коммандо генерала Де Вета имело пищи едва на три дня и очень мало боеприпасов, однако, вместо того, чтобы отложить поход и послать за дополнительными вагонами, генерал продолжил движение на Вепенер, где, после боя, у бюргеров закончились и пища и боеприпасы. Де Вет был вынужден просто кружить вокруг противника, ожидая прибытия вагонов, которые мог взять

с собой в начале марша, если бы рискнул обременить себя подобной обузой, принеся скорость движения в жертву относительному комфорту.

Одна из главных причин, почему буры перемещались быстрее британцев, заключалась в различии веса, перевозимого их лошадьми. Бур, отправляясь в рейд, вез с собой самое необходимое. Его седло весило в половину меньше британского. Бурский всадник и снаряжение, включая седло, винтовку, одеяла и запас еды, редко весили более ста двадцати килограмм, которые лошадь могла нести относительной легко. Британский кавалерист и его снаряжение на начальном этапе войны (тяжелое седло, клинок, карабин и седельные мешки) зачастую дотягивали до ста шестидесяти-двухсот пятидесяти килограмм, быстро утомлявших лошадь. Опять же, почти каждый бур имел две лошади, так что, когда одна проходила под седлом более часа, он мог ее сменить и пересесть на другую, дав первому животному отдохнуть. Благодаря этому, в случае необходимости, бур имел возможность проводить в седле от двенадцати до четырнадцати часов в день. Лошади в нормальном состоянии двигались со скоростью десять километров в час. При форсированном марше буры проходили более ста километров в день, и на следующее утро были способны совершить еще один подобный переход. В ходе боев за Тугелу небольшие *коммандо* не раз покрывали более ста километров в день, а после боя у Поплар-Грув, Абрахамс-Краала и захвата Блумфонтейна, казалось, вся армия Оранжевой Республики мчится на север со скоростью поезда-экспресса. Скорость движения армии буров во время этой паники сравнима со скоростью британцев, в свое время отступавших от Данди, и трудно решить, который из двух противников заслужил пальму первенства в номинации "бегство".

Наиболее характерной чертой тактики буров, являлась забота каждого бюргера о собственной безопасности. Мирный фермер, высоко ценил жизнь вообще и собственную жизнь в частности, не горя желанием подвергаться чрезмерному риску, даже ради обретения славы. Бур быстро определял, когда приходит время отступать, и старался не мешкать. Отступление при ощущении опасности — одна из характерных особенностей тактики буров, которую нельзя назвать однозначно выигрышной. Зачастую бюргеры, перестраховавшись, оставляли поле боя, за мгновение до того, как удача сама шла им в руки. У Поплар-Грув буры могли выиграть день, если бы продержались на позиции пару лишних часов, а не отступили, решив, что бежать безопаснее. С другой стороны, у Эландслаагте иностранцы под командованием генерала Кока, прозевали подходящий момент для отхода, продолжив бой, и были почти полностью уничтожены.

Трупы лошадей на поле боя у Эландслаагте (21 октября 1899)

Во время любого боя можно было видеть немало всадников, рывших по вельду в противоположном от места схватки направлении. Отсутствие дисциплины и ответственности за оставление позиции делало подобную практику, чуть ли не правилом. На деле не существовало какого-либо закона, согласно которому бюргера можно было удержать от бегства если он не желал участвовать в бою. После оккупации Блумфонтейна произошла небольшая стычка в восьми милях к северу от города (у места называемого Тафелькоп), после которой бюргеры Оранжевой Республики разбежались по всему вельду. Страна наполнилась дезертирами, и на каждой ферме оказалось от двух до шести боеспособных мужчин, бросивших свои *коммандо*.

Не стоит приписывать всю храбрость мира одной нации. Природа мудро распределила этот дар: не все буры были героями, и не все трусами. Генералы буров с несколькими сотнями людей не раз противостояли тысячам британских солдат и умудрялись побеждать. Две с половиной тысячи бюргеров генерала Боты неделю сдерживали войска Буллера, обладавшего более чем десятикратным превосходством. Генерал Кронье с четырьмя тысячами бойцов стал жертвой не менее чем сорока тысяч солдат и ста пятидесяти орудий под командованием фельдмаршала Робертса.

Бюргеры не всегда лежали за укрытием, дожидаясь пока противник подойдет на несколько сотен ярдов. 6-го января в бою у Платранда (близ Ледисмита) буры атаковали и выбили британцев с позиции, при

этом потеряв убитыми всего несколько человек. Бой на Спирит-Копе, стал ярчайшим проявлением доблести и воинского мастерства бюргеров – небольшой сборный отряд вверх по крутому склону атаковал противника, обладавшего троекратным превосходством в людях. Когда три тысячи кавалеристов лорда Робертса вступили в Якобсдаль, в городе находилось менее сотни вооруженных буров, но они завязали уличную перестрелку, сознательно пойдя на большие потери.

За всю кампанию было совсем немного столкновений, когда силы буров и британцев были равны. При этом, как правило, англичане имели многократное превосходство по орудийным стволам. Буры редко атаковали и никогда не держали оборону на равнине, не потому что им недоставало храбрости. Просто они видели тщетность подобных действий. После того как британцы выбили буров с копи восточнее и северо-восточнее Блумфонтейна, бюргеры, не имея подходящей позиции, отступили до Вааля без особых попыток остановить наступление врага. Бурские генералы, знали, что британские орудия расчистят открытый вельд на несколько километров перед собой и бюргеры не смогут удержать позиции.

Но на подходящей позиции буры настолько хорошо окапывались, что огонь британских орудий не производил на них особого впечатления. У Коленсо и Магерсфонтейна бюргеры оставались в траншеях, в то время как вокруг рвались тысячи шрапнелей и гранат.

Траншеи буров у Магерсфонтейна

Дозор на Реененс-Пас

Пока пехота противника наступала под прикрытием артиллерии, буры спокойно отсиживались в траншеях, не отвечая на огонь британцев, каким бы ожесточенным тот ни был, поскольку траншеи прекрасно укрывали от шрапнели. Как только пехота достигала зоны поражения (обычно метров семьсот-восемьсот), бюргеры встречали ее прицельным огнем "маузеров", находившим тем больше целей, чем доблестней была атака. Сотни британских солдат расстались с жизнью, выполняя приказ занять покинутые, по мнению их генералов, позиции.

ГЕНЕРАЛЫ

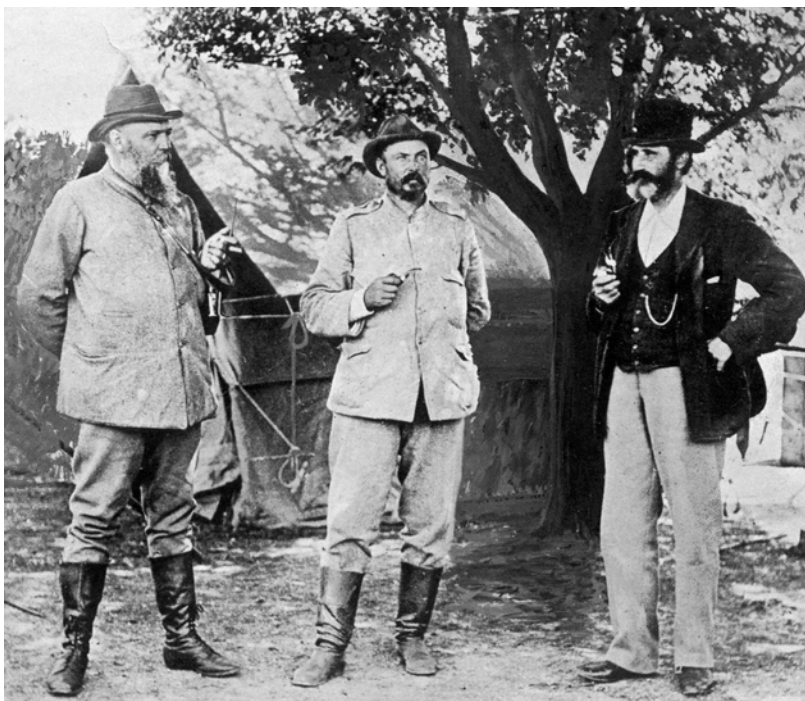

*Герои войны – генералы Луис Бота, Христиан Де Вет и
Якобус Де ла Рей*

Лидеры буров не являлись генералами в обычном смысле этого слова. За редким исключением, они не изучали стратегию и тактику, не прошли классическую армейскую подготовку, и ни в одной из европейских армий не стали бы даже капрами. Из всех генералов, сражавшихся в армиях республик, максимум трое держали в руках какую-либо книгу по военному делу. Лишь Кронье интересовался теорией и практикой современной войны и пытался использовать прочитанное. Большинство бургских генералов были фермерами. В мирное время их интересовали, главным образом, поля и животные, а не планы будущей кампании. Почти всех избрали генералами перед самым началом боевых действий. Жубер, Кронье, Феррейра и Мейер были, чуть ли не единственными людьми в обеих Республиках, знавшими,

что будут призваны на командные должности, поскольку обладали опытом предыдущих войн. Бота, Де Вет, Де ла Рей и Сниман, как и многие другие бюргеры, занявшие ответственные посты позднее, уделяли мало внимания, если вообще заботились о пополнении багажа военных знаний.

Когда трансваальский *Фолксраад* одобрял ультиматум Великой Британии, он понимал, что подобный акт спровоцирует войну, и соответственно, готовился к ней. Одной из первоочередных задач стало назначение пяти помощников *генерал-комманданта*: Пита Кронье, Схалка Бургера, Лукаса Мейера, Даниела Эразмуса и Яна Кока. Все они занимали высокие посты в правительстве и пользовались уважением буров. В дальнейшем возникла необходимость в большем количестве генералов и к списку помощников *генерал-комманданта* Жубера добавилось еще несколько имен: Сарел Ду Тойт, Хендрик Схоеман, Йохан Де ла Рей, Хендрик Сниман и Херман Леммер.

Генералы буров: Лукас Мейер, Луис Бота и Даниел Эразмус

Выбор оказался довольно мудрым, поскольку почти все эти люди выросли в чрезвычайно способных генералов. На начальной стадии

кампании генералы буров совершили ряд дорогостоящих ошибок и приняли немало неверных решений, что не удивительно, учитывая опыт и подготовку противостоявшего им противника. Но уже через несколько месяцев кампании, приспособившись к тактике британцев, предводители бюргеров вполне освоились на поле боя.

Генерал Кок (сидит в центре) с офицерами Германского Легиона

Одна из причин успешных действий бюргеров во время войны, заключалась в том, что их генералы сражались в хорошо знакомых, по мирному времени, районах. Генерал Кронье воевал вдоль западной границы Оранжевой Республики, которые знал не хуже окрестностей собственной фермы. Генерал Мейер провел большую часть жизни у Биггарсберга и в Северном Натале, где ему был знаком каждый куст. Генерал Бота сдерживал армию Буллера у Тугелы там, где в юности охотился на антилоп. Генерал Христиан Де Вет родился в Деветсдорпе, в районе которого, едва ли существовал овраг или брод, не пересеченный им десяток раз до войны. Генерал Де ла Рей провел большую часть жизни в Западном Грикваленде, а значит, командуя у Кимберли и в юго-западной части Оранжевой Республики, действовал на хорошо знакомой территории. Генерал Сниман, осаждавший Мафекинг, был жителем округа Марико и, следовательно, хорошо знал западную часть Трансвааля. В большинстве случаев генералы буров нуждались в услугах разведки лишь для установления контакта с противником, поскольку патрули могли рассказать им мало нового о характере ме-

стности. В большинстве случаев генералы буров действовали не опасаясь угодить в ловушку, расставленную противником, и имея прекрасные возможности нанести врагу внезапный удар.

У бурских генералов было еще одно важное преимущество – великолепные карты, благодаря которым они могли объяснить предполагаемые маневры тем из *коммандантов* и *фельдкорнетов*, кто не слишком хорошо знал местность. Эти карты за два года до войны изготовили эксперты, нанятые трансваальским правительством. На них небольшой пригорок возле Дурбана, и спруйт у Кейп-Тауна были отмечены столь же точно, как и копи на окраинах Претории. На картах можно было видеть все британские форты и дороги, ведущие к ним. Бурские карты окрестностей Ледисмита были гораздо точнее карт, выполненных британским Военным Министерством, хотя Ледисмит многие годы служил базой британской армии в Натале.

Значительная часть заслуг по подготовке Трансвааля к войне принадлежала *генерал-комманданту* Питеру Жуберу, много лет возглавлявшему Военный Департамент.

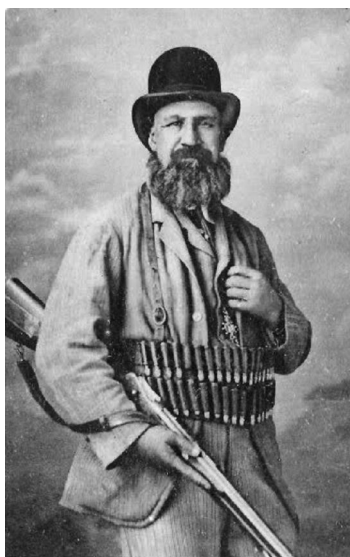

Генерал-коммандант Трансвааля Питер Жубер

Генерал Жубер, или "Старый Пит", как его называли буры, в молодые годы, несомненно, был настоящим воином и вождем, но к началу войны ему исполнилось почти семьдесят лет, а в таком возрасте очень немногие способны переносить значительное умственное или физиче-

ское напряжение, требующееся от военачальника. Жубер был истинным патриотом Трансвааля, горячо желавшим добиться для своей страны полной независимости, однако его сердце не лежало к войне. Подобно Крюгеру он предпочитал мир, и до самой смерти верил, что столкновения можно было избежать. В отличие от Крюгера, он полагал, что войну, если она начнется, следует закончить как можно быстрее, даже в ущерб национальным интересам. Жубер ценил жизни бюргеров выше какого-нибудь пункта договора, и предпочитал пойти на уступки Британии, а не смотреть, как его соотечественники расстаются с жизнью на поле боя.

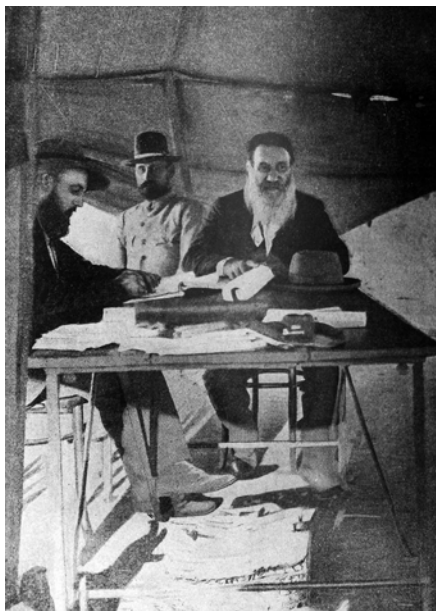
Жубер был одним из немногих трансваальских политиков веривших, что споры между двумя странами можно урегулировать миром, и он последовательно выступал против чрезмерной, на его взгляд, милитаризации страны. Правда, большинство вооружения было закуплено именно им, но он просто выполнял решения *Фолксраада*. Если бы Жубер являлся сторонником ястребов, у него была возможность заставить в три раза больше вооружения и боеприпасов, чем их оказалось в Трансваале. В вопросах войны и мира генерал-коммандант позволил своим чувствам взять вверх над доводами разума и именно он ответственен за ситуацию, когда к началу британской блокады большая часть заказанного оружия находилось в Европе и океане, а не в Трансваале.

Генерал Жубер во времена войны 1881 года

Генерал Жубер был добродетельным и честным бюргером. Он долго и верно служил соотечественникам, стараясь проводить в жизнь политику, по его мнению, наиболее полезную для страны. Но он уже не мог вести дела с требуемой энергией. По мнению некоторых соотечественников, Жубер начал впадать в старческое слабоумие но, пока не грянул кризис, это никого не заботило. Когда в 1881 году генерал вел буров к Манджубе и Леингс-Нек, он был на пике жизненных сил — энергичный, находчивый, неустрашимый. В 1899, следуя за *коммандос* в Наталь, Жубер представлял собственную противоположность — медлительный, колеблющийся, и слишком робкий. Он постоянно оставался в тылу и лишь однажды въехал в опасную зону, поведя небольшое *коммандо* южнее Тугелы.

При первых признаках опасности он поспешно отступил, обосновавшись на Моддер-Спруйте, в дневном переходе от передовых *коммандо*, и в течение трех месяцев держал при себе почти десять тысяч людей.

Генерал Жубер под Ледисмитом

Жубер пытался вести бескровную войну. После доклада генерала Мейера, что в бою у Данди погибли или получили ранение почти тридцать бюргеров, *генерал-коммандант* решительно осудил его за столь

большие жертвы и запретил преследовать бегущего врага, поскольку это могло привести к еще большим потерям.

Когда войска Джорджа Уайта заперлись в Ледисмите, оставив дорогу на Дурбан открытой, Жубер отошел назад, не желая рисковать жизнями нескольких сотен бюргеров, хотя его люди рвались в бой. Потери, понесенные при первой попытке захватить Ледисмит, настолько потрясли командующего, что Жубер не согласился на повторную атаку, хотя имел все шансы взять город.

Сидя с огромной армией у Моддер-Спруита, он не принял ни одного плана разгрома голодающего гарнизона. Пока генералы Бота, Мейер и Эразмус менее чем с тремя тысячами людей сдерживали противника на берегах Тугелы, Жубер, имея в три раза большую армию, караулил затаившийся Ледисмит. Узнав о вторжении британцев в Оранжевую Республику, он настоял на немедленном отступлении и побежал на север, бросив сражавшихся бюргеров, взрывая мосты и железную дорогу, не захватив даже собственные палатки и снаряжение.

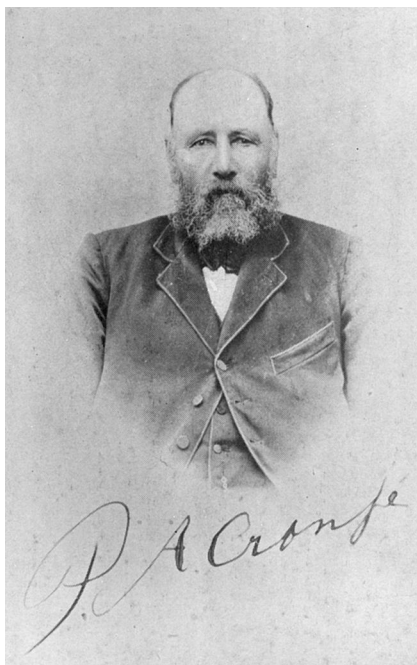

Генерал-коммандант Жубер во время Натальской кампании

Обстоятельствами, смягчавшими вину Жубера в проигрыше Натальской кампании, могут выступать его возраст, болезненность и несчастный случай, произошедший с ним в лагере. Но при всей снисходительности, следует признать, что именно на нем лежит ответственность за неудачные действия бюргеров в Натале. Его армия насчитывала от двадцати до тридцати тысяч человек. По своим боевым каче-

ствам она была эквивалентна семидесятитысячной армии британцев. Ей недоставало лишь человека, способного упорно преследовать бегущего врага. Если бы *генерал-коммандант* осмелился "додавить" британцев и силой собственного примера вытащил бы бюргеров из лагерей, судьба Натальской кампании решалась бы не на берегах Тугелы, а на побережье Индийского Океана. Буры в Натале нуждались в командире, который бы призывал "Идем!" вместо "Идите!".

Смерть Жубера (26 марта в Претории), вызвала искреннее сожаление большинства южноафриканцев, по праву считавших его одним из самых достойных граждан республики.

Пит Кронье

По мере того, как над Трансваалем сгушались тучи, Пит Кронье все чаще задумывался о ходе неизбежной грядущей войны. Он знал, что ему вновь предстоит вести *коммандос* в бой, как уже приходилось в многочисленных туземных конфликтах, в войне 1881 года, и во время набега Джеймсона. Кронье слыл человеком, предпочитавшим тишину своей фермы полевой жизни, но он хорошо знал Йоханнесбург и искренне считал войну единственным способом решения конфликта между *уйтлендерами* и бурами. Имея природную тягу к военному де-

лу, Кронье изучал зарубежные военные труды, пытаясь примерять их к южноафриканским реалиям.

В первые же дни войны, Кронье атаковал противника у Мафекинга. Затем, во главе своих людей отправился к Кимберли и, после нескольких стычек, осадил "Бриллиантовый Город". Удача подстегивала его, и Кронье продолжил путь на юг. Вскоре в его лавровый венок добавились Магерсфонтейн, Белмонт и Граспан.

Генерал Кронье (держит кнут) у Мафекинга

Но несколько месяцев спустя армия лорда Робертса повернула колесо Фортуны, и бурскому генералу пришлось отступать по собственным следам. Но, даже птясь, он при не упускал возможности наказывать чересчур самоуверенного противника. Отброшенный от Кимберли превосходящими силами британцев Кронье был вынужден постоянно маневрировать, уворачиваясь от ударов британцев, пытавшихся взять его в клещи. Враг расставлял сети – Кронье неизменно из них выскальзывал. Генерал Френч наседали на него с одной стороны, лорд Робертс с другой, лорд Китченер с третьей. Опытным кадровым офицером, стоявшим во главе британских батальонов, противостоял фермер из Потчестроома. Бой с Конницей Робертса в четверг 15 февраля, марш в 15 километров и успешный арьергардный бой с лордом Китченером в пятницу, сдерживание авангардов Робертса и Китченера в субботу... Воскресное утро 18 февраля 1900 года его бюргеры встре-

тили в обрывистом русле Моддер-Ривер у Паардеберга, окруженные сорока тысячами солдат противника.

Подходя к реке, генерал Кронье не сомневался, что на следующий день сумеет пробиться на противоположный берег. Бюргеры умоляли его уйти ночью на восток, а *коммандант* Феррейра, просил разрешения увести своих людей на северо-восток, чтобы воссоединиться позднее, но Кронье решил удерживать позицию, пока не переправит за реку все свои транспортные вагоны. Вечером *комманданты* Де Биир и Гроблер убеждали генерала бросить обоз, доказывая, что на следующий день они будут полностью окружены. Кронье решительно отклонил предложение, ответив, что сумеет пробиться сквозь любую преграду. Когда британские войска уже замыкали кольцо, часть бюргеров, убедившись в непреклонности генерала, самостоятельно ушла на восток.

Лишь утром, увидев британцев на южном берегу, Кронье понял свою ошибку, но не пал духом. Объявив своим людям, что ожидает помощи, он посоветовал сохранять спокойствие и вести огонь по своему усмотрению. Днем противник со всех сторон атаковал лагерь, но маленькая армия буров отразила штурм, выведя из строя более тысячи британских солдат.

Британские офицеры наблюдают за боем у Паардеберга

Когда солнце опускалось за горизонт и четыре тысячи буров пели псалмы, из них, возможно, лишь один человек верил, что сможет прорвать вражеское кольцо, и этим человеком был генерал Кронье. Он понимал тяжесть сложившейся ситуации, но был спокоен, словно

только что выиграл битву. Он говорил – "пусть англичане приходят", и бюргеры, ободренные уверенностью своего старого командира, решились сражаться, пока тот лично не объявит о победе или поражении.

В понедельник утром казалось, что каждая травинка вокруг бурского лагеря, изрыгала гранаты и шрапнель на *донга* и траншеи, в которых укрылись бюргеры. Повсюду рвались лиддитные снаряды, и выла шрапнель. Над головами буров носились несметные рои пуль, а за спиной гремели тяжелые взрывы – это рвались вагоны с боеприпасами, подожженные вражескими снарядами. Лошади и скот пал под ураганом свинца и железа. Раненые стонали в траншеях, незахороненные мертвецы лежали снаружи. Канонада была настолько ужасной, что никто не мог покинуть траншею или овраг, чтобы принести глоток воды раненому товарищу. В лагере не было медиков, всех врачей противник задержал в Якобсдале. Вскоре Кронье запросил перемирия, но лорд Китченер ответил "сражайся или сдавайся", и Кронье, решил продолжать сопротивление. Бомбардировку лагеря возобновили с еще большей силой. Лишь ночью бюргеры сумели покинуть траншеи и норы, чтобы размять конечности и приготовить пищу.

Траншеи и укрытия бюргеров у Паардеберга

Орудия бюргеров замолчали утром во вторник, и с этого момента они могли отвечать на бомбардировку лишь огнем "маузеров". Днем окруженные получил гелиографом сообщение от *комманданта* Фронемана: "Я здесь с *коммандантами* Де Ветом и Кронье. Не падайте духом, я жду подкреплений. Пусть XXVII псалом вдохнет в бюргеров

храбрость". Близость помощи, придала бурам уверенность в благополучном исходе дела, и когда вечером последовала еще одна концентрическая атака, она встретила достойный отпор.

В среду на осажденных вновь обрушился шквал снарядов. Незадолго до полудня огонь внезапно затих, и люди Кронье услышали отголоски боя. Но звуки становились все слабее. Бомбардировка лагеря возобновилась и бюргеры поняли, что Фронеман не смог их деблокировать. Разочарование было столь велико, что полторы сотни буров сказали "прощай" своему генералу и сложили оружие. Следующий день стал повторением предыдущего, с той лишь разницей, что состояние людей и лагеря с каждым часом становилось все более жалким. Мольбы раненных причиняли страдания тем, кто был вынужден их слушать. Оставлять мертвых без погребения мучительно само по себе, но ежедневное зрелище разлагавшихся трупов походило на пытку. Мысль, что противник в десять раз сильнее, приведет в уныние любого бойца, но отсутствие надежды способно загасить самую яркую доблесть, особенно у трепетно относившихся к человеческой жизни бюргеров.

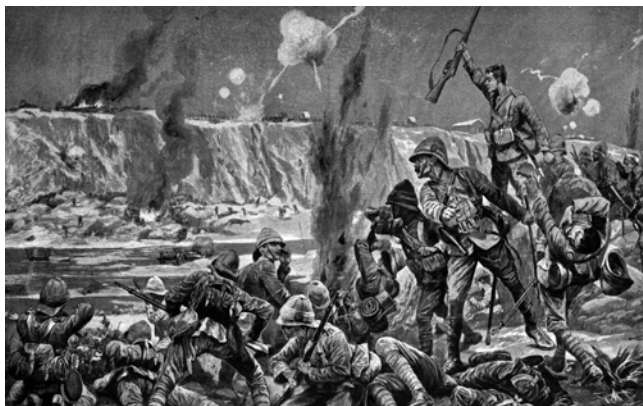
Пятница и суббота не принесли ничего, кроме послания от Фронемана, убеждавшего Кронье продолжать сопротивление, пока из Блумфонтейна не придут подкрепления. Вечером в субботу Ян Терон из Крюгсдорпа, сумел прорваться сквозь кольцо окружения с депешей от генерала Де Вета и *коммандантов* Кронье и Фронемана, предлагавших Кронье с боем прорвать кольцо окружения, в то время как они нанесут вспомогательный удар по врагу. *Кригсраад* решил предпринять попытку вырваться, и утром в воскресенье бюргеры начали строительство подвесного моста, чтобы с его помощью перебраться через вздувшуюся от дождей Моддер-Ривер. К счастью для буров британские батареи в тот день выпустили по лагерю лишь один снаряд, и бюргеры сумели завершить мост к вечеру, используя канаты и цепи от вагонов. Но в понедельник британские орудия принялись за мост и обстреливали его столь ожесточенно, что никто не мог к нему даже приблизиться, не говоря о том, чтобы попытаться перейти на другой берег. В ходе дня бомбардировка усилилась, а когда два снаряда угодили в группу из девяти бюргеров, оставив от них лишь оторванные конечности, *кригсраад* решил поднять белый флаг. Генерал Кронье и *коммандант* Схутте были единственными офицерами, голосовавшими против капитуляции. Они умоляли других членов совета пересмотреть решение и с боем прорвать окружение, но два голоса были слишком слабы, чтобы заставить остальных изменить свое мнение. На позиции, площадью около трех квадратных километров, окруженный со всех сторон, под жесточайшим огнем, страдая от недостатка провианта и

задыхаясь в тесноте вырытых нор, генерал Кронье не желал уступать сорокатысячной армии.

Лагерь буров после десятидневной бомбардировки

Но воля большинства взяла свое, и после десяти дней сопротивления 27 февраля (в годовщину победы на Манджубе), над изрытым воронками лагерем взвился белый флаг. Тела девяносто семи буров остались лежать на поле боя, двести сорок пять раненых ждали своей участи на брошенных позициях, когда генерал Кронье и три тысячи шестьсот семьдесят девять бюргеров вышли из русла Моддера и сдались фельдмаршалу Робертсу.

Последний день Кронье у Паардеберга (рисунок из "Life")

Будучи одним из наиболее ярких военных лидеров буров, генерал Кронье, тем не менее, ответственен за много серьезных и дорогостоящих неудач. После Магерсфонтейна, нанеся сокрушительное поражение противнику, он не пожелал воспользоваться плодами победы, позволив своей армии бездействовать два месяца, в то время как британцы создавали базу для будущих операций у самой Моддер-Ривер. Марш Френча на Кимберли вполне мог быть предотвращен или отсрочен, если бы Кронье расположил несколько тысяч бюргеров на невысоком гребне, доминировавшем над маршрутом Френча, но в течение двух дней, столь судьбоносных для него самого и его армии, генерал Кронье даже не шевельнулся в своем лагере.

Офицеры Кронье, попавшие в плен 27 февраля 1900 года

У Магерсфонтейна Кронье позволил тридцати шести орудиям, брошенных британцами, оставаться на позициях всю ночь, до десяти часов следующего утра, когда они были уведены врагом. На вопрос, почему он не послал людей захватить орудия, последовал ответ: "Господь был так добр к нам, что у меня не хватило совести послать моих уставших людей их забрать".

Кронье не щадил собственной жизни и в бою всегда находился на самом опасном участке. Он редко пользовался винтовкой, поскольку один глаз у него был поврежден, но приземистого, сутуловатого, седобородого генерала, с длинным хлыстом в руках, всегда видели в гуще битвы. В бою он был фаталистом. Рассказывают, что когда у Моддер-Ривер один из бюргеров предложил Кронье перейти на менее открытое место, старый воин мрачно ответил: "Если Господь уготовил мне

погибнуть сегодня, я буду застрелен, даже если спрячусь на дне колодца".

Кронье был одним из наиболее требовательных лидеров бурской армии, и эта черта не добавляла ему популярности в среде бюргеров, пытавшихся отлучиться домой. Он не возбуждал в своих людях чувства привязанности как Бота, Мейер, Де Вет или Де ла Рей. Буры сражались в траншеях Паардеберга не потому, что любили его, а потому что уважали его, как лидера.

В быту Кронье был горожанином по манерам и приятным собеседником. Подобно большинству буров он отличался глубокой религиозностью и пытался соблюдать религиозные заповеди в повседневной жизни. Хотя ему было шестьдесят пять, когда началась война, он обладал энергией и духом молодого мужчины. Ужас и тяготы десятидневной осады у Паардеберга почти не оставили следов на его лице, которое очевидцы описывали как "Хриstopодобное". Его патриотизм не подвергался сомнению, а его жизненным кредо были слова: "Независимость мирным путем, если возможно, но независимость любой ценой".

Когда Фрайхейдские *коммандос* пересекли западную границу своего округа и вторглись в Наталь, один из членов *Фолксраада* – Луис Бота, имел ранг рядового бюргера.

Генерал Луис Бота

Отличившись в бою у Данди, Бота стал заместителем (*ассистент-генералом*) своего друга и соседа генерала Лукаса Мейера. Несколько

недель спустя, заболев, Мейер передал командование Боте, а когда из-за травмы и болезни, вышел из строя *генерал-коммандант* Жубер, Бота принял на себя обязанности главнокомандующего. На смертном ложе Жубер потребовал назначить Луиса Боту своим приемником и, таким образом, простой бюргер менее чем за шесть месяцев стал *генерал-коммандантом* Трансвааля. Но это была не просто полоса везения. Бота своим умом и волевыми качествами заслужил каждую ступень карьеры, хотя редко в истории можно встретить рядового, за одну кампанию достигшего ранга главнокомандующего. Мейер заболел, когда дела на фронте начали принимать серьезный оборот, но, к счастью буров у Коленсо и на Спион-Копе у них был Бота, командовавший с такой прозорливостью и доблестью, какую можно было ожидать лишь от умудренного опытом генерала.

За тридцать пять лет до того, как стать *генерал-коммандантом*, он родился почти там же, где был избран на этот пост – на земле империи, борьбе с которой отдавал все свои силы и способности. В детстве он слушал рассказы о битвах, в которых его отец и дед плечом к плечу сражались с ордами туземцев. В юности Бота воевал против зулусов и помогал Лукасу Мейеру строить новую страну, впоследствии ставшую его домом. Неординарные личные качества и протекция Мейера сделали его членом *Первого Фолксраада*. Когда общественные дела не требовали присутствия в Претории, Бота жил на своей ферме во Фрайхейде с семьей, находя в кругу близких счастье, которое считал единственно достойным этого слова. Без сомнения Бота был воином, но в первую очередь он был человеком, любившим свою ферму, прелесть домашней жизни и смех своих четырех детей.

Дом Луиса Боты во Фрайхейде, разрушенный англичанами

Иногда встречаются люди, обладающие определенным магнетизмом, привлекающим и удерживающим привязанность других. По свидетельствам современников Луис Бота был именно таким человеком. Незнакомец, видевший его впервые, тут же проникался к нему доверием. В Боте было что-то, заставлявшее едва знакомых людей дарить его своей дружбой. Свет голубых глаз, казалось, гипнотизировал человека, вольно или невольно притягивая к себе. Бота не отличался ярко выраженными традиционными для бура чертами характера, которыми приобретали друзей Крюгер или Жубер. Взамен от него исходило таинственное влияние, которое он распространял на каждого, с кем контактировал. Приятные черты лица, глаза, голос, манера общения – все соединилось в таинственное обаяние, дававшее ему власть над собеседником.

Начало генеральской карьеры Боты, сопровождалось определенными трудностями, большинство из которых объяснялось его молодостью. Бюргеры никак не могли смириться, что тридцатипятилетний "выскачка" стал генералом, и долгое время относились к молодому командиру с определенной долей негатива. Старые буры смеялись, когда он просил их исполнить какое-либо поручение, в глаза называя мальчишкой, упорно не желая принимать совет или приказ от человека намного моложе, чем они сами. Сотни бюргеров отказались подчиняться его командам, и даже направили правительству протест, требуя убрать Боту с занимаемого поста. Так продолжалось, до тех пор, пока молодой генерал не проявил себя у Коленсо и Спирит-Копа. Лишь тогда до бюргеров начало доходить, что военные способности не всегда связаны с убежденной сединой бородой. В отличие от старшего поколения, молодежь приняла Боту быстрее, в трудный момент, без колебаний, подставив ему свое плечо.

Для поддержания авторитета офицерам бюргеров, иногда приходилось прибегать к не характерным для бурав приемам. Так во время боя на Понт-Дрифт, когда генерал Бота был целиком занят боем и не имел времени аргументировать свои действия, он попросил двух молодых бюргеров отнести боеприпасы на вершину копи, находившегося под сильным огнем противника. Один из бурав согласился выполнить приказ, но другой отказался, ссылаясь на риск. Бота, сохраняя доброжелательный тон, признал, что подниматься на холм опасно, но настаивал на исполнении приказа. Бюргер продолжал отказываться, неосмотрительно добавив, что Бота слишком молод, чтобы отдавать приказы. После этих слов *генерал-коммандант* решил прибегнуть к определенного рода внушению, свалив оппонента на землю мощным ударом кулака. С минуту бур не двигался, а придя в себя, сообщил, что готов нести боеприпасы на вершину. Стоит добавить, что в скором

времени этот юноша стал одним из близких соратников Боты.

После Коленсо и Спийон-Копы, продемонстрировав свои способности командира, генерал Бота стал идолом буров, уступая в популярности лишь президенту Крюгеру. Его приверженцы хотели сделать Боту президентом, а его день рожденья объявить национальным праздником. В честь *генерал-комманданта* намеревались воздвигнуть памятник. Теперь буры были готовы вознести на вершину славы человека, которого еще несколько месяцев тому считали зарвавшимся выскочкой.

*Генерал Бота (сидит в центре)
со своими офицерами в декабре 1900 года*

В Натальской кампании генерал Бота заслужил репутацию смелого и талантливого командира, но по-настоящему сложная работа ждала его после снятия осады Ледисмита. Когда армия лорда Робертса начала финальный марш из Блумфонтейна на Преторию, на плечи *генерал-комманданта* легло множество новых забот. С этого момента, действуя в труднейшей обстановке, он проявлял незаурядные мастерство и изобретательность. С горсткой разочарованных, впавших в уныние бюргеров он противостоял многочисленной победоносной армии. Ситуация была бы непростой, даже имея он под своим командованием обученную и дисциплинированную армию. Но ему приходилось сдерживать натиск врага, одновременно пытаясь удержать расползавшихся во все стороны бюргеров Оранжевой Республики.

Вскоре Бота осознал, что не сумеет вести оборонительные бои в Оранжевой без своих людей. Но как он мог их заполучить? Конечно, из Оранжевой Республики в Наталь тянулись телеграфные провода, но отданный таким способом приказ, не сдвинул бюргеров ни на шаг. *Генерал-коммандант* был вынужден отправиться к Биггарсбергу лично, рассчитывая найти бюргеров-добровольцев, желающих помочь соотечественникам, сражавшимся южнее Кроонстада. Когда в первых числах мая Бота прибыл в Наталь, он попросил Стандертонское *коммандо* пойти с ним в Оранжевую Республику. Бюргеры решительно отказались, требуя вначале провести неделю дома. После многочисленных уговоров, умасливаний и угроз Бота уговорил бюргеров отправиться на Западный фронт. Генерал-коммандант проследил, как люди грузились в вагоны, а затем специальным поездом, в хорошем расположении духа, поспешил в Преторию. Там он узнал, что *коммандо* доехало лишь до Стандертон, где разбрелось по домам. Но он не пал духом, и через несколько часов был в Стандертоне. За два дня, объезжая ферму за фермой, он собрал своих людей и все-таки доставил их на фронт.

Генерал Луис Бота в Натале

Отступление буров на север вдоль железной дороги и уход за Валь, многочисленные арьергардные бои и перестрелки, которыми Бота

сдерживал стремительное продвижение противника – на плечи молодого генерал-комманданта легло немало забот. Кроме того он лично возглавлял Стандертонское *коммандо*, пытаясь не дать британцам отрезать его отряд от других *коммандо*, действовавших в западной части Трансвааля, а также сил Мейера, сражавшегося на юго-востоке. Даже после того, как британцы заняли столицу Трансвааля, Бота и его люди сохраняли уверенность в конечном успехе своего дела. Не смотря на то, что война перешла в партизанскую фазу, *генерал-коммандант* заявлял: "Мы будем сражаться, пока на земле Южной Африки не останется ни одного британского солдата".

Генерал Лукас Мейер

Крестным отцом *генерал-комманданта* Боты безо всяких натяжек можно считать генерала Лукаса Мейера – одного из талантливейших лидеров бурской армии. Большую часть кампании Бота и Мейер действовали рука об руку, при этом значительную часть бремени *генерал-комманданта* брал на себя его учитель и сосед по Фрайхейдскому округу. Бота редко начинал новое предприятие, не проконсультировавшись с Мейером. Луис Бота получил пост *генерал-комманданта*

вследствие болезни Мейера, который, несомненно, стал бы наследником Жубера, если бы не слег в этот важный период кампании. Но факт, что ученик обошел учителя никогда не омрачал дружбу этих людей.

Генерал Мейер получил основы военного образования у знаменитого вождя зулусов Динизулу, в 1884 году, когда вместе с восемью сотнями буров помогал ему в войне с другим племенем. В бою у гор Лабомбо Мейер и Динизулу победили. В качестве платы за службу каждый бур получил большую ферму в районе, позднее известном как Фрайхейд. Буры создали собственное государство, назвав его Новой Республикой и избрав Мейера президентом. Мейер занимал этот пост четыре года, пока республика не вошла в состав Трансвааля.

Мейер принимал участие в войне 1881 года. У Ингого он получил ранение в голову осколком снаряда, сорок два дня пролежав без сознания. В последующие годы генерал занимал различные военные и гражданские должности во Фрайхейдском округе, где располагалась его большая ферма "Анхоуен", и председательствовал в *Фолксрааде*, направившем ультиматум Великой Британии.

К моменту объявления войны, генерал Мейер, со своим *коммандо* находился на трансваальской границе. Он открыл военные действия, войдя в Наталь и атаковав британцев, расположившихся у Данди. Бой был тщательно спланирован Мейером и, несомненно, закончился бы разгромом всего британского отряда, если бы генерал Эразмус, действовавший совместно с Мейером, выполнил свою часть работы. Хотя изрядное количество британцев погибло и попало в плен, а в качестве трофеев бурам достались значительные запасы снаряжения, основной отряд противника под командованием генерала Юла сумел уйти. Мейер преследовал отступавшего противника и настиг его у Моддер-Спруйт. Несмотря на болезнь, Мейер настоял на личном руководстве своим *коммандо*, и сражался, пока британцы не заперлись в Ледисмите. Лишь после этого он слег, и месяц серьезно проболев. 24 декабря, вопреки советам врача, Мейер вернулся на фронт, и принял участие в бою у Понт-Дрифт и в тринадцатидневной битве за Питерс-Хил. У Понт-Дрифт пуля, попав в полевой бинокль генерала, расплющилась и упала в один из карманов его куртки. Из этой пули Мейер заказал брошку для жены, часто навещавшей его во время затишья на фронте.

Когда генерал Жубер и его *кригсраад* решили отступить от Тугелы, сняв блокаду Ледисмита, генерал Мейер был одним из немногих, выступивших против. Обвинив *кригсраад* в малодушии, Мейер вернулся на берега Тугелы, где вместе с Луисом Ботой продолжал сдерживать колонну Буллера. Мейер и Бота в числе последних оставили позиции, которые столь долго и доблестно защищали, решив возобновить борь-

бу, как только достигнут Моддер-Спруйта и обеспечат пищей людей и лошадей. Но по-прибытии на Моддер-Спруйт, выяснилось, что Жубер с армией бежал на север, прихватив с собой весь провиант. В сложившихся обстоятельствах *коммандос* оставалось лишь идти на запах пищи, и этот запах привел удрученных, разочарованных, изголодавшихся бюргеров на Биггарсберг.

В марте и апреле на Натальском фронте было спокойно, и генерал Мейер, воспользовавшись передышкой, создал на Биггарсберге внушительную линию обороны. Иностранные военные эксперты находили его план очень добротным и выражали удивление, узнав, что Мейер распланировал траншеи, не прочитав ни одной книги по данному вопросу и не имея никаких наставлений. Траншеи, начинаясь в нескольких километрах восточнее британских аванпостов, ряд за рядом тянулись северо-восточнее и северо-западнее, до самой верхней точки Биггарсберга. Спруиты и реки соединили траншеями таким образом, что отряды буров могли скрытно перемещаться на много километров или отступать до самых вершин, оставаясь надежно укрытыми от вражеского огня. У подножья гребня возвели длинные шанцы, обеспечивавшие бюргерам прикрытие, в то время как на самом гребне построили ложные укрепления, чтобы запутать противника и заманить его под прицельный огонь. Позиция была великолепна, но, к сожалению для буров, британцы, утратив веру в эффективность лобовых атак, обошли Биггарсберг, так и не окропив кровью его склоны.

Траншеи буров на Биггарсберге

Когда буры не сумели остановить наступление лорда Робертса в Оранжевой Республике, генерал Мейер был вынужден уйти на север, выполнив отход столь неспешно и основательно, что потерял очень мало людей.

Генерал Христиан де Вет

В лице Христиана Де Вета Оранжевая Республика обрела одного из способнейших и храбрейших своих командиров. До войны, Де Вет был фермером. Боевое крещение будущий генерал прошел в 1881 году, в числе других добровольцев взбираясь по склонам Манджубы. В его внешности не было ничего воинственного. Христиан Де Вет – *генерал-коммандант* Оранжевой Республики 1900 года ни на йоту не отличался от Христиана Де Вета – бюргера из Барбертона 1879 года. Люди, знавшие его в дни золотой лихорадки, утверждали, что он имел более воинственную наружность в старые времена, будучи профессиональным забойщиком быков, чем на фронте, став профессиональным забойщиком людей. Гордясь своим штатским внешним видом, Де Вет не раз с удовольствием подчеркивал, что мундиром ему служил тот же пиджак, который он носил на ферме.

До войны Де Вет приобрел сомнительную славу, пытаясь скупить весь урожай южноафриканского картофеля для монопольного захвата рынка этого продукта в Йоханнесбурге. Но просчитавшись, он не сумел продать купленный картофель до нового урожая, вследствие чего

стал банкротом. Позже Де Вет стал известен как фермер, выращивавший картофель у Кроонстада. Когда у Николсонс-Нек в Натале, он захватил тысячу двести британских солдат, в качестве бонуса ему достались большие запасы картофеля, который, похоже, доставил ему не меньше удовольствия, чем пленники. Но, несмотря на пристрастие к сельскому хозяйству, Де Вет не спешил вернуться к мирной жизни, до конца войны оставаясь одним из самых непримиримых и решительных бурских командиров.

Генерал Де Вет возглавлял большое *коммандо* Оранжевой Республики, отправившееся в Наталь. Он принимал участие в нескольких боях у Ледисмита, но вскоре его служба потребовалась в Оранжевой Республике. Там он предпринял героическую попытку спасти угодившего в ловушку Кронье. Но только после занятия Блумфонтейна, Де Вет начал свою блестящую карьеру партизанского командира. За одну неделю он провел три серьезных боя, с общим призом в тысячу пленных, семь орудий и почти на полмиллиона фунтов запасов.

Начав у Саннас-Пост, 31 марта, он атаковал колону полковника Бродвуда, захватив четверть конвоя до того как британские офицеры обнаружили присутствие врага. Едва затихло эхо этого боя, как Де Вет обрушился на другую британскую колонну у Моестерс-Нек, а двумя днями позже атаковал третью у Вепенера. Британцы высылали в погоню за ним отряд за отрядом, но Де Вет, почти две недели терзая коммуникации противника, увернулся от гнавшегося за ним врага и ушел на север, где принял активное участие в попытках остановить рвавшегося вперед лорда Робертса.

Штаб генерала Де Вета (Потчестроом 1901)

Под давлением британцев он увел свое командо почти к северной границе Оранжевой Республики, а затем повернул на восток, сопровождая президента Стейна и правительство Республики в более безопасные места. При первой возможности Де Вет посылал небольшие отряды атаковать британские линии коммуникаций, доставляя противнику постоянное беспокойство. Почти во всех операциях *генерал-комманданту* помогал его брат, генерал Питер Де Вет, отличавшийся не меньшей отвагой (позже, на партизанской стадии войны, Пит Де Вет пошел на сотрудничество с британцами). В ходе боевых действий Христиан Де Вет нанес британцам больше потерь, чем любой другой бурский генерал. В Натале и Оранжевой Республике он захватил более трех тысяч пленных, тысячи голов скота и лошадей, уничтожив запасы снаряжения и боеприпасов стоимостью в миллион фунтов. Численность британских солдат, убитых и раненых в боях с людьми Де Вета, является спорным вопросом, но по грубым подсчетам превышает тысячу человек.

Пленные британцы после боя у Саннас-Пост

Трансваальский генерал Якобус Де ла Рей, действовавший в Оранжевой Республике, честно заслужил свою репутацию умного и храброго командира. Он искренне верил в высокую боепособность бюргеров и в окончательную победу их дела. Будучи невысокого мнения о

британском кадровом пехотинце, Де ла Рей не раз утверждал, что один бур способен взять вверх над десятью солдатами в любое время и в любом месте.

Генерал Якобус Де ла Рей

Подобно большинству буров, Де ла Рей не получил в детстве особого образования. Когда в Кимберли вспыхнула алмазная лихорадка, будущий генерал зарабатывал на жизнь доставкой грузов. В девятнадцать лет он принимал участие в войне с басуто, а в тридцать, уже в должности *фельдкорнета* вел людей против Секукуне. В войне 1881 года ему пришлось принять участие в осаде британского гарнизона Потчестроома, и уже тогда он убедился, что пассивная осада является пустой тратой времени и сил.

Будучи сторонником политической линии Пита Жубера, он не одобрял жесткой позиции Крюгера в отношении *уитлендеров* и выступал против вооруженного конфликта с Великобританией. Когда в *Фолксрааде* увлеченные ораторы пламенно призывали к войне, Де ла Рей считал подобные речи бессмысленными, глупыми и вредными, а на обвинение в трусости, брошенное ему в лицо президентом Крюгером, Де ла Рей отвечал сравнением ресурсов Британской Империи и бурских республик.

За долгие годы, водя вагоны по вельду, навещая удаленные фермы как Правительственный инспектор, или забредая в самые удаленные уголки Западного Трансваала в качестве Комиссара по делам туземцев, Де ла Рей споткнулся в окрестностях Кимберли и Мафекинга о каждую кочку. В 1899 году, топографические карты ему были не нужны.

В начале войны, получив должность одного из полевых генералов Кронье, Де ла Рей сумел отличиться уже на второй день конфликта, атаковав британский гарнизон у Краипаана, а затем, после пятичасового боя, захватив бронепоезд, везший боеприпасы и два семифунтовых орудия в Мафекинг.

Первый трофей войны (Краипаан 12 октября 1899 года)

Его отношения с Кронье незаладились с самого начала. Де ла Рей считал своего начальника человеком неглупым, но догматичным, лишенным воображения и медлительным. Очень быстро проявились их разногласия относительно тактики действия. Де ла Рей критиковал тягу Кронье к решающим сражениям и осадам, считая, что тот обчитался европейских книг.

Де ла Рей принимал участие в отражении первого наступления колонны лорда Метуэна на Кимберли. У Белмонта его люди прикрывали отход генерала Принслоо к Граспану, а затем отошли к Моддер-Ривер. После первых серьезных боев Де ла Рей пришел к мнению, что тради-

ционно располагая оборонительные рубежи на гребнях холмов, буры становятся ясноразличимой целью для британской артиллерии, а их огонь, ведущийся сверху вниз менее эффективен. Он настаивал, что у пуль, выпущенных стрелками, укрывшимися у подножий копи, больше шансов найти цель. Настояв на своем, генерал заставил три тысячи своих бюргеров рыть траншеи на берегах Моддера и Рит-Ривер восточнее и западнее моста через реку, а 28 ноября 1889 года войска Метуэна угодили в приготовленную ловушку.

Во время боя Де ла Рей, подбадривая бюргеров, постоянно находился на огневом рубеже пока его сын, Адриан, не был смертельно ранен шрапнелью, а он сам не получил пулю в плечо. Несмотря на ранение и постигшее его горе, Де ла Рей оказался единственным бурским командиром, оставшимся в траншеях на ночь. Его коллеги, беря пример с Кронье, посчитали потери бюргеров слишком серьезными (75 человек убитыми и ранеными) и поспешили уйти на юг к Кимберли.

После боя у Де ла Рея с Кронье состоялся неллицеприятный разговор. Генерал бросил в лицо начальнику резкие обвинения в слабой поддержке и небрежении долгом. В ответ Кронье заявил, что никто не принуждал Де ла Рея держать своих людей на равнине, и что его тактика порочна по своей сути. Заодно Кронье отверг план Де ла Рея отрыть траншеи у подножья магерсфонтейнских холмов. Настаивая на своем, Де ла Рей телеграфировал президенту Стейну о сложившейся ситуации и тот, посоветовавшись с Крюгером, прибыл на фронт, улаживать разгоревшийся конфликт. В результате план Де ла Рея был принят. Вырыв траншеи у подножья высот, бюргеры тщательно замаскировали свои позиции, дополнительно прикрыв их проволочным заграждением.

Ночью 11 декабря генерал-майор Эндрю Ваухоп пытался внезапно атаковать позиции бюргеров. Ожидая, что буры, как обычно, засели на холмах, он не успел своевременно развернуть своих Хайлендеров и на британский отряд, двигавшийся в плотной походной колонне, обрушился ураган свинца. Большая часть из девяти сотен убитых и раненых шотландцев, в том числе и сам Ваухоп, полегла в первые минуты. После девятичасового боя британцы отступили к Моддер-Ривер.

Хотя план боя принадлежал Де ла Рею, сам он не принимал в нем участия, отчасти из-за ранения, но главным образом из-за накала страстей в отношениях с Кронье. Чтобы разрядить обстановку его отправили с инспекцией *коммандо*, осаждавших Кимберли, и по возвращении, генералу оставалось лишь сокрушаться, что буры, выиграв бой, отказались преследовать деморализованного противника.

Когда в феврале армия Кронье попала в смертельную ловушку у

Паардеберга, Де ла Рей действовал на коммуникациях противника в районе Колесберга. Узнав о проблемах Кронье, он тут же повел свое *коммандо* на выручку, но опоздал.

После захвата британцами Блумфонтейна и Претории, буры перешли к партизанской тактике. Именно на втором этапе войны Де ла Рей добился заслуженного признания всей нации, получив почетное прозвище "Лев Запада".

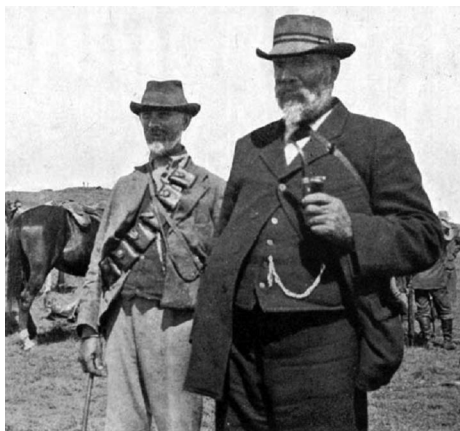
Из других бурских генералов, принимавших активное участие в кампании, несомненно заслуживают упоминания член *Paada* Де Биир, защищавший северную границу Трансвааля, Сарел Ду Тойт, сражавшийся у Фотин-Стримс, Сниман – старый фермер из Марико, осаждавший Мафекинг, Хендрик Схоеман – действовавший в Капской Колонии, Ян Кок – убитый при Эландслагте в самом начале кампании, а так же Леммер, Гроблер и Оливет.

Генерал Сниман (справа) и командант Бота у Мафекинага

Подавляющее большинство бурских генералов и офицеров были замечательными людьми. Зачастую они казались грубыми и неотесан-

ными, но при этом отличались добротой и человечностью. Никто из них не любил смотреть на кровопролитие или принимать в нем участие. Отмечались случаи, когда бюргеры обстреливали белый флаг или флаг Красного Креста, но эти нарушения правил войны не были преднамеренными.

Генерал Гроблер

Иностранцы, сопровождавшие армию буров – корреспонденты, военные атташе и добровольцы, единодушны во мнении, что офицеры бюргеров – от *генерал-комманданта* до последнего капрала – стремились вести честную войну, будучи в равной степени "доблестными и благородными джентльменами".

ПРЕЗИДЕНТЫ

Мартинус Стейн

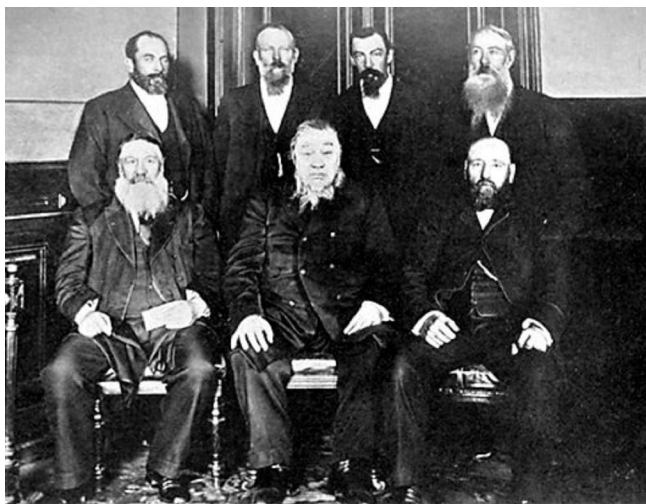

Пауль Крюгер

Когда над Южной Африкой в очередной раз запылало пламя войны, реальным лидером буров обеих республик стал Пауль Крюгер. Длительное правление создало трансваальскому президенту множество врагов, но война, если и не заставила замолчать, то значительно приуменьшила враждебность политических противников. В трудное время бюргеры нуждались в вожде, которому могли бы доверять, и таким вождем признали Крюгера. На фермах, в вельде, в траншеях на поле боя о "Дядюшке Пауле" говорили, как о буре из буров. Отправив знаменитый ультиматум Британии, Крюгер изрядно укрепил свой авторитет среди соотечественников. Даже те, кто наиболее жестко и упорно оппонировали ему в политической борьбе Прогрессивной и Консервативной партий, в наступившие тяжелые времена желали услышать его совет. В его адрес больше не доносилось слова порицания. Бюргеры восхваляли твердость своего президента и молились, чтобы его жизнь продлилась до тех пор, пока страна не добьется абсолютной независимости. Однажды Бисмарк заметил: "Кавур был сообразитель-

нее, умнее и в дипломатическом отношении одареннее меня, но есть человек, сильнее и способнее меня и Кавура, и этот человек – Президент Крюгер. Он не опирается на гигантскую армию, его не поддерживает великая империя. Он стоит один со своим крестьянским народом, сравнившись с нами благодаря своей гениальности. Я говорил с ним, и он загнал меня в угол".

Долгие годы Пауль Крюгер стремился к главной цели своей жизни – независимости Трансвааля, и всю силу своего гения направлял на достижение этой цели. Он пытался добиться суверенитета мирными средствами, но, посеяв и взрастив в сердцах соотечественников семена свободы, оказался заложником собственного народа и был вовлечен в войну помимо собственной воли. Крюгер упорно не желал менять дипломатическое перо на винтовку, но бюргеры полагали, что мирные средства себя исчерпали, и президент не смог противиться их давлению. Не он подстрекал бюргеров к войне. Это они считали, что только "Маузер" принесет им желанную свободу. На заседаниях *Фолксраада*, непосредственно предшествовавших войне, не Пауль Крюгер, а представители бюргеров призывали к оружию. Когда президент убедился, что его люди действительно решили сражаться, он предложил план, дававший хоть какой-то шанс на успех.

*Исполнительный совет Трансвааля
(сидят Жубер, Крюгер, Кронье)*

Крюгер сам выбрал момент для ультиматума. Решение было принято за одиннадцать дней перед его отправкой британской стороне, но

из-за неготовности Оранжевой Республики возникла восьмидневная заминка. Крюгер понимал важность нанесения неожиданного удара, и медлительность Оранжевой Республики в столь кризисный момент была ему очень неприятна. Когда Оранжевая объявила о своей готовности, президент взял трехдневную паузу, чтобы дать дипломатам последний шанс. Он не мог смириться с мыслью, что для воплощения великой мечты пришлось прибегнуть к такому жестокому и рискованному средству, как война. Когда ультиматум доставили Британскому Правительству, по свидетельствам очевидцев старик плакал.

С первыми выстрелами президентские обязанности мирного времени отошли на второй план. Крюгер целиком погрузился в дела, связанные с положением на фронтах. Несмотря на возраст, он трудился с полной самоотдачей и во многих случаях проявлял больше энергии, чем люди много моложе его. Он продолжал вставать в четыре утра – привычка. После утренней молитвы Крюгер слушал чтение донесений генералов, диктовал ответы в форме предложений, запретов или одобрений. После завтрака спал около часа, а затем отправлялся в Здание Правительства, пунктуально входя в него, как только часы пробьют девять. Около часа, он консультировался с членами Исполнительного Совета и немногими правительственными чиновниками, еще остававшимися в городе. После ланча работал с корреспонденцией, принимал бюргеров, прибывавших с фронта и иностранцев, симпатизировавших делу его народа. Он никогда не позволял себе оставаться праздным, да фактически и не имел такой возможности, поскольку почти все правительственные чиновники были на фронте, а их обязанности кому-то требовалось исполнять. Крюгер лично следил за работой департаментов, оставшихся без руководителей. Его трудоспособность особенно ярко проявилась в это время, когда на его плечи легли дополнительные внутригосударственные заботы и руководство деятельностью эmissаров за рубежом. Вскоре к ним добавилась тяжелая психологическая нагрузка, вызванная неудачами на фронтах и постоянное ожидание новых катастроф.

Его консультаций всегда искали, а его советам, как правило, следовали. Когда *коммандос* отправлялись на фронт, они считали своим долгом остановиться в Претории и увидеть "Дядю Пауля". Старого президента эти встречи волновали до слез. Однажды, стоя в центре *коммандо*, президент не сдержался и зарыдал, говоря о соотечественниках, уже отдавших свои жизни за свободу страны. Когда буры были на вершине успеха, Крюгер постоянно благодарил бюргеров за хорошую работу, не уставая напоминать, чтобы они возносили хвалу Господу за Его милость. Одно из характерных посланий подобного рода было отправлено *коммандантам*, офицерам и бюргерам 8-го января 1900

года. Обращение, составленное самим президентом, звучит следующим образом:

"Для вашей собственной информации и информации офицеров, я желаю заявить, что через благословение Господа нашего, наше великое дело в настоящий момент, исполняется настолько успешно, что, приложив большую энергию, мы можем довести его до верного и выгодного для нас конца.

Однако для того, чтобы такой конец мог быть достигнут, категорически необходимо использовать всю энергию. Необходимо чтобы все бюргеры, способные к активной службе, отправились на поле боя, и чтобы те, кто пребывает в увольнении, не искали поводов его продлить, а вернулись так скоро, как возможно, каждый на место где находится его командир.

Братья! Я молю вас действовать с максимально возможной быстротой и рвением, имея перед глазами Божий Замысел, который вел наших людей через всю Южную Африку. Читайте Псалом 33, от стиха 7 до конца.

"Противник выражает свою веру Псалмом 83, где говорится, что эти люди не должны существовать, и их имя должно быть уничтожено; но Господь говорит: "Это будет существовать". Читайте также Псалом 89, стихи 13 и 14, где Господь говорит, что дети Христовы, если они отступят от слов Его, будут наказаны горькими превращениями, но Его благосклонность и доброта бесконечны и неистощимы. Что он сказал, остается сильным и крепким. Потому что Господь очищает своих детей, как огонь очищает золото.

Мне не надо напоминать вам обо всей разрушительности действий врага, вы это знаете. Я лишь вновь указываю, что Дьявол атакует Христа и Его Церковь. Эта атака была с самого начала, а Господь не одобрит разрушение Его Церкви. Вы знаете, что наше дело справедливо, в этом не может быть сомнения и, как в Псалме, они начали с порочности. Я искал в Библии ответ и не нашел другого, кроме как следовать пути, которым мы идем, и мы должны продолжать сражаться во имя Господа.

Пожалуйста, ознакомьте всех офицеров и жителей вашего района с содержанием этой телеграммы, и внушите им мысль о важности нашего дела".

Когда Крюгер узнал, что генерал-командант Жубер решил отступить от Ледисмита, он отправил длинную телеграмму своему старому соратнику, заклиная того одуматься, и удерживать берега Тугелы. Но Жубер увел своих людей на север, к Гленко. Днем позже Крюгер прибыл на театр боевых действий.

Президент считал, что совершается большая ошибка, и без колеба-

ний демонстрировал свое неудовольствие. Он и Жубер на жизненном пути много раз расходились во взглядах, но те, кто присутствовал в генеральской палатке во время их встречи у Гленко, рассказывали, что никогда не видел президента в таком гневе. Тем не менее, закончив высказывать свое мнение о действиях генерала, президент пожал Жуберу руку, и они продолжили обсуждать дела, словно между ними и не было ссоры. Другим людям, частично ответственным за отступление, в знак своего неудовольствия Крюгер отказался пожать руки – метод осуждения, очень колкий для буров.

Президент Пауль Крюгер в начале войны

"Если бы я был на пять лет моложе, или мое зрение было лучше, – ворчал он, – я бы взял винтовку и показал вам, на что способны старые буры. В нас есть храбрость, в вас, похоже, ее нет".

После того как президент "пропесочил" офицеров, и заручился их обещанием продолжать сопротивление, он прошелся по лагерям, пожимая руки и ободряя бюргеров, спешивших повидать своего почитаемого лидера. Когда вокруг него собралась большая толпа, президент обнажил голову и попросил людей помолиться вместе с ним. Вскоре голос Крюгера понесся над замершими бурами, взывая к Все-

могущему Господу, и прося его удостоить армию бюргеров своим Благословением. Старый седой человек, был хорошо замечен в кругу, образованном расступившимися на несколько шагов бюргерами. Его люди одетые в темную, истрепанную в боях одежду истово молились, потупив глаза в землю. Кое-где над собранием возвышались белые тенты, в других местах люди стояли на орудиях или вагонах. Подъезжавшие бюргеры спешили и присоединялись к молящимся. В отдалении возвышался Талана-Хилл, где произошел первый бой кампании. На севере высился величественный Дракенсберг, откуда более полувека тому *вуртреккеры* впервые увидели Наталь, в то время как за южными холмами затаился угрюмый Ледисмит. Здесь на земле, освященной кровью первых поселенцев, среди нескольких тысяч человек, видевших смерть в лицо, Крюгер молил Всемогущего даровать силу его бюргерам.

У Гленко Крюгер пробыл совсем немного, поскольку пришли сведения, что бюргеры Оранжевой Республики совсем пали духом и быстро отступают к Блумфонтейну. Президент поспешил в Оранжевую Республику, где встретил бегущих бюргеров у Поплар-Грув. Он пытался уговорить их удерживать позиции и остановить наступление британцев, но *коммандос* были настолько деморализованы, что не помогло даже присутствие Крюгера и проявленное им личное бесстрашие. Старый бур, наблюдал за боем, неподвижно стоя под градом британских снарядов. Когда один из снарядов упал совсем рядом, и все его спутники разбежались, Крюгер медленно побрел прочь, упрекая своих людей в трусости.

После неудачной попытки остановить движение лорда Робертса, Крюгер вернулся в Блумфонтейн и, совместно с президентом Стейном, обратился к лорду Солсбери с предложением закончить войну. Крюгер и Стейн питали слабую надежду, что после достигнутых британцами успехов, когда воинская слава в равной степени покрыла противоборствующие армии, самолюбие противника будет удовлетворено, и он согласится прекратить войну. Неясно, насколько искренне Крюгер верил в действенность подобного предложения, но современники отмечают, что старый президент был немало удивлен, получив категоричный отказ.

Вскоре Крюгер предпринял еще поездку в Оранжевую Республику для встречи с президентом Стейном и генералами буров на знаменитом *кригсраде* у Кроонстада.

Кроонстад, после падения Блумфонтейна на короткое время ставший столицей Оранжевой Республики, не имел большого публичного зала, подходившего для проведения собрания, поэтому трибуной послужил прилавок мясника на рыночной площади. После президента

Стейна, генерал-комманданта Жубера и нескольких других лидеров выступавших перед бюргерами, стоявшими под дождем, снаружи торгового павильона, на один из столов взобрался Крюгер. Он обратился к представителям *коммандос* двух республик с пламенной речью, призывая их продолжать борьбу и не впадать в отчаяние из-за того, что Блумфонтейн перешел в руки врага. Его слова, как всегда нашли отклик в сердцах бюргеров, и президент завершил свое выступление под громкие крики одобрения и клятвы не выпускать оружие из рук. Участники *кригсраада* вернулись в лагерь, исполненные веры в конечную победу, и вскоре продемонстрировали британцам силу этой веры у Саннас-Пост, Моестерс-Нек и Вепенера.

*Бюргеры слушают выступление президента Крюгера
на рыночной площади Кроонстада (март 1900)*

Пауль Крюгер без сомнения был прирожденным лидером. В мирное время он увлекал людей силой аргументов и личным магнетизмом, в военное – простыми словами, отправленными телеграфом, личным присутствием на фронте, достоинством и решительностью, подкрепленными преданностью стране и соотечественникам. Он был подобен легендарным королям прошлого, которые вели свои армии в бой а, в случае необходимости, без колебаний брались за меч.

В ходе войны Крюгеру судилось пережить немало разочарований и огорчений, противостоя множеству испытаний и бед. Одним из сильнейших ударов судьбы, стала смерть его многолетнего соратника и

соперника, *генерал-комманданта* Жубера. В течение почти полувека Крюгер и Жубер были политическими лидерами Трансвааля. Оба стремились к одной цели – полной независимости своей страны, в то же время радикально расходясь касательно способов достижения этой цели. Смерть Жубера искренне опечалила Крюгера.

"Братья, сестры, бюргеры и друзья, – произнес он над могилой своего легендарного соотечественника, – сегодня я буду краток, поскольку плоть слаба. Мы потеряли нашего брата, нашего друга, нашего *генерал-комманданта*. Я потерял мою правую руку, мою правую руку с самой юности, Сегодня мне придется обойтись без старого гражданина нашей страны, без человека с которым жил и боролся за нее. Он ушел на небеса, сражаясь за свободу, завещанную нам Господом. За свободу, которую он и я отстаивали много лет, и которую так часто приходилось защищать. Братья, что сказать вам в наш величайший день скорби, в этот час национального траура? Мы боремся за справедливость и добродетель, которым Господь научил нас. Это широкая дорога к небесам и блаженству, и наша святая обязанность держаться ее, если мы желаем достичь счастливого конца. Наш дорогой умерший брат ушел по этой дороге к вечной жизни. Что я могу сказать о нем? Всего несколько недель тому я видел его на фронте, смиренно и честно принимавшего свою долю лишений и трудов, подобно беднейшему бюргеру. Настоящий генерал, настоящий христианин – он являлся примером для своих людей. Он говорил со мной тогда и совсем недавно, и позвольте передать его слова вам.

"Эти дни темны. Мы переживаем неудачи из-за порочности и безнравственности, поселившейся в нашей земле. Никакой успех не придет, и никакое благословение не будет дано нашему делу, если вы не избавитесь от пороков, засевших в нас; лишь затем вы сможете надеяться на достижение награды за праведность и благородство".

Наш выдающийся отошедший брат – пример подобного поведения. Избираемый нацией за свою честность, он пользовался таким доверием, что в его руки отдавалось все, и он прекрасно справлялся с работой. Он умер, как и жил – на дороге долга и чести. Пусть мир беснуется вокруг нас, пусть враг о нас злословит. Я говорю – следуйте примеру. Господь будет с вами перед беспощадной рукой врага, и в момент, который Он сочтет нужным для вмешательства, на нашу землю вновь придет мир. Почему симпатии всего земного шара с нами в нашей борьбе за свободу? Почему чужаки со всего мира хлынули к нам поддержать наш любимый флаг и помочь нам защищать нашу независимость? Это ли не рука Господа? Я чувствую это своим сердцем. Я вновь заявляю вам – конец борьбы будет удовлетворительным.

Наша маленькая нация существует благодаря помощи Всемогущего

го и продолжит свое существование. Пророки сказали: "Закрытые книги будут открыты, мертвые восстанут, тьма обратится в свет, ничто не укроется. Каждый предстанет перед Господом, судящим его. Вы будете слышать его голос, и ваши глаза откроются для правды". Братья, этой большая потеря для вдовы нашего *генерал-комманданта*, его семьи, всех нас. Но я еще больше верю во Всемогущего, обращаюсь к нему за сочувствием, укрепляясь в мысли, что тело нашего брата уходит от нас, чтобы вновь восстать в прекрасном и вечном доме. Так будем же следовать его примеру. Не рыдайте, Господь поддержит вас. Час утешения рядом. Давайте помолимся, чтобы мы могли вступить на небеса, и быть ведомыми к вечности, как тот, о ком мы столь глубоко скорбим. Аминь".

Похороны генерал-комманданта Жубера

С молодости уверовав, что буры находятся под прямым контролем Провидения, Крюгер сильно переживал, что на фронте часть *коммандос* занимались мелким воровством. В многочисленных обращениях он упоминал об этом грехе, пытаясь донести до сердец бюргеров, что они не могут ожидать Господнего Благоволения, если не исправятся. Он упомянул об этом пороке и в речи, произнесенной над телом Жубера. Общаясь с иностранными волонтерами, президент также не упускал возможности напомнить, что они приехали сражаться, а не грабить. Когда в Преторию прибыл отряд американцев, Крюгер пригласил их на встречу и обратился к волонтерам в своей характерной

прямой грубоватой манере: "Я очень рад, что вы прибыли нам помочь. Я хочу, чтобы вы следили за своими лошадьми и винтовками. Никому не позволяйте их украсть. Не крадите сами ни лошадей, ни оружие. Верьте в Господа, и сражайтесь изо всех сил".

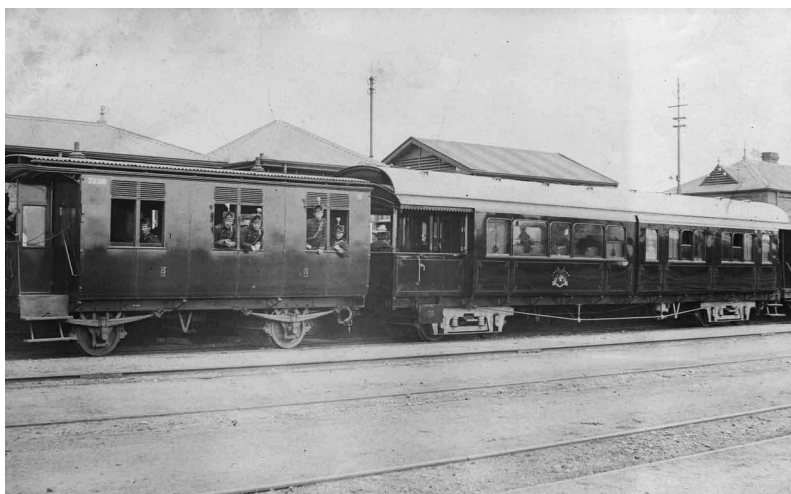
И во время войны небольшая веранда оставалась любимым местом работы и отдыха президента. Он по-прежнему сидел в большом кресле на виду у прохожих, обсуждая политические вопросы или положение на фронтах. Однако прежние собеседники исчезли. Они были на войне. За мраморными львами их сменили преимущественно старые буры с бандольерами и винтовками.

Мистер Крюгер не был заклятым англофобом, каким его представляли британские газеты. Он с уважением относился к британцам и британскими институтами власти. Но трех англичан он ненавидел всем сердцем, считая их ответственными за развязание войны, никогда этого не скрывал, и пользовался каждой возможностью, чтобы выразить свое мнение о них и их деятельности. Крюгер проклинал Родса за подстрекание к войне и считал Чемберлена и Милнера в равной степени ответственными за ее начало. Он заявлял, что настоящей причиной войны между бурами и британцами было желание Родса добиться славы. "Родс хочет прославиться как строитель Южноафриканской империи, – говорил Крюгер, – а империя не завершена до тех пор, пока в ее сердце существуют две республики".

Каковы бы ни были причины войны Крюгер, определенно, не ставил перед собой цель добиться политического превосходства в Южной Африке. Голландцы Капской Колонии, президент Стейн и трансваальский Государственный Секретарь Рейтц, может и лелеяли мечту добиться голландского доминирования, но Крюгеру подобные устремления были чужды. Будучи сторонником самодостаточности Трансвааля, он неизменно и твердо отказывался вмешиваться в дела Капской Колонии. За несколько дней до своей смерти *генерал-коммандант* Жубер свидетельствовал, что Крюгер никогда не планировал вытиснить Великую Британию из Южной Африки, и не заключал соглашений с голландцами других колоний, имея ввиду подобный результат. Пока республики никто не трогал, трудно было встретить трансваальского бура или бура северной части Оранжевой Республики озабоченного вопросом Британец или Голландец является представителем высшей расы в Южной Африке. Если за Ваалем и существовали реальные антибританские настроения, то они возникали на британской почве Капской Колонии и юге Оранжевой Республики, уже оттуда проникая на север.

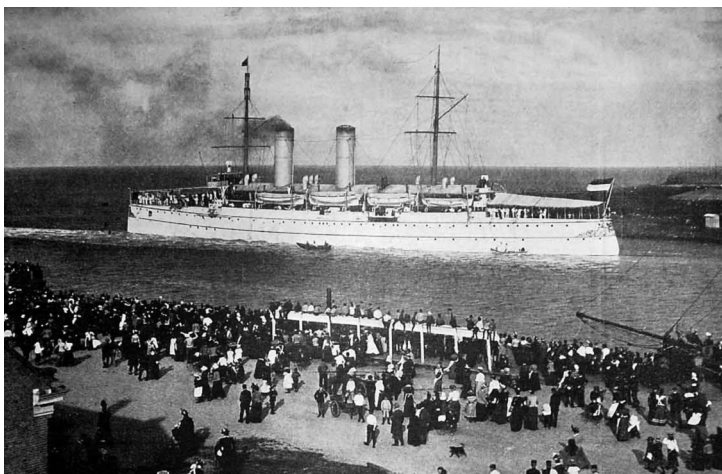
Несомненно, одной из самых трагических страниц жизни Крюгера стали бегство из Претории, и последовавшая затем эмиграция.

Президент страдал, наблюдая, как вражеская армия все глубже и глубже проникает в сердце страны, как в руки врага переходят фермы и плантации бюргеров, но когда британцы подошли к столице, на его глазах из скопления хижин выросшей в прекрасный город, для старика наступили действительно тяжкие времена. Крюгер сравнительно легко пережил падение Йоханнесбурга, поскольку всегда считал его враждебным, но когда Претория, истинно бурский город, вот-вот могла стать британской, все ожидали, что Крюгер сломается. На пороге столь великого бедствия его противники и недоброжелатели утверждали, что президент признает поражение и запросит пощады. Никто не предполагал, что человек в возрасте семидесяти пяти лет покинет семью, дом, ферму и стада – плоды всей жизни, потому, что верит в безнадежное дело. Но годы не изменили характер Крюгера. Расставаясь с женой, он утешал и успокаивал ее, а когда рыдающие сограждане и старые друзья собрались в его небольшом доме для прощания, он распекал их за недостаток веры и убеждал, что жертвы буров в конце концов принесут победу.

*Вагон, служивший резиденцией президента Крюгера
после бегства из Претории*

Семью месяцами ранее, стоя на веранде своей резиденции и снимая шляпу перед первым британским пленником, прибывшим в город, Крюгер просил бюргеров не ликовать столь явственно. В мае старик, собравшийся бежать, вдохновлял своих людей обрести храбрость и высмеивал их малодушие.

*Прибытие П.Крюгера в Марсель
на борту голландского крейсера "Gelderland" 20 октября 1900 года*

Находились ли буры на вершине победы или в бездне отчаяния, Пауль Крюгер оставался самим собой – лидером, патриотом, вдохновителем, советчиком и другом.

Президент Оранжевой Республики Мартинус Стейн

Президент Оранжевой Республики – Мартинус Стейн, в преддверии войны находился в более затруднительном положении, чем его соратник, президент Трансвааля Пауль Крюгер. Сотни граждан республики, будучи британцами по происхождению, отказались сражаться в рядах его армии. Ощущался недостаток не только опытных генералов, но и простых бюргеров, способных защитить границу государства. Республика, располагая скромными финансовыми ресурсами, почти не готовилась к войне. Не хватало орудий, боеприпасов и снаряжения. Мобилизация заняла больше времени, чем предполагалось. В то время, как от буров требовалась быстрота и четкость, все шло не так. Но, как настоящий глава правительства и главнокомандующий, Стейн проявил замечательную энергию, изобретательность и работоспособность. Преодолев все трудности, пусть с некоторой задержкой, но он, все-таки сумел вывести свою армию в вельд.

Президент Стейн с бюргерами Оранжевой Республики

Стейн постоянно навещал лагеря бургов на фронте. В феврале он был на позициях республиканцев у Ледисмита. Несколько дней спустя посетил бургов, осаждавших Кимберли. Через два дня он уже занимался государственными делами в Блумфонтейне. В ходе кампании его обязанности многократно возросли, а с приходом первых неудач, стали почти неподъемными. После перехода Блумфон-

тейна в руки британцев Стейн перенес столицу в Кроонстад, и оттуда, с помощью президента Крюгера, восстанавливал боевой дух бюргеров. Силой своего авторитета и опираясь на помощь таких патриотов как генерал Де Вет, он сумел убедить бюргеров Оранжевой Республики, пренебрегших долгом, вернуться на фронт и продолжать сопротивление.

*Президент Стейн выступает перед командос
с призывом продолжать борьбу*

Когда армия лорда Робертса выступила из Блумфонтейна, Стейн перенес столицу в Хейлброн. В дальнейшем столица постоянно перемещалась из одного места в другое, но, несмотря на все превратности, и сильно пошатнувшееся здоровье, президент Стейн постоянно находился с командо Де Вета или Де ла Рея, самого окончания боевых действий сохраняя верность своим людям и своей стране. Будучи практически парализованным он настаивал на продолжении войны до тех пор, пока Британия не признает право буров на суверенитет.

ИНОСТРАННЫЕ ЛЕГИОНЕРЫ

*Иностранные атташе в Южной Африке
(слева на право: капитан Рейхман, США; лейтенант Томсон, Голландия;
полковник Гурко, Россия; капитан Аллум, Норвегия; капитан Де-манж,
Франция; лейтенант Дюваль, Франция; сидит на траве
г.Фишер, Оранжевая Республика)*

Неизменным атрибутом большинства войн и конфликтов того времени являлся "солдат удачи" – типаж мало изменившийся по своей сути со времен странствующих рыцарей. В Американской войне за независимость и колонисты, и британская армия пользовались помощью иностранцев. Иностранцы участвовали в Франко-Прусской войне. Короткий греко-турецкий конфликт также дал многим иностранным офицерам возможность приобрести опыт современной войны. В Испано-Американской войне на стороне Испании сражалось несколько европейских офицеров. Даже филиппинцам помогал отряд иностранцев, командир которого, однако, бросив Эмилио Агуинальдо, присоединился к бурам.

В "цивилизованной" войне было свое очарование, манившее людей определенного склада, для которых битва являлась разновидностью бодрящего кровь приключения. И в бурской армии насчитывалось немало иностранцев, взявших в руки оружие ради собственно войны, но, все-таки, большая часть волонтеров присоединилась к бурам, искренне желая помочь республикам в борьбе за правое дело.

Буры, считая эту войну своим делом, категорически не желали доверять командование чужакам. Множество иностранных волонтеров обращалось к ним с предложениями возглавить бурские *коммандо*, но фермеры неизменно отвечали категорическим отказом. Десятки иностранных офицеров прибыли в страну в расчете заполучить командные должности, чтобы добыть славу и опыт, но ни одну просьбу подобного рода бюргеры не удовлетворили. Буры считали свою систему ведения войны наиболее подходящей для данных условий и лишь посмеивались над предложениями иностранных офицеров научить их чему-либо. Каждый европейский офицер доброжелательно принимался в Претории и лагерях, но ему предлагали записаться как рядовому бюргеру. В бурской армии нельзя было купить офицерский патент, чем многие иностранцы были глубоко разочарованы. Буры считали, что чужаки ничего не знают о стране, о подходящих методах ведения боя и не умеют достаточно ловко обращаться с оружием. Как следствие, они отказывались вручать исход боя и свои жизни в некомпетентные руки. Перед войной на службе у буров находилось небольшое число иностранцев, но они не играли особой роли. Несколько европейских офицеров, по поручению правительств республик, обучали молодых буров артиллерийскому делу, и эта деятельность была действительно ценной, но неоднократные заявления британской прессы, что каждое *коммандо* возглавлял иностранный офицер, совершенно не соответствовали истине.

Наплыв иностранцев в страну начался с первых дней войны и продолжался полгода, с интенсивностью около четырехсот человек в месяц. Среди волонтеров, как их называли бюргеры, можно выделить несколько категорий: профессиональные солдаты, любители грабежа, искатели приключений и люди желавшие сражаться за справедливое дело.

Профессиональный солдат приносил бюргерам немалую пользу, пока подчинялся бурскому командиру, но, как только начинал действовать по собственному усмотрению, становился не только помехой, но и нес в себе прямую угрозу. В первые дни войны Германский Легион был разгромлен под Эландслаагте, и с тех пор всех иностранных волонтеров обязали присоединиться к *коммандо*.

Президент Крюгер выступает перед американскими волонтерами

По прошествии нескольких месяцев, когда дела на фронте приняли неблагоприятный для буров оборот и часть бюргеров дезертировала, волонтеры уговорили буров позволить формировать иностранные легионы для самостоятельных действий. Были сформированы Французский Легион, Американские Скауты, Русские Скауты, Германские Скауты и несколько других отрядов. Целый месяц после сдачи Блумфонтейна рапорты этих "легионов" оживляли страницы иностранной прессы многочисленными сообщениями о нападениях на вражеские аванпосты. В течение нескольких недель, если верить сообщениям легионеров, вся британская армия должна была пару десятков раз обратиться в бегство, а число британских потерь в три раза превышало численности армии Робертса. Но вскоре свобода действий, предоставленная иностранцам, была вновь отобрана. Это случилось после того, как французский командир Вильбуа-Морель и его небольшой отряд попал в засаду у Босхофа. Все легионеры поступили под прямое командование генерала Де ла Рея.

Волонтеры, воевавшие ради трофеев, были не особо многочисленны, но давали знать о своем присутствии, воруя все, что можно было украсть и продать. Пресытившись грабежом домов на завоеванной территории и кражей лошадей и багажа в лагерях, они возвращались в Преторию или Йоханнесбург на отдых. Этот тип "солдата удачи" никогда не шел в бой по собственному желанию, а попав в эпицентр схватки, быстро находил укромное и безопасное местечко.

Искатель приключений во многом походил на грабителя. Казалось,

главной целью его жизни являются рассказы о битвах, которые он помог выиграть. Пока на фронте стояла тишина, он околачивался в лагере, но с первыми орудийными залпами, сразу же, находил неотложное дело в Претории. После боя его вновь можно было найти у лагерного костра, болтающим о самых невероятных приключениях. Он мог часами рассказывать истории о похождениях в глухих уголках Южной Америки или степях Сибири, но его реальные воинские подвиги сводились к самоотверженным попыткам увильнуть от боя, а участие в войне – к проеданию продовольственных запасов *коммандо*.

Тем не менее, значительную часть волонтеров составляли люди, сражавшиеся в рядах буров из-за глубокой симпатии делу республик. Большинство из них находились в стране до начала войны. Они примыкали к *коммандо* и оставались под началом бурских командиров в ходе всей кампании. Сюда же можно отнести волонтеров из Наталя и Капской Колонии, присоединившихся к бурам по религиозным убеждениям или зову крови. В начале боевых действий их было около шести тысяч, но через шесть месяцев, из-за постоянного дезертирства, осталась едва ли треть. *Африканеры* Наталя и Капской Колонии по своим боевым качествам ни в чем не уступали бурам, но когда выяснилось, что триумф буров придется отложить, вернулись в свои дома и на фермы в колониях, чтобы застраховаться от конфискации.

Артиллерийский огонь буров оказался настолько хорош, что британская пресса держала публику в убеждении, будто иностранные артиллеристы стоят у каждой бурской пушки. Англичане не верили, что буры могут достойно обращаться с каким-либо оружием кроме винтовки, хотя, на деле, было не так уж просто найти иностранца у орудия. В полевых батареях Государственной Артиллерии Трансвааля служили два германских офицера, приехавшие в страну задолго до начала войны, но почти все номера расчетов, работавшие у орудий, были молодыми бурами. Тяжелая артиллерия в Натале управлялась Леоном Грунбергом и капитаном Сэмом Леоном – представителями фирмы "Крезо", изготовившей орудия. Майор Альбрехт, командовавший артиллерией Оранжевой Республики, был иностранцем по рождению, но стал гражданином Оранжевой Республики задолго до начала войны. Он честно служил своей новой родине, пока не попал в плен вместе с Кронье у Паардеберга. Отто фон Лоссберг, американец германского происхождения, служивший до этого в армиях Германии и Соединенных Штатов, прибыл в страну в марте, и через какое-то время получил под общее командование несколько орудий, но большинство из них управлялось бурскими офицерами.

Никто из иностранцев, служивших в бурской армии не получал денежной компенсации. Их снабжали лошадьми, пищей и снаряжением

за счет правительства из расчета 35 фунтов на каждого волонтера. Перед получением разрешения присоединиться к *коммандо* и выдачей снаряжения, волонтер был обязан принести клятву верности Республике: "Настоящим я приношу клятву священной верности людям Южно-Африканской Республики и заявляю о желании помочь, всеми моими силами, бюргерам этих республик в войне, в которую они вовлечены. Я обещаю подчиняться приказам бюргеров, наделенных властью согласно закона, и буду прилагать все силы для процветания, благоденствия и независимости земли и людей этих Республик. Да поможет мне Всемогуший Господь". Лишь немногим иностранцам, уклонившимся от принесения клятвы, позволили присоединиться к армии.

Ни в Претории, ни на фронте не было официальных списков личного состава, и выяснение точной численности бурской армии непростое дело, так же как и установление точного числа иностранцев, помогавших бюргерам. Численность различных отрядов иностранцев знали их командиры, но многие волонтеры воевали в бурских *коммандо*. Оценки военных корреспондентов, которые, в общем-то, мало отличаются от других подобных оценок, приведены в таблице:

Национальность	В отдельных отрядах	В коммандо
Французы	300	100
Голландцы	400	250
Русские	100	125
Германцы	300	250
Американцы	150	150
Итальянцы	100	100
Скандинавы	100	50
Ирландцы	200	-
Африканеры	-	6000
Всего в отрядах	1650	
Всего в коммандо		7025
Общая численность	8675	

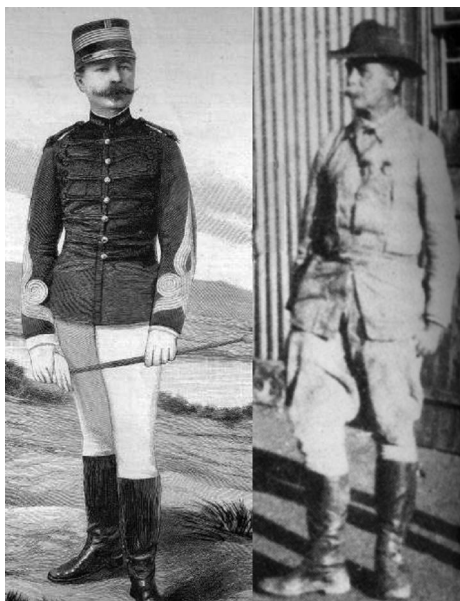
На первом этапе войны наиболее важную работу, если сравнивать с легионерами других национальностей, выполняли французы. Отчасти это можно объяснить теплым отношением генерала Жубера, весьма гордившегося своими французскими корнями. К тому же перед войной французы занимались строительством и вооружением форта в Претории, поэтому трудно назвать опрометчивым решение *генерал-комманданта* отдать четыре 155-мм "Крезо", закупленных во Франции, в руки людей, умевших с ними обращаться. Уже упоминавшиеся Грунберг и Леон оказали неоценимую помощь при транспортировке тяжелой артиллерии через горы в Наталь, и выборе позиций для орудий, с которых они могли, не подвергаясь опасности, эффективно обстреливать противника. Работу тяжелых орудий по осажденному Ледисмиту будут помнить, пока будут вспоминать саму осаду, и эта работа, во многом, была результатом деятельности французских рук и мозгов.

Доставка тяжелых орудий к Ледисмиту

Пробыв в Натале до середины января, два француза присоединились к *фристейтерам*. После ранения под Кимберли (12 февраля 1900) Леон организовал производство боеприпасов в Претории и Йоханнесбурге, а затем вернулся во Францию.

Вильбуа-Морель – еще один известный француз, присоединившийся к бурской армии и отдавший жизнь, сражаясь в ее рядах. Будучи полковником генерального штаба французской армии, накануне производства в генералы, он уволился со службы в связи с делом Дрейфуса.

Жорж Анри Вильбуа-Морель
(полковник французского генштаба и бурский генерал)

Прибыв в Трансвааль, Вильбуа-Морель отправился на натаальский фронт, где его военный опыт и благосклонность *генерал-комманданта* Жубера позволили ему участвовать в военных советах наравне с бурскими генералами. Он принимал участие в планировании операции у Коленсо. В январе Вильбуа-Морель присоединился к генералу Кронье, сражаясь с англичанами в Оранжевой Республике. В феврале 1900 года он был в числе немногих бюргеров, сумевших ускользнуть из ловушки, в которую угодил Кронье у Паардеберга. Вскоре, на военном совете у Кроонстада, французский офицер избирается *фехт-генералом*, и все иностранные легионы поступают под его командование. Его люди получили задачу беспокоить противника, действуя на британских линиях коммуникаций, но в начале апреля, едва начав первый рейд, Вильбуа-Морель и двенадцать человек из небольшого (в 60 бойцов) отряда волонтеров были убиты у Босхофа (северо-западная часть Оранжевой Республики). Будучи не лишен литературного таланта, Вильбуа-Морель писал для французских изданий *Revue des Deux Mondes*, *Correspondant*, *La Liberté* и считался во Франции чуть ли не национальным героем.

Лейтенант Галлопо – еще один француз, прибывший в Трансвааль

за боевым опытом и славой. В Натале и Оранжевой Республике он получил и то, и другое. После смерти Вильбуа-Морея, Галлопо избрали командиром Французского легиона, и он сразу же доказал, что способен управлять людьми, в зародыше подавив попытку мятежа и поставив на место недовольных.

Бойцы Голландского Корпуса

Большинство голландцев, сражавшихся на стороне буров, к началу войны уже проживали в республиках и отправились в поле с первыми *коммандо*. Голландский корпус воевал под началом *комманданта* Сморонберга – бывшего инструктора по строевой подготовке Йоханнесбургской Полиции. Среди волонтеров было много молодых голландцев в свое время нанятых на работу правительством Трансвааля, различными учреждениями Йоханнесбурга и Нидерландской Железной Дрогой. В ноябре, в первом боевом столкновении у Эландслагте, корпус был практически уничтожен, а бурский генерал Кок, командовавший бригадой иностранцев, получил смертельное ранение. Уцелевшие члены корпуса влились в состав других *коммандо*.

Русские сражались в Южной Африке в основном в составе бурских *коммандо*. Большинство из них были Йоханнесбургцами, не имевшими военного опыта, хотя среди прибывших из России насчитывалось около двадцати офицеров. Попытку сформировать отдельный отряд предпринял Алексей Ганецкий, но большинство его соотечественников уклонились от записи в отряд, предпочтя воевать под командованием офицеров-бюргеров. В результате в отряде Ганецкого русские

волонтеры оказались в меньшинстве. О боевой работе этого легиона дошли достаточно противоречивые сведения. Тем не менее, многие русские заплатили за свободу буров своей кровью. Когда, после падения Претории иностранные волонтеры начали покидать страну, часть русских офицеров остались в *коммандо*. Подпоручик Леонид Покровский скончался от ран после боя под Утрехтом в конце декабря 1900 года, а штабс-капитан Керченской крепостной минной роты Александр Шульженко партизанил с *коммандо* Терона и попал в плен лишь в мае 1901. Наиболее ярким представителем русских волонтеров можно считать подполковника Евгения Максимова, пользовавшегося репутацией весьма храброго и предприимчивого человека. Во время боев в Оранжевой Республике он был назначен заместителем командира иностранного легиона – Вильбуа-Морея. Но после смерти француза легион расформировали и под командованием Максимова остались только голландские волонтеры.

Полковник Максимов (справа) и генерал Клобе

Германский корпус просуществовал столь же мало, как и голландский. Он был частью *коммандо*, разгромленного британцами под

Эландслаагте. Командовавший германскими легионерами полковник Шиль (еще до войны принявший гражданство Трансвааля), занимался строительством фортов Претории и Йоханнесбурга. Несмотря на звание, он не обладал серьезным армейским опытом, и не успел проявить особых полководческих дарований, попав в плен в самом начале войны.

Германские волонтеры празднуют Рождество 1899 года

Немцы достойно зарекомендовали себя в этой войне, окропив кровью и склоны Спийон-Копа, и берега Тугелы. Впоследствии отряд был реорганизован и под руководством *комманданта* Отто Кранца храбро сражался в Оранжевой Республике. Среди многих германских волонтеров, прибывших в страну после начала войны, был победитель скачек Берлин-Вена майор фон Рейценштейн, участвовавший в боях у Колесберга и в Натале.

Большинство американцев провели первые месяцы войны в бурских *коммандо*, и не предпринимали попыток создать свой собственный отряд. Человек двадцать присоединились к Ирландской бригаде, организованной выпускником Вест-Пойнтской военной академии полковником Блейком. В ходе Натальской кампании Джон Хассел, воевавший во Фрайхейдском *коммандо*, организовал отряд Американских Скаутов. Проведя пять лет в изыскательских и охотничьих экспедициях в различных частях Южной Африки, Хассел имел прекрасное представление об особенностях страны, выгодно отличаясь этим от других командиров иностранного легиона. Еще во Фрайхейдском *коммандо* Хассел был дважды ранен (при атаке на Цесарс-Хилл и у Эсткорта, где удар штыком, на несколько недель вывел его из строя и удостоил чести стать адъютантом генерала Боты).

Американские волонтеры

Лейтенантом Скаутов был Джон Шеа, узнавший запах пороха еще в Испано-Американскую войну. Шеа пытался ввести в бурской армии американскую армейскую систему, но его попытка с треском провалилась, после чего всю натаальскую кампанию он сражался плечом к плечу со старыми *такхаарами*. К Американским Скаутам примкнули около полудюжины американских корреспондентов, отложивших перо, чтобы взять в руки винтовку, в том числе Джордж Парсон из "*Collier's Weekly*", которого когда-то высадили на пустынном острове к востоку от Кубы, чтобы он доставил послание Гомезу, находившемуся в нескольких сотнях миль от него. В числе американцев, сражавшихся в бурских *коммандо*, был и Отто фон Лоссбер, родившийся в Германии и прошедший подготовку в германской армии. Уже будучи гражданином Америки он участвовал в Пуэрториканской кампании. Прибыв в Трансвааль в марте 1900 года, через месяц он уже управлял артиллерией, громившей колону полковника Бродвуда у Саннас-Пост. Вместе с ним воевал барон Эрнст фон Врангель, внук знаменитого маршала Врангеля.

Когда один из четырех сыновей Государственного Секретаря Рейтца спросил у отца разрешения присоединиться к Ирландской Бригаде, Государственный Секретарь дал великолепную характеристику этому отряду: "Члены Ирландской Бригады хорошо делают свою работу и отлично сражаются, но, мой сын, манеры у них не очень". Блейк и его люди были в числе первых, пересекших натаальскую границу.

Бригада принимала участие почти во всех стычках в Натале. Блейк и его люди охраняли орудия на Ломбардс-Коп, к востоку от Ледисмита. Когда он узнал, что Жубер уходит на север, предоставив Боте с

двумя тысячами бойцов вести десятидневную битву то, вместо отступления с основными силами, Блейк и семьдесят пять ирландцев закрепились на главной дороге между Ледисмитом и Коленсо, дожидаясь прибытия Боты. Видя, что отряд британской кавалерии выступил из города с явным намерением отрезать Боту от главных сил буров. Блейк решил на блеф. Рассредоточив свой небольшой отряд по холмам, он приказал стрелять с максимальной частотой, создавая иллюзию большого *коммандо*.

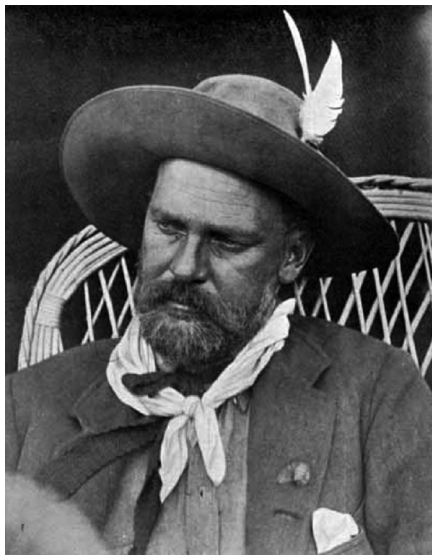
Ирландская бригада

Семьдесят пять ирландцев подняли такую пальбу, словно их было не менее тысячи. Расчет Блейка оправдался – кавалеристы вернулись в Ледисмит. Бота и его люди, едва державшиеся в седлах от голода и усталости, сумели продолжить свой переход к новой штаб-квартире Жубера у Гленко. Это был один из немногих примеров, когда иностранцы, действительно, оказали бурам неоценимую услугу.

После снятия осады Ледисмита Ирландскую Бригаду отправили к Хелпмакар-Пасс, где она оставалась шесть недель, пока Блейк не успел отправить его в Оранжевую Республику

При формировании бригады не требовалось демонстрировать документ, подтверждавший ирландское происхождение, и вследствие этого под зеленым флагом воевали шведы, русские, немцы и итальянцы. Вторая Ирландская Бригада была сформирована Артуром Линчем, австралийцем ирландского происхождения, парижским коррес-

пондентов лондонского еженедельника. Полковник Линч и его люди участвовали в нескольких боях в Натале и получили теплые отзывы бурских генералов.

Командир Ирландской Бригады Джон Блейк

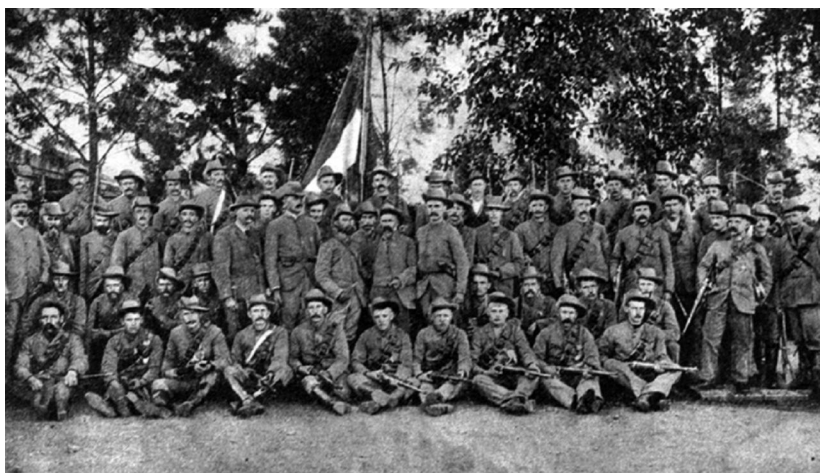
Итальянским легионом, пользовавшимся недоброй славой скопища воров и разбойников, командовал Камилло Ричиарди, обожавший войну.

*Камилло Ричиарди (стоит второй слева)
с группой итальянских волонтеров*

Капитан Ричиарди сражался в рядах итальянской армии на просторах Абиссинии. Когда началась Филиппинская война, он семь месяцев воевал против американцев. Когда Ричиарди надоело слоняться по джунглям, он бросил армию Агуинальдо и отправился в Трансвааль, где присоединился к бурскому *коммандо* как простой бюргер. Именно Ричиарди, обыскивая попавшего в плен Уинстона Черчила, обнаружил у того запрещенную Гаагской конвенцией пулю "дум-дум", на что будущий премьер-министр не краснея ответил, что "только что нашел ее в траве".

Через несколько месяцев Ричиарди сформировал отряд скаутов, который, несмотря на дурную репутацию мародеров, оказал немалые услуги армии буров. В частности итальянцы занимались подрывом мостов, прикрывая отступление армии буров.

Скандинавский корпус

Скандинавский корпус формировался в Претории. Его костяк составляли шахтеры из Йоханнесбурга и моряки. Командиром отряда (*фельдкорнетом*) был избран Йоганес Флигар. Единственным офицером, имевшим армейский опыт, был лейтенант Стальберг, исполнявший обязанности помощника командира. Отряд воевал в Оранжевой Республике, а армии Кронье. Скандинавы принимали участие в осаде Мафекинга. В бою у Магерсфонтейна 11 декабря 1899 года пятьдесят два бойца находились на аванпосту и, не получив вовремя приказ отойти, попали под удар Бригады Хайлендеров. Во время боя скандинавы потеряли тридцать пять человек из пятидесяти двух. Флигар по-

лучил пулю в живот. Лейтенант Барендсен пытался вынести его с поля боя, но также был ранен. Флигар выполз из-под тела Барендсена, поднялся и повел своих людей в контратаку, но, не успев сделать и двадцати шагов, получил вторую пулю в голову. Его люди, перепрыгнув через труп командира, бросились вперед только для того, чтобы через несколько минут найти свою смерть.

После начала наступления Робертса, скандинавы отходили вместе с генералом Кронье, разделив судьбу его армии под Паардебергом.

ЖЕНЩИНЫ БУРОВ НА ВОЙНЕ

Важная роль, сыгранная бурскими женщинами в годы войны, стала продолжением их участия в политической жизни страны все предвоенные годы. Буры считали, что настоящий патриотизм рождается не в городах, а на фермах в вельде, и лучшим подтверждением этих слов стало поведение жен и матерей бюргеров южноафриканских республик в 1899 году. Задолго до первых выстрелов, женщины буров проявляли активный интерес к дискуссиям, касавшимся важных государственных вопросов. Бюргерам было нелегко признать факт, что именно женщины, будучи более активными, побуждали своих мужей, отцов и братьев положить конец политическим раздорам и, с оружием в руках, отстаивать независимость республик. Именно женщины первыми поняли, что мир рано или поздно будет нарушен, и были готовы на это ради будущего спокойствия страны. Именно женская половина обитате-

лей вельда желала, чтобы гроза скорее разразилась и как можно скорее прошла. Энтузиазм бурских женщин был настолько велик, что они, обвиняя мужчин в робости, сами грозились взяться за оружие подобно своим матерям и бабкам. Еще до формального объявления войны, многие бурские женщины уговаривали своих мужчин оставить фермы и отправляться к границам, для защиты от возможных рейдов англичан. Во многих случаях жены сопровождали мужей в *коммандо*, готовя им пищу и создавая относительно комфортные условия жизни. Нельзя сказать, что женщины буров желали войны любой ценой. Естественно, они понимали, что война означает кровь, а возможно и смерть, тех, кого они любят. Но они привыкли видеть своих мужчин в седле, с винтовкой в руках, да к тому же, не подозревали о масштабах грядущего бедствия. Никто в Южной Африке не предполагал, что эта бойня затянется на три года, и что самую страшную цену (около 30 тысяч жизней) заплатят именно женщины и дети буров.

С сентября 1889 года жены фермеров занимались изготовлением прочной, ноской одежды, вещевых и продуктовых мешков для своих мужей и родственников, которым предстояло отправиться в *коммандо*. К моменту объявления ультиматума женщины уже подготовили экипировку бургеров, и их мужчины могли отправляться на фронт в любой момент.

Больше всего работы на женские руки выпало в первые недели войны. В порыве боевого возбуждения, охватившего мужскую половину республик, правительства как-то запаматовали наладить бесперебойное снабжение пищей огромной массы людей, потянувшейся на фронт. И если на первое время бургеры, как полагалось, имели при себе необходимый запас продовольствия, то во вторую неделю отсутствие систематических поставок провианта стало для *коммандос* серьезной проблемой. В этот критический момент на помощь пришли женщины, быстро исправив положение. Каждая ферма, каждый городской дом превратились в пекарню, и почти два месяца весь хлеб, потребляемый бурской армией, готовился руками их женщин. Для этой цели были образованы специальные организации, и, благодаря правильному разделению труда, это импровизированное интендантское ведомство функционировало не менее эффективно, чем созданное впоследствии правительством.

Одни женщины доставали необходимые продукты, другие пекли хлеб, готовили сэндвичи и варили кофе, третьи распределяли пищу по различным железнодорожным станциям, через которые проходили поезда с *коммандос*, или доставляли ее прямо в лагерь.

Когда с фронта начали поступать раненные, женщины вновь добровольно подставили плечо несколько растерявшемуся правительству.

Женщины с ферм отправились в города и лагерные госпитали. Школьницы, бросив учебники, помогали облегчать страдания бюргеров, искалеченных пулями и осколками или метавшихся в лихорадке. Эту работу выполняли женщины всех слоев общества. Две дочери предыдущего президента Трансвааля, преподобного Томаса Бургерса, работали сестрами в госпитале Претории. Там же трудилась и мисс Марта Мейер, дочь генерала Лукаса Мейера. В Йоханнесбургском госпитале дежурили два десятка юных бурских женщин, ухаживавших за британскими и бурскими ранеными с равным вниманием и безо всякого предубеждения. На фронтах, в каждом лагере были молодые фрау, которые, под защитой Красного Креста, не обращая внимания на вероисповедание, общественное положение или происхождение раненых и умирающих, облегчали страдание тем, кто доверился их заботе. Женщин можно было видеть в санитарных поездах, доставлявших раненых с поля боя в госпитали Претории и Йоханнесбурга и на перронах станций, с корзинами фруктов и бутылками молока для несчастных бюргеров и солдат, лежавших в вагонах.

Прибытие санитарного поезда с ранеными в Преторию

С началом войны почти все шахты Витватерсранда, большие предприятия и склады Йоханнесбурга и Претории прекратили работу. При этом беднейшие иностранцы, которых бросили во время "великого исхода" *уитлендеров*, через несколько месяцев оказались на грани

нищенского существования. И эту ношу взвалили на себя бурские женщины, пытаясь, хоть в какой-то мере, облегчить страдания невинных жертв войны. Был открыт подписной лист, и богатые буры добровольно давали средства для помощи попавшим в беду. В городах открывали пункты, где нуждавшихся обеспечивали пищей и одеждой. Бесплатная столовая, где миссис Бота, одна из богатейших женщин республики, сама стояла за столом и распределяла пищу голодным, стала истинным спасением для сотен голодавших иностранцев. В Йоханнесбурге женщины обходили беднейшие дома города в поисках семей, нуждавшихся в пище или медицинской помощи. Их благотворительность не ограничивалась гражданскими лицами. Когда британских пленных разместили на ипподроме Претории, бурские женщины поставили туда не один вагон с фруктами, подарками, книгами и газетами для британских солдат.

Кроме присмотра за ранеными, выпечкой хлеба и помощью обездоленным, женщины буров занимались стадами и отарами, оставленными мужчинами на их попечение. В годы войны вся работа на фермах выполнялась женщинами и слугами-туземцами. Женщина в поле и женщина, управляющая длинной воловьей упряжкой, стали привычным зрелищем. Когда на фронтах наступил неблагоприятный перелом, и враг стал теснить бюргеров, то разбросанные по вельду фермы превратились в пункты снабжения и отдыха бюргеров. Буры, едущие из одного *коммандо* в другое, разведчики и патрули останавливались у ферм, чтобы поесть и накормить своих лошадей. Женщины с готовностью предоставляли им лучшее, что оставалось в кладовых. Никакой компенсации не принималось. Мысль, что они помогают своей стране, полагалась достаточной платой за любую работу. Некоторые фермы, расположенные вблизи часто посещаемых дорог, становились постоянными местами сборов бюргеров, поэтому все женщины округи приходили туда, помочь хозяйке в приготовлении пищи. Сохранились воспоминания об одной из таких ферм, расположенной посередине пути между Смалдиилом и Бренфордом, хозяйка которой, фрау Барнард, постоянно принимала за столом от десяти до пятидесяти бюргеров. У Таба-Нчу располагалась ферма Джона Стейла, члена *Раада* Оранжевой Республики, чья жена часто кормила до сотни бюргеров. Когда недалеко от ее фермы шел бой у Саннас-Пост, фрау Стейл стояла на одном из холмов, наблюдая за ходом сражения и молясь за победу бюргеров. Как только она узнала, что *коммандос* выиграли бой, она поспешила домой и приготовила роскошный стол для мужа, тринадцатилетнего сына и офицеров, принимавших участие в схватке.

С наступлением зимнего сезона бюргеры обратились к правительству с просьбами о теплых вещах, которых катастрофически не хвата-

ло. Это было серьезной проблемой, поскольку заранее заготовленной одежды оказалось недостаточно, а поставки через Делагоа-Бей блокировались британцами. Вообще-то в республиках хватало ткани, но, поскольку почти все портные находились в *коммандо*, превращение материала в костюмы и плащи выглядело неразрешимой проблемой. Несмотря на множество иных забот, женщины безвозмездно принялись за изготовление одежды, и, на какое-то время, каждый дом превратился в швейную мастерскую. Дочери и внуки президента Крюгера координировали труд нескольких сотен женщин, работавших в здании Высшего Суда в Претории до самой оккупации столицы. Они сшили тысячи костюмов и плащей, защищавших мужчин холодными зимними ночами.

Одной из самых ярких характеристик бурских женщин, вызывавших немалое удивление иностранцев, было их настойчивое требование к мужьям и сыновьям урезать свои отпуска и возвращаться в *коммандо*. Матери и жены бюргеров продемонстрировали множество примеров самоотверженности, но ни одна из этих демонстраций не может сравниться с их отчаянными попытками сохранить численность армии в поле. Когда бюргеры, прибыв на побывку, пытались задержаться сверх положенного срока, их жены побуждали их вернуться в *коммандо*, грозя, что не станут их кормить, если мужья останутся дома.

Каждые два-три месяца бур любыми способами стремился получить отпуск, и если офицер не предоставлял ему такового, то бюргер обычно обходился и без письменного разрешения. Но когда муж без письменной увольнительной показывался на ферме, он рисковал не встретить ожидаемого сердечного приема, и напряженная атмосфера в доме, лучше всяких аргументов, вынуждала его возвращаться на фронт. Женщины буров прохладно относились к трусам, или мужчинам, пренебрегавшим долгом и, в отличие от своих сестер в "цивилизованных" странах, у них хватало решимости выказывать неодобрение подобным способом. Если муж продолжал отлынивать от службы, жена могла пригрозить занять его место в *коммандо*. Этот прием обычно действовал.

В ходе войны было множество примеров, доказавших, что женщины буров унаследовали храбрость и стойкость духа своих родственников, павших за Ваалем и в натальских долинах во времена Великого Трека от ассегав матабеле и зулусов. Они желали принимать активное участие в кампании, и лишь необходимость подчиняться правилам, установленным офицерами, мешали тому, чтобы эти амазонки сражались в рядах *коммандос*. Тем не менее, легко отыскать примеры, когда женщины нарушали эти правила, а два десятка из них могли

претендовать на награды за участие в боях. Некоторые из женщин окропили алтарь свободы своей кровью, и до могилы носили следы от пуль.

На первой стадии кампании не существовало правил, запрещавших женщинам посещать фронт и, как следствие, лагеря наслаждались присутствием множества жен и дочерей бюргеров. Первый пример своим людям подавал *генерал-коммандант* Жубер, поскольку его жена постоянно находилась с ним. Пока большая часть армии располагалась вокруг осажденного Ледисмита, в лагерях обитало большое количество женщин, постоянно занятых приготовлением пищи для своих родственников и уходом за больными и ранеными. Часто жены следовали за мужьями в траншеи у Тугелы, при этом многие из них обращались с оружием с такой же сноровкой, что и мужчины. 28-го февраля, в разгар боя за Питерс-Хилл, британцы захватили в плен смертельно раненную девятнадцатилетнюю женщину. Перед смертью она сказала, что сражалась в одной траншее с мужем, и что он был убит за несколько минут до того, как она получила свою пулю.

Женщина на войне (рисунок из "Life")

Пока бурская армия пожинала плоды успехов начальной стадии кампании, не так уж много женщин принимали участие в настоящей войне. Большинство из них вовлекались в сражения скорее в силу обстоятельств, чем преднамеренно. Чаще всего они находились на передовой со своими мужьями, и не имели времени и возможности избе-

жать боя. Бюргеры возражали против присутствия женщин в траншеях, но когда, в пылу сражения не было возможности перевести жен в безопасное место, они предпочитали дать им винтовки и бандольеры, чтобы те могли себя защитить. Полсотни женщин, переживших ужас Паардеберга, предпочли остаться со своими мужьями и братьями, хотя лорд Робертс предлагал перевести их в безопасное место. Эти женщины не были обузой для бюргеров, помогая рыть траншеи и управляясь с винтовкой не хуже мужчин.

Одной из женщин, получивших официальное разрешение правительства присоединиться к коммандо, была жена профессионального германского охотника Отто Кранца. Фрау Кранц сопровождала мужа с начала войны и оставалась в поле на протяжении почти всей нательской кампании.

Фрау Кранц

В катастрофе у Эландслаагте, эта "амазонка" вместе с мужем находилась в самом пекле боя, но сумела ускользнуть невредимой. Позже она принимала участие в боях вдоль Тугелы, а когда дела в Оранжевой Республике приняли угрожающий оборот, была в числе первых бойцов, поспешивших на Западный фронт.

Среди пленных, взятых британцами у Колесберга, были три бурские женщины, носившие мужскую одежду. Их выявили лишь после

заключения на тюремном судне, стоявшем в гавани Кейп-Тауна. Хелена Вагнер из Зееруста, провела пять месяцев в лагерях и траншеях, и никто не узнал что она женщина. Ее муж отправился в *коммандо* в начале войны, оставив ее с маленьким ребенком. Ребенок умер в январе и безутешная женщина, надев одежду мужа, отправилась на натаальский фронт искать супруга. Не добившись успеха, она присоединилась к отряду Бена Вилджоена и сражалась на Спион-Копе, у Понт-Дрифта и на Питерс-Хилл. В ходе отступления молодая женщина узнала, что ее муж серьезно ранен и лежит в йоханнесбургском госпитале, и лишь после этого оставила армию, чтобы ухаживать за ним.

Когда Луис Бота стал *генерал-коммандантом*, он издал приказ, запрещающий женщинам появляться в лагерях, и с этих пор едва ли одна из них принимала участие в боевых действиях.

Пятнадцатого мая более тысячи женщин собрались в Претории в Здании Правительства. Это было, пожалуй, самое внушительное собрание, когда-либо проходившее в городе. Говорили мало, поскольку у всех на сердце лежала тяжесть, а слезы текли обильнее, чем слова.

Женщины решили просить правительство отправить на фронт всех мужчин, задействованных в интендантстве, Красном Кресте, школах, на почте и телеграфе заменив их на рабочих местах женщинами. Правительству направили петицию, подписанную фрау Босман, фрау Бота, фрау Элофф, фрау Р.Бота и фрау Рейтц. В ней испрашивалось разрешение произвести изменения в интендантстве и других департаментах, а заканчивалась она двумя пунктами:

"Нашим бюргерам, находящимся на фронте, будет отправлено послание умоляющее их решительно противостоять врагу в защите святого дела, и раскрывающее тем, кто ослаб сердцем, последствия их слабости и трусости;

Женщины всего государства требуют обеспечить их оружием, которое в первую очередь может применяться для самообороны, а во вторую, чтобы они могли предоставить себя для службы правительству".

Последнее требование, пожалуй, было избыточным, принимая во внимание факт, что все женщины Трансвааля и так имели оружие. Едва ли встречалась бурская ферма, не имевшая винтовок для всех членов семьи, и было очень мало женщин, не умевших с ними обращаться. В Претории в начале войны организовали женский стрелковый клуб, ставивший перед собой задачу подготовить женщин к возможной осаде Претории. Среди лучших стрелков числились: внучка президента – фрау Элофф, жена генерал-почтмейстера – фрау Ван Алфен и жена государственного секретаря – фрау Рейтц. Члены клуба гордились, что президентом их организации была сама фрау Крюгер и

решили, что будут охранять старую женщину в случае осады Претории. К счастью столица не пережила подобного ужаса и членам клуба не пришлось исполнять обещание.

На долю бурских женщин выпало много горя и страданий из-за переменчивой фортуны войны. Но они никогда не теряли силы духа. Не было диких вспышек скорби, когда отцы, братья или сыновья гибли на фронте, а отступление армии лишь укрепило их решимость выстоять до конца. Они могли неверно понимать причины войны и ошибаться, называя ее виновников, но понимали, что земля, политая кровью и слезами их матерей и бабушек, которую они так любили и за которую были готовы умереть, находится в беде, и соглашались принести свои жизни на жертвенный алтарь.

Южная Африка, 1901 год

ЭПИЛОГ

Уничтожение бурской фермы

Похоже, Военные Департаменты республик не слишком заботило получение точных статистических данных, касавшихся численности армии в поле. Как следствие, точное число бюргеров, находившихся в определенный период войны под ружьем, доподлинно не известно. За год до войны в официальном сообщении двух правительств говорилось, что Трансвааль имел тридцать тысяч, а Оранжевая Республика десять тысяч мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, обязанных нести службу в *коммандо*, но эти цифры оказались гораздо больше количества бюргеров, реально носивших оружие в конкретно взятый период боевых действий. Британские источники давали и вовсе фантастические цифры. На ранней стадии войны заявлялось, что сила республиканских армий колебалась от шестидесяти до ста тысяч человек. Некоторые эксперты определяли численность бурских армий более чем в сто тысяч человек, исключая иностранцев, присоединившихся к бурам за первые полгода.

Реальная численность бурских армий никогда не превышала тридцати тысяч вооруженных бюргеров, из которых более половины не были настроены сражаться. Реально в боях участвовали не более пятнадцати тысяч человек, в то время как другая половина армии оставалась в тылу, предоставляя проливать свою кровь добровольцам. Как уже упоминалось, офицеры не имели достаточной власти над своими людьми и, следовательно, армия разделилась на два класса бюргеров: тех, кто считал, своим долгом сражаться и тех, кто оставался в лагерях – "библиотечеев", как их в насмешку называли более молодые буры. Несомненно, в республиках проживало больше тридцати тысяч потенциальных бойцов, но генералы не имели возможности удержать их в лагерях. Десять процентов *коммандос* получали разрешение отправиться домой на побывку, и почти такое же число оставляло фронт без разрешения, поэтому офицеры буров никогда не могли собрать под своим командованием декларируемые силы.

Претория и Блумфонтейн не имели другого способа установить точную численность своих сил в поле, кроме как пересчитать наличных людей в *коммандо*, но в подавляющем большинстве коммандо переключки не практиковались.

В начале декабря 1899 года Военный Департамент Трансвааля решил сделать рождественские подарки всем бюргерам республик, находившимся на фронте. От генералов и *коммандантов* потребовали точные списки людей. В результате установили, что в поле находятся около двадцати восьми тысяч человек. В армию направили соответствующее количество подарков, и в Рождество их получил каждый бюргер, при этом почти две тысячи посылок оказались не востребованы.

В разное время в ходе кампании многие иностранные корреспонденты и наблюдатели прилагали энергичные усилия для сбора точной информации относительно сил бурской армии, и результат неизменно демонстрировал, что бюргеры имели в поле менее тридцати тысяч бойцов. Корреспонденты посещали все основные *коммандо*, получая всестороннюю помощь от генералов и *коммандантов*, но зачастую результат не поднимался выше отметки в двадцать тысяч. В соответствии с заявлением *генерал-комманданта* Жубера, сделанного за несколько дней до его смерти, он никогда не имел в Натале более тринадцати тысяч человек. После деблокады Ледисмита, силы буров в Натале стали быстро убывать из-за дезертирства и ухода *коммандос* в Трансвааль. Когда генерал Буллер начал свое финальное наступление, его армии противостало не более пяти тысяч буров.

Таблица, подготовленная американским корреспондентом Говардом Хеллигасом, дает представление о реальной численности бюргеров, находившихся в поле на различных стадиях кампании:

Дата	в Натале	в Оранжевой Республике	в Трансваале	Общая численность
01.11.1899	12 000	12 000	5 000	29 000
01.12.1899	13 000	12 000	5 000	30 000
01.01.1900	13 000	12 000	3 000	28 000
01.02.1900	12 000	10 000	3 000	25 000
01.03.1900	8 000	8 000	7 000	23 000
01.04.1900	5 000	10 000	10 000	25 000
01.05.1900	4 500	9 000	9 000	22 500
01.06.1900		4 500	16 000	20 500
01.07.1900		4 000	15 000	19 000

В соответствии с этой таблицей, средняя численность бурской армии в течение первых девяти месяцев войны (до перехода в партизанскую стадию), составляла около 25 тысяч человек.

Читая книги по истории англо-бурского конфликта, написанные симпатиками той или другой стороны, постоянно сталкиваешься с эмоционально-контрастными характеристиками: религиозные фанатики против носителей цивилизации, пасторальные бородачи против пораженных всеми пороками сынов Европы, храбрецы против трусов и т.д. и т.п. Но благородство и храбрость так же, как низость и трусость, по своей сути, не могут быть исключительным свойством одного народа.

Бюргеры не считали себя заклятыми врагами британских солдат, и в сотнях случаев проявляли самые теплые чувства к раненым и пленным британским воинам. Они уважали боевые качества британских солдат, но были низкого мнения об их офицерах. Следует признать, что для подобного мнения о британском офицерском составе имелись все основания, поскольку тактические ошибки британцев были столь частыми, а любовь к лобовым атакам обходилась столь дорого, что, по мнению бюргеров, большинство людей, обладавших здравым смыслом, могло бы их избежать. Не удивительно, что отношение бура к британскому солдату несло на себе отпечаток жалости.

Иногда британские авторы (выполнявшие определенный социальный заказ) утверждали, что у буров отсутствовало великодушие, и что они вели войну не по правилам. Но иностранцы, бывавшие в бурских лагерях, *коммандо*, на фермах сохранили самые теплые воспоминания о времени проведенном в Респу́бликах. Большинство из них подчеркивали, что за все время общения с бюргерами не наблюдали скверного отношения к пленным или раненым солдатам противника, напротив, приводят множество примеров сочувствия и милосердного отношения.

Британская пресса имела обыкновение приписывать противнику столь изуверские поступки, что кровь вскипала в жилах самого мирного обывателя. Несомненно, существовали грязные, неотесанные и морально опустившиеся буры, но точно такой же типаж можно было найти среди англичан равного общественного положения. Фермер Рустенбурга, возможно, никогда не видел вечернего костюма или платья с декольте, но в Британской Империи существовало множество уголков, где подобные излишества игнорировались в неменьшей степени. Буры не были святыми, и не могли служить образцом чистоты и добродетели, но большинство из них не уступало в опрятности и порядочности большинству британцев, хотя, возможно, были менее образованы и менее модно одеты.

Война – порожденная спекулянтами и политиками, легла на плечи простых людей, ничего не знавшего о лабиринтах дипломатии. Весной 1900 года, отвергнув предложение о мире и решив стереть бурские республики с мировой карты, британцы ввязались в долгую и изнурительную партизанскую войну, не принесшую им славы. Сбылось пророчество генерала Лукаса Мейера, говорившего, что кости десятков тысяч британских солдат забелеют в вельде Южной Африки, прежде чем британцы одержат победу.

Обладавший громадными финансовыми и человеческими ресурсами, британский колосс победил, но, по иронии судьбы, эта победа, способствовавшая объединению Капской Колонии, Натала, Колонии Оранжевой Реки и Трансвааля в один доминион, дала возможность бурам, пусть на краткий по историческим меркам миг, создать собственное независимое процветающее государство – Южно-Африканскую Республику. События, происходящие на юге континента сегодня – это уже другая история, конец которой, скорее всего, будет печальным.

Серия "Южноафриканская библиотека О.Тодера"

О.Тодер

НАРОД ДЯДЮШКИ ПАУЛЯ

Трансвааль и Оранжевая Республика
в англо-бурской войне
1899-1902 годов

Донецк, 2012

